

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
I. ДЬЯКОНЪ И СМЕРТЬ. Разсказъ. С. Гусева-Оренбургскаго	2
II. СОНЪ. Разсказъ. М. Коцюбинскаго	33
III. СТИХОТВОРЕНІЯ. Бориса Садовскаго	58
IV. СТЕФАНІЯ. Романъ. (Продолженіе). Ноль Адена . . .	60
V. ВЛУЖДАЮЩІЯ ЗВѢЗДЫ. Романъ. (Продолженіе). Шоломъ Алейхема	89
VI. ОДИНЪ ИЗЪ НИХЪ. Разсказъ. С. Саввиной	111
VII. СТИХОТВОРЕНІЕ. Юліана Анисимова	138
VIII. НА ПЕРЕПУТЫИ КЪ НОВОЙ ЖИЗНИ. Эпизодъ изъ біографіи Н. Г. Чернышевскаго. Евг. Ладцаго	139
IX. У Л. Н. ТОЛСТОГО ВЪ ГОЛОДНЫЙ 1892 ГОДЪ. В. Веллчманной	160
X. ЕГИПЕТЪ. Андрей Бѣлаго	190
XI. НОВЫЙ ТУРЕЦКІЙ ПАРЛАМЕНТЪ. Герцева	215
XII. ВЕЛИКІЕ ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНЫЕ И МОРСКІЕ ПУТИ БУДУЩАГО. М. Павловича	225
XIII. БОРЬБА ГИГАНТОВЪ. Г. Цыперовича	238
XIV. ВО ЧТО ЖЕ ВѢРИТЬ? (Наброски и мысли). Е. Кусовой	265
XV. БОЛѢЗНЬ И ПОСЛѢДНІЯ МИНУТЫ ЖИЗНИ И. С. НИКИТИНА. (По неизданнымъ матеріаламъ). А. Фомина	286
XVI. «НАСТОЯЩІЙ» (Сочиненія Алексѣя Ремизова). Бориса Садовскаго	300
XVII. КОМЕДИИ ТУРГЕНЕВА НА СЦЕНѢ ХУДОЖЕСТВЕННАГО ТЕАТРА. Любови Гуревичъ	310
XVIII. ЭЛЕКТРОННАЯ ТЕОРІЯ. Н. Лазаревича	322
XIX. СУДЪ И ПРАВОСУДІЕ ВЪ РОССІИ. В. Водовозова . .	343
XX. НОВЫЯ КНИГИ. М. Зенкевичъ. Дикая порфира.—Н. Н. Шульговскій. Лучи и грезы.—З. Н. Гиппиусъ. Лунные муравьи.—Сергѣй Ауслендеръ. Разсказы.—Левъ Ждановъ. Послѣдній фаворитъ.—Баронъ А. Е. Врангель. Воспоминанія о Ѳ. М. Достоевскомъ.—С. Р. Минцловъ. Обзоръ записокъ, дневниковъ, воспоминаній, писемъ и путешествій.—И. Ф. Павловскій. Краткій біографическій словарь.—Записки судьи.—В. Вальденбергъ. Государственныя идеи Крижанича.—Б. Ф. Вериги. Единство жизненныхъ явленій	361
XXI. ПАМЯТИ АВГУСТА СТРИНДБЕРГА. Александра Блоха . . .	377
XXII. Книги, поступившія въ редакцію.	382

СОВРЕМЕНИКЪ

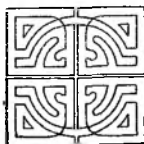
ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ,
НАУКИ, ИСТОРИИ, ИСКУССТВА
И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

М А Й — 1912

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленин

и 1620-54

С.-ПЕТЕРБУРГЪ - 1912

Типографія Спб. Т-ва Печ. и Издат. дѣла „Трудъ“, Кавалергардская, 40.

Египетъ.

Отъ Портъ-Саида до Каира.

Дикое зрѣлище представляютъ собою африканскіе порты или вокзалы; издали на васъ кидается вой и гортанный лай; еще вы вдали, а ужъ къ вамъ летятъ со всѣхъ ногъ бронзовые носильщики; одинъ выхватываетъ изъ рукъ вашихъ зонть, другой отнимаетъ у третьяго портъ-плэдъ, но портъ-плэдъ похищается четвертымъ; четверо еще управляютъ съ сундукомъ; четверо такъ вообще поощряютъ васъ крикомъ; и всѣ двѣнадцать влекутъ васъ, чуть не подталкивая пинками, въ живую гущу галдящихъ, бьющихъ другъ друга или плачущихъ носачей, чьи изступленные жесты способны нарушить равновѣсіе любого хладнокровнаго джентльмена; кардонки ваши полетятъ вправо отъ васъ; сами вы увлекаетесь влѣво; крикунъ въ длинной черной одеждѣ (абасіи) и въ круглой коричневой шапочкѣ изъ верблюжьей шерсти кидается на васъ изступленно съ билетомъ, тащитъ васъ за собой въ пестрый водоворотъ; и уже только въ вагонѣ или пароходной лодкѣ вы узнаете, что рядомъ положены чьи-то вамъ совершенно ненужные сундуки; и гдѣ-то, съ неизвѣстной вамъ долговязой миссисъ, путешествуютъ ваши вещи. Вы протестуете, вы срываетесь съ мѣста, тщетно желая добиться хоть малѣйшаго толка, хоть крупицу понять изъ гортаннаго лая и бѣготни—все напрасно; васъ вплотную кольцомъ сжимаютъ феллахи; всѣ они вытягиваютъ свои длинныя руки къ вамъ египетскимъ стилизованнымъ жестомъ и дружно кричатъ б а к ш и ш ъ ¹⁾. И когда вы бросите имъ вдвое болѣе противъ установленной платы, чуть ли не въ лицо деньги ваши летятъ вамъ назадъ. Вы испуганы: двѣнадцать грозныхъ, бронзовыхъ парней наступаютъ на васъ—вы платите не вдвое дороже, а вдесятеро; и все-таки, получивъ мзду, то тотъ, то другой изъ вовсе вамъ ненужныхъ мучителей подбѣгаетъ къ окну вагона и, гортанно крича, выпрашиваетъ—въ который разъ—свой б а к ш и ш ъ; если же вы погоните бронзоваго дѣтину, онъ, отойдя отъ васъ на три шага, вдругъ раскричится обиженно самъ съ собою, самъ съ собою расплатится, развѣвая громадный ротъ; вы увидите слезы на обожженныхъ солнцемъ щекахъ его и, испугавшись своей жестокости, вы невольно въ окно ему кинете еще нѣсколько пьестровъ; ту же комедію бу-

¹⁾ На чай.

детъ тогда продѣлывать съ вами каждый слѣдующій изъ двѣнадцати васъ сопровождавшихъ чертей; будетъ онъ плакать въ уши и поносить товарищей; вамъ не приходитъ въ голову гаркнуть е м ш и ¹⁾ или пригрозить палкой рослой ватагѣ; сдѣлай вы то или другое, вы спасены. Есть три магическихъ слова, дѣйствующихъ стремительно: б а к ш и ш ъ, м а ф и ш ъ и е м ш и; при словѣ б а к ш и ш ъ къ вамъ слетаютъ толпы феллаховъ; при словѣ е м ш и васъ они быстро оставляютъ въ покоѣ; м а ф и ш ъ ²⁾—говорить себѣ (день, утро, вечеръ) феллахъ: оттого-то разсыпается его домъ, оттого-то блохи скачутъ на его бронзовомъ тѣлѣ.

Крикъ, гамъ и шумъ созданы единственно для того, чтобы въ толпу васъ окружившихъ феллаховъ подскочила нарочито-чистая фесочка, предлагая свои услуги на ломаномъ французскомъ языкѣ: «Десять дней—я къ вашимъ услугамъ, вы заказываете мнѣ поѣздки: въ десять дней вы увидите весь Каиръ. Десять дней—какихъ-нибудь семьсотъ франковъ: слѣдуйте за мной».

Сладкой музыкой прозвучать вамъ слова нарочито-чистой фесочки, и вы уже, соблазненные, покорно слѣдуете за ней чрезъ галдящую толпу. Берегитесь—вотъ теперь-то вы, какъ разъ, попадете въ лапы грабителя: семьсотъ франковъ превратятся въ тысячу франковъ: но Каира не увидите вы...

Назиданье тѣмъ, кто путешествуетъ впервые по странамъ востока: нужно быстро умѣть остраивать отъ себя всѣхъ любезныхъ проводниковъ; что касается до толпы феллаховъ, то ее нужно или перекричать, или совершенно обратно: покорно отдаться ей; пусть, какъ мячикъ, бросаютъ васъ изъ рукъ въ руки; пусть, какъ легкіе мячики, вещи ваши летятъ надъ вашей головой; вы заплатите въ десять разъ дороже, чѣмъ слѣдуетъ; все же нервы ваши будутъ покойны. Обыкновенно же путешественники въ Египтѣ сперва уступаютъ натиску феллашской черни, потомъ тщетно пытаются съ ней бороться, и, въ концѣ концовъ, измученные и побѣжденные, вмѣсто пріятнаго путешествія переживаютъ адъ.

Въ Портъ-Сайдѣ впервые пришлось мнѣ испытать прелести передвиженія на востокъ; два съ половиной мѣсяца передъ тѣмъ проживалъ я въ Тунисіи. И наввно я думалъ, что, зная тунисскихъ арабовъ, я сумѣю, конечно, имѣть дѣло съ феллахами; тотчасъ же обнаружилось разстояніе между феллахомъ и берберомъ: тотчасъ и я растерянно заметался между толпой бронзовыхъ дьяволовъ и флегматичнымъ египетскимъ чиновникомъ. Флегматическій египтянинъ не пожелалъ сообщить мнѣ элементарнѣйшихъ свѣдѣній о Каирѣ, которыя онъ былъ обязанъ дать.

И потомъ эта египетская монета, несоизмѣримая ни съ какой

¹⁾ То есть къ чорту.

²⁾ Смыслъ—все равно, авось, наплевать, какъ нибудь.

другой, гдѣ серебряныя двухпѣястровыя монетки (двугривенныя, принимались за малые пѣстры (пять милліемовъ), а пятипѣястровыя сходятъ за пѣястръ. Трудность египетской монетной системы въ томъ, что египетскій фунтъ стерлинговъ немногимъ болѣе англійскаго фунта и состоитъ изъ пѣястровъ; а египетскій пѣястръ (мелкая монета) немногимъ болѣе турецкаго; это немногимъ болѣе—вѣчный предметъ вашего затрудненія; вы даете англійское золото, вамъ сдаютъ сдачи крупнымъ египетскимъ серебромъ; крупное серебро размѣнивается на франки, марки и доллары; вы отдаете франки, снова египетскій никкель тяжелитъ вашъ карманъ. И поскольку точнаго счета вы не можете произвести, ибо всюду встрѣчаютъ васъ дробныя отношенія, всюду вы переплачиваете; и египетскій фунтъ стоитъ вамъ чуть ли не полтора англійскаго: васъ надуваютъ; и кромѣ того, вамъ навязываютъ постоянный размѣнъ, чтобы вычесть съ любой суммы извѣстный, размѣнный процентъ. Что бы вы ни купили, вы теряете.

Экипажъ быстро пронеситъ меня по скучнѣйшимъ улицамъ Портъ-Саида, городка, печально торчащаго надъ моремъ среди песковъ, городка, украшеннаго статуей Лессепса и переполненнаго гамомъ всѣхъ нарѣчій, куда Еврона, Азія, Африка высылаютъ своихъ проходимцевъ, и гдѣ вы слышите англійскую, итальянскую, арабскую, нѣмецкую и китайскую рѣчь; здѣсь увидите вы сирійца въ полосатомъ своемъ балахонѣ съ толстыми змѣвидными веревками, зажимающими ему головной уборъ,—сирійца, важно бредущаго рядомъ съ подозрительной еврейкой въ пернатой шляпѣ и атласныхъ, черныхъ перчаткахъ, натянутыхъ до локтей; вотъ на встрѣчу обонимъ пьяная повалила компанія: грязные, оборванные итальянцы; и съ ними—элегантно одѣтый негръ; вотъ промелькнулъ сухопарый абиссинецъ, совершенно черный, и съ небольшою, клинообразною бородкой; а вотъ, выгнувъ ноги дугой, обвернувъ вокругъ головы свою жестковолосую косу, китаецъ, защищенный соломЕННОЮ шляпою отъ ударовъ солнца, робко заглядываетъ безпокойными глазками вамъ въ лицо; онъ бѣжитъ съ какимъ-то кулемъ изъ грязнаго закоулка; и вотъ въ ближайшій закоулокъ, такой же грязный, китаецъ ныряетъ; и оттуда глядитъ какой-то вовсе не по-арабски завязанный тюрбанъ; это, можетъ быть, индусъ, житель ма-лабарскаго берега, случайно попавшій въ Портъ-Саидъ, да и навѣки застрявшій тутъ.

Скучные, грязные плоскокрышіе дома во всѣ четыре стороны горизонта разбѣжались скучными, грязными верандами; сбоку на мигъ открылся каналъ: бокъ морскаго чудовища, влекущаго грузъ въ Австралію, глянулъ тупо; и опять спрятался за дома; площадь, пыль, чакхлы колючки вмѣсто растений,—и уже вой, лай, мяуканье бронзовыхъ дьяволовъ: полетѣли люди, тюки, кардонки, хитоны; усмѣхається атласная феллахиня, черная, какъ вороново крыло, бѣленькимъ личикомъ изъ-подъ кружевнаго сквознаго платка, закрывающаго ей нижнюю часть лица. И забилаясь съ носильщиками компанія европейски

одѣтыхъ фесочниковъ: на нихъ сиренево-блѣдные и розовые смокинги; отъ нихъ разить одеколономъ и явительнымъ чеснокомъ. Мимо, мимо: вы проходите всѣ десять египетскихъ казней; чудомъ прорвали вы свирѣю галдящіе строи, и вотъ уже вы въ вагонѣ, съ билетомъ въ рукѣ и съ головной болью.

Тронулся поѣздъ. Пролетѣли дома—коробки; плоскіе, тусклые пески быстро стали переходить въ блѣды тусклые воды громаднаго озера, подходящаго къ Портъ-Саиду; это озеро—Мензалехъ; издали увидали мы надъ водяной равниной какихъ-то птицъ, бьющихся крыльями: это были, кажется, пеликаны.

Вотъ и станція *К а н т а р а*, лежащая на берегу озера; на платформѣ нѣсколько рослыхъ негровъ въ длиннѣйшихъ верблюжьяго цвѣта пальто съ перетянутой таліей и такого же цвѣта длиннѣйшихъ фескахъ; ловко они пробѣгаютъ вдоль станціи съ короткими ружьями въ рукахъ: эти бравые молодцы—солдаты суданской арміи. Съ противоположной стороны въ окнахъ вагона лента воды среди унылыхъ песковъ: то—Суэцкій каналъ. Здѣсь проходитъ караванный трактъ изъ Египта въ Сирію; по этому такту нѣкогда ворвались въ Египетъ арабы; по этому тракту Наполеонъ переправилъ въ Сирію войска.

Дальше въ окна стали влетать желтоватые столбы пыли; наши сосѣди арабы повскакали съ мѣстъ затворить вагонныя окна, всюду раздалось щелканье захлопываемыхъ оконъ; всюду грязные на стеклѣ показались зигзаги: побѣжала пустыня, простираясь по обѣ стороны поѣзда; жалко Суэцкій каналъ затеривался средь нея стальной своей водяной лентой и линіей телеграфныхъ столбовъ.

Пустыня!

Какъ будто желтоватое море, не то мертвенно засѣрѣвъ, не то отдавая въ блѣдноватую едва видную прозелень, закипѣло, забило своими сухими валами, и вдругъ—замерло: замеръ вдругъ сухой шелестъ здѣсь бѣгущей волны, на пологихъ скатахъ которой прочертились черноватятыни, отдавая солнцу стальной, непріязненный блескъ. Бѣлесоватую, гладкую поверхность пустыни всюду, всюду мягко избороздили пересыпающіяся другъ въ друга волны, желтовато-беззвучныя, говорящія сердцу ему одному понятную рѣчь; и на этихъ волнахъ безконечностью черныхъ линеекъ начертились зигзаги, отмѣчая тишайшаго вѣтерка тончайшую рябь, отчего бѣловатая волны—рябья волны.

Можно было бы легко назвать тѣ цвѣта, въ которые одѣта эта поверхность: бѣлый, сѣрый и желтый—вотъ цвѣта; но оно—не такъ: нельзя назвать цвѣтъ, въ который одѣта пустыня! Назовешь его бѣловатымъ—увидишь, какъ въ его тусклую мертвинку отовсюду вѣдается сѣрая, сѣрая тѣнь: кое-гдѣ улыбаются бѣловатые холмы, кое-гдѣ улыбаются бѣловатые пятна на склонахъ; назовешь сѣрымъ пустыни цвѣтъ, но и вовсе не сѣрая сѣть покрываетъ пески, а поблекшая, гри-

фельносырая, легко тронутая желтизной; желтизна же та—зеленоватая желтизна...

Назовите же цвѣтъ, въ который одѣта пустыня!

Всѣ тѣ переходящія другъ въ друга цвѣтовые оттѣнки образуютъ рельефъ пустыни, напоминающій контуры какого-то еще вчера милого, громаднаго тупа, едва узнаваемаго сегодня. Таковъ основной фонъ Ливійской Пустыни, образующей въ этомъ мѣстѣ рукавъ; а на томъ основномъ фонѣ едва замѣтные глазу забродили радужные рефлексы: такъ, едва намѣчается издали бликъ красноватый; онъ вливается въ блеклую фіолетовую вуаль; блеклая фіолетовая вуаль пропускаетъ сквозь себя горизонты пространства, затемнившіе — тамъ, тамъ и тамъ...

Что море—пустыня: каждыя пять минутъ мѣняетъ она сквозную фату рефлексовъ; вы не уловите ихъ—нѣтъ, нѣтъ! Замучаетъ васъ невѣрная зыбкость постоянного ея на первый взглядъ выраженія; зыбкость ту въ себя вбираетъ все то, что ни вступить въ пустыню; какъ электричество, тяжело гремящее въ тучахъ, ощущаете вы порой, когда и нѣтъ тучъ, такъ же въ пустынь ощущаете вы дрожанье миражей, когда ни одинъ миражъ не смущаетъ гладь вдаль летящихъ пространствъ; невидимый миражъ излучаютъ предметы въ пустынь: вотъ надъ сѣрымъ холмомъ приподнявшій морду верблюду кажется зеленоватымъ верблюдомъ... А вонъ полосатый тамъ бедуинъ въ головномъ развѣвающимся уборѣ перетянутъ черной веревкой: изъ-подъ лиловой вуали невидимаго миража поглядѣлъ онъ на поѣздъ...

Ежеминутно падаетъ окошко; ежеминутно сосѣдъ нашъ, молодой сиріецъ, въ безукоризненномъ смокингѣ, бросается подымать оконное стекло, плюющее въ насъ желтоватыми струями; и потомъ обтираетъ пальцы одеколономъ; молодой сиріецъ предупредительно потчуетъ насъ папиросами: онъ оказывается христіаниномъ, владѣльцемъ табачной фабрики. Отъ времени до времени сообщаетъ онъ намъ любопытныя свѣдѣнія изъ жизни каирской; къ сожалѣнію, свѣдѣнія эти начинаютъ меня не на шутку обезкураживать: весь Каиръ, по его представленію—*ф и ф ъ о к л о к ъ*. Мой сосѣдъ самодовольно сообщаетъ мнѣ это: онъ старается мнѣ доказать, что ничто европейское ему не чуждо. Узнавши, что мы—русскіе, молодой сиріецъ заводитъ рѣчь о Толстомъ.

— О, Толстой, вашъ писатель-философъ: я почитывалъ его—да, да, да: любопытно, презанимательно.

— Никогда я не сталъ бы писателемъ... Никогда не сталъ бы я учителемъ; вы знаете, я былъ чиновникомъ, развѣзжалъ по странѣ, однажды меня едва не съѣли скорпіоны...

— Да, да, да: Россія—огромная страна... Никогда бы я не поѣхалъ туда; не на что тамъ смотрѣть.

— Да, въ Каирѣ—другое дѣло: въ Каирѣ, знаете ли, превесело жить: балы, туалеты собранья.

— Да, да, да: вы и я—мы христіане, братья; не глядите на арабовъ, не всё погрязли въ мусульманскомъ невѣжествѣ: многіе здѣсь—христіане арабы; ничто цивилизованное имъ не чуждо.

— Вы, конечно, побываете у меня: я, конечно, у васъ побываю; и мы будемъ славно проводить время—всѣ вмѣстѣ.

— Видимо, вы интересуетесь мѣстными правами... Ахъ, эти феллахи, эти феллахи!

Такъ тараторилъ молодой сир'ецъ-арабъ, обтираясь одеколономъ: и чѣмъ болѣе онъ болталъ, тѣмъ болѣе во мнѣ нарастала рѣшимость поскорѣй отъ него отдѣлаться.

Турки, греки, сирійцы и европейцы, составляя цвѣтъ египетскаго общества, заслоняютъ всецѣло истинныхъ египтянъ; египтяне здѣсь только ниль вѣковая, несвоевременно лѣзущая на васъ своимъ древне-египетскимъ контуромъ; тѣ же широкія плечи, та же узкая талія, тѣ же плоскія бедра и такой египетскій лобъ: тонкій, высокій, стройный, подчасъ угрюмый, часто выглядитъ феллахъ величавымъ красавцемъ: и любясь имъ, вы склонны даже его уважать; но когда вы насмотритесь на него—улетаетъ очарованіе.

Феллахъ высокъ, строенъ, здоровъ, выносливъ и кротокъ: но красота, благодушіе, здоровье его васъ пугаетъ, какъ физическое убожество: красота, благодушье, здоровье подчеркнуть только извѣженную праздность его. Во времена недавнія рабства феллахъ мечтали быть рабомъ, чтобы не обрабатывать землю, но сидѣть праздно на корточкахъ у дома владѣльца въ качествѣ ненужнаго слуги; и за это готовы онъ былъ выносить и побои, и ругань. Въ тѣ еще сравнительно недавнія времена Магометъ-Али, намѣстникъ Египта, образовывалъ грозную съ виду армію египтянъ по европейскому образцу, колебля вѣсы судебъ европейскихъ; Магометъ-Али рылъ каналы, возводилъ крѣпости и мосты, основывалъ высшія учебныя заведенія. И все—напрасно: изъ-подъ палки рылись каналы; учебныя заведенія оставались безъ руководителей; грозную армію египтянъ колотилъ суданскій пророкъ Магди; наконецъ, позорно она побѣжала передъ англійскимъ десантомъ.

До станціи *Измаили* поѣздъ идетъ вдоль песчанаго берега Суэцкаго канала, далѣе окончательно углубляется въ пустыню онъ, чтобы войти въ зеленую полосу нильской дельты на станціи *Загазигъ*.

Загазигъ—торговый центръ нижняго Египта; еще задолго до остановки мчится поѣздъ мимо лѣпящихся зданій, грязныхъ вонючихъ закоулковъ и усыпанныхъ сѣномъ многочисленныхъ базаровъ. Прежде всего поражаетъ васъ убожество, грязь, смрадь: дома—не дома, а какіе-то темносѣрые комья пересохшаго ила; окна и двери—черныя промоины. Вой, крикъ, лай, утрированно истеричные жесты феллаховъ: останавливаютъ вниманіе феллахины, всѣ въ черномъ, напоминающія монашекъ; лица полуоткрыты у нихъ; ротъ и щеки завѣшаны черной вуалью, прикрѣпленной къ толстенькой палочкѣ

на носу, спускающейся со лба; живо, насмѣшливо на васъ бросаютъ онѣ свои какіе-то изумленные взоры; на египетскихъ фрескахъ тѣ же взоры увидите вы.

— Многія изъ феллахинъ ходятъ уже съ открытыми лицами; вообще женщины здѣсь независимѣе, чѣмъ напримѣръ у насъ, въ Сиріи: ахъ, Сирія, Сирія...

Такъ трещаль мнѣ въ уши разлюбезный сиріецъ.

Отъ Загазигъ тучныя загустѣли повсюду коемы омытыхъ влагой листовъ, махровыхъ цвѣтовъ и многовѣтвистыхъ кустовъ; слышно было на остановкахъ, какъ пошипываютъ тѣсно жмущіеся другъ къ другу стебли; видно было, какъ наклоняются подъ вѣтеркомъ ихъ гребенчатые ряды; въ одиночку сперва, потомъ—кучками, наконецъ, роицами за- качались высокія пальмы на прямыхъ винтообразноизрѣзанныхъ стволахъ; здѣсь, тамъ взлетали весело птицы, и затрелили жаворонки въ темнолазурныхъ пространствахъ; уставали глаза отъ чрезмѣрной роскоши и движенія, вдругъ смѣнившихъ мертвизну сухого песка. А въ открытыя окна вагона вмѣстѣ съ дымомъ залетала струя пряного воздуха; высунувшись въ окошко, можно было легко обонять запахъ какого-то сладкаго тмина, можетъ быть, тѣхъ вонь желтыхъ цвѣтовъ, засыпающихъ межи зеленого хлопка.

Всюду,—и каналчики, и каналы убѣгали, пересѣкаясь за ва- лами зелеными насыпей, между которыхъ бѣжали на васъ—вамъ ка- залось, что прямо съ земли—бѣлосинія полосы островерхаго паруса. Вонь изъ все тѣхъ же желтенькихъ, ароматныхъ соцвѣтій тол- стая, черная морда уныло выставилась на васъ: и то—морда прямо- рогаго буйвола, за которымъ выставился и феллахъ темнокубовымъ п о д р я с н и к о м ъ . На зеленыхъ поляхъ—черныя и темнолазур- ные пятна феллаховъ, понукающихъ буйволовъ, черныя и темнола- зурные пятна несущихъ воду феллахинъ; вотъ за той феллахиной, что стоитъ въ зелени изваяньемъ, на покатыхъ плечахъ укрѣпивъ свой громадный, землистаго цвѣта кувшинъ—вонь за той феллахиной рас- плясались шоколадные феллашенки, съ ногъ до головы вываленные въ липкой грязи каналчика; на высокомъ валу—колесо вертящій буйволъ; подъ колесомъ поднимается на веревкѣ съ водою бадья.

На зеленомъ тминными запахами насъ обдающемъ пространствѣ будто изъ ила вылѣпленные построекъ квадратныя пятна, корич- нево-сѣрыя, шоколадныя; дверными отверстіями, точно норами, про- зіяли онѣ; плотно жмутся онѣ другъ къ другу, соломенная, плоская крыша трется о крышу сосѣда; и какъ длинныя пальцы, отовсюду воз- дѣваются предлиннѣйшія жерди колодцевъ: то феллашскія деревушки. Чаше онѣ попадаютъ на глаза: больше и больше тѣ деревушки—все люднѣй, безобразнѣй онѣ на пути къ Каиру отъ Загазига.

А снова вонь издали забѣлѣла пустыня, краемъ своимъ будто отрѣзывая куски зеленыхъ пространствъ.

Вотъ поднялась она надъ зеленой страной грядою холмовъ мокат-

тамскихъ, а на склонѣ холмовъ, будто сѣрая, черносѣрая пыль: то каирскіе дома.

— Пирамида, — вдругъ сказать мнѣ сиріецъ, но подгородняя пыль уже проглотила ее.

— Пирамида—опять сказать мнѣ сиріецъ.

— Гдѣ?

— Тамъ, тамъ...

Издали, въ желтобуромъ отъ пыли пространствѣ вырисовались два небольшихъ треугольника.

— Это пирамида Хеопса?

— Да, кажется: много ихъ тутъ...

Я опять посмотрѣлъ: два небольшихъ треугольника уже не были видны.

Поѣздъ понесся среди неприглядныхъ, грязныхъ построекъ, гдѣ всѣ стили смѣшались, и гдѣ ничего нельзя было разобрать; справа и слѣва торчали, какъ пальцы, крохотные минаретики: минареты побольше; торчали длинныя, безобразныя каланчи.

Поѣздъ сталъ среди волнъ пыли и пляшущихъ балахоновъ.

— Каиръ, улынулся сиріецъ мнѣ.

Я почему-то думалъ... о милой Туниссіи.

Каиръ.

— Это Каиръ?—удивился я.

— Хаха-а-хаха,—крикнулъ въ окно вагона чернохитонный носильщикъ.

— Да, это Каиръ....

.....
Пять дней я плылъ, на средиземной раскачиваясь зыби; пять дней я плылъ, и плылъ единственно для того, чтобы увидѣть Каиръ съ прилегающими окрестностями, пирамидами, Сфинксомъ; могъ бы я жить безпечно въ сахарійскомъ оазисѣ, Бискрѣ; на югъ Туниссіи могъ бы я углубиться до Гафсы—и далѣе: до передовыхъ аванпостовъ; и, какъ знать, представился бы мнѣ случай—побывать у туареговъ. Но я предпочелъ пятидневное плаваніе къ Каиру Гафсѣ, Бискрѣ и туарегамъ, чтобы съ перваго дня глубоко оскорбиться на лордовъ и леди, на хамство феллаховъ, и глотать душную, аловонную каирскую пыль.

Первое, что рѣзнуло меня въ Каирѣ, это—«style oriental»; этотъ «style oriental» показался дешевой такой поддѣлкой, и при томъ покрытой грязью поддѣлкой; въ наивности своей я воображалъ, что красоты арабской культуры Туниссіи меня встрѣтятъ и здѣсь; но Египетъ—не сѣверъ Африки; думалъ я—династія берберовъ, нѣкогда побѣдителей Египта, наложить успѣда и здѣсь печать сѣвероафриканской

культуры; страшнаго свойства феллаховъ—испепелять побѣдителей—еще тогда я не зналъ.

Въ Каирѣ миллионъ жителей.

Стаями кровожадныхъ блохъ впивается Каиръ въ бѣдное тѣло путешественника; чернохитонныя толпы дѣволовъ криками разрывають барабанную перепонку ушей; затрепетать голова подъ лучами яростно ниспадающаго солнца (бьютъ отвѣсно лучи); облако пыли ливійской глаза воспаляетъ зудомъ, залѣпляетъ ротъ, уши и носъ; а къ груди прижимаются вампирныя губы х а м с и н а; кажется, что невидимый кто-то начинаетъ медленно удушать; безвкусной громадой подъ небо взлетаетъ европейскій кварталъ Каира; коростомъ грязи растопорчился арабскій кварталъ; надъ вами безвкусно глумится чортъ знаетъ каковскій стиль обоихъ кварталовъ, по которымъ тащутся конки и самодовольно попыхиваютъ керосиновой вонью стаи красныя автомобили; наконецъ, самъ собой открывается кошелекъ, и круглыя золотыя англійскіе фунты выпрыгиваютъ оттуда прелегкомысленно, будто и не фунты они, а глупыя мѣдяки.

Пока галдящая черная ватага вещи мои неуклюже кидала въ фэтонъ, а носатый — носатый извозчикъ (греко-турко-феллахъ) переругивался плаксиво съ участливо обо мнѣ принявшимъ заботы фабрикантомъ сирійцемъ, съ изумленіемъ я глядѣлъ на повсюду разсыпанный соръ; свади, съ вокзала раздавались гортанные выкрики всѣхъ нарѣчій: чернохитонные дьяволы видно знали нужныя имъ слова на всѣхъ языкахъ: «mage, Thalassa, mer, See»... раздавалось у меня за спиною; тюки летѣли; надъ тюками прыгали сундуки; сакъ-вояжки летѣли, какъ мячики; и летали красныя, потныя пассажиры съ испуганными глазами навывкатъ; чернохитонные дьяволы плясали вокругъ: хѣха-а-хѣха плакало, рыдало, жаловалось изъ всѣхъ широкооткрытыхъ ртовъ. «Хѣха-а-хѣха» только и слышалъ я въ мой каирскій мѣсяцъ. Наконецъ, эта фелашская хѣха воплотилась однажды въ проводника по имени Ахметъ Хѣха. Всѣхъ крикуновъ, носачей, попрошаекъ мы прозвали хѣхами съ той поры.

Мы распростились съ сирійцемъ; фэтонъ повезъ насъ въ гостиницу. «Здѣсь по утрамъ, вѣроятно, бываетъ базаръ» подумалъ я, глядя на соръ и сѣно; но на слѣдующей улицѣ я вновь подумалъ: «Вотъ и здѣсь бываетъ базаръ»; то же подумалъ я на третьей, четвертой улицѣ: оказалось, на всѣхъ улипахъ Каира ежедневно бывали базары: сѣно и соръ разсыпались повсюду съ чрезмѣрною щедростью; лишь впоследствии понялъ я причину своеобразнаго кокетства Каира—выглядѣть неприбраннымъ стойломъ: это дѣло рукъ милыхъ извозчиковъ, набирающихъ себѣ подъ ноги неперевязанныя охабки травъ; всюду—морды траву жующихъ животныхъ: мулловъ, ословъ, верблюдовъ и лошадей.

Съ любопытствомъ разглядывалъ я уличную толпу: ни одного бурнуса; темносиніе, почти кубовые, и угольнаго цвѣта хитоны, под-

поясанные широкими поясами, будто подряскини, колыхались всюду на широко пагавшихъ феллахъ; шоколадные, яичнаго цвѣта и кремовые *смокинги арабовъ и негровъ*, всегда *слащавые и съ непримѣннымъ цвѣткомъ* въ петличкѣ изступленно летѣли куда-то, щекоча тростями пространство среди полосатыхъ, грязныхъ, нелѣпыхъ стѣнъ, изъ-за которыхъ торчали порой колоссальныя пальмы да какія-то индійскія деревья, гладкостволыя, странныя; какъ на югѣ Европы для шику порой разводять низкорослую, сѣвероафриканскую пальму, такъ въ каирскихъ садахъ съ особой любовью насаждается англичанами индійская флора (Каиръ приблизительно лежитъ на одной широтѣ съ Кашмиромъ): и въ каирскомъ зоологическомъ саду, и на островѣ Гезирѣ, и вокругъ бывшаго дворца Измаила (нынѣ *Gézireh Palace*) и въ саду Эсбекіа, находящемся въ центрѣ города,—всюду увидите вы индусскую флору; и она—восхитительна.

Злой, сухой, непріятный, обидный Каиръ: вотъ—первое мое впечатлѣніе. При сравненіи съ милымъ Тунисомъ впечатлѣніе это только усиливалось.

Въ Каирѣ миллионъ жителей; въ Тунисѣ ихъ около трехсотъ тысячъ. Тунисъ бѣлоснѣженъ. Издали Каиръ черносѣръ, а вблизи сѣропыленъ, неопрятенъ и грязенъ; и опрятенъ, и чистъ Тунисъ: бѣлизна его стѣнъ распадается, если приблизиться, желтосинимъ глянцемъ веселаго изразца; и грязнѣютъ темносѣрыя стѣны Каира при попыткѣ приблизиться къ нимъ.

Будто легкій бѣлый цвѣтокъ, возстаетъ издали незабвенный Тунисъ надъ лепетами бирюзоваго озера; въ шелестѣ желтоватыхъ песковъ залегаетъ Каиръ черносѣрымъ и дымнымъ тѣломъ, надъ которымъ, какъ надъ зловонною падалюю—день, утро, вечеръ—прямокрылыхъ коршуновъ закружились тяжелыя стаи, точь въ точь такихъ же, какъ на египетскихъ фрескахъ; и фламинго плещутся подъ Тунисомъ розоватыми стаями. Тяжеловѣсные кривые извивы каирскихъ стѣнъ соотвѣтствуютъ прямоугольникамъ стѣнъ тунисскихъ: тяжеловѣсные кривые извивы претенциозно всюду распестрены: всюду здѣсь встрѣтите вы завитки, встрѣтите груды лѣшней работы встрѣтите несуразную роскошь обветшалаго орнамента.

Вотъ арабская дверь Туниса: высокій четырехугольникъ, и въ немъ—подковообразный входъ; простота, изящество архитектурныхъ линій пріятно такъ зажжена павлиньимъ хвостомъ искрометнаго изразца. А вотъ первая попавшаяся дверь Каира: она—низкая, не подковообразная вовсе; высоко взлетаетъ надъ ней стѣна неуклюжими каменными фестонами; и стѣна полосатая (полосатыя стѣны часты въ Каирѣ); черный цвѣтъ вперемежку съ желтымъ, кирпичнымъ и грязновато-розовымъ; вокругъ лепестки, банты, фестоны и прочія загогулины, превращающія тунисскій примитивъ въ арабское барокко (весь Тунисъ примитивъ въ противоположность барокко Каира); весь Каиръ, точно грязный бродяга, спѣшитъ нацѣпить на пальцы свои

краденные перстни: не такъ же ли иные изъ современныхъ египтянъ, не имѣющіе никакихъ традицій, старательно распестрили свою арабскую рѣчь лексикономъ всѣхъ ходячихъ европейскихъ словечекъ; но подъ сиреневонѣжнымъ смокингомъ такого египтянина слышится только вонь непромытаго тѣла; европейскій же лексиконъ понятій — только личина, за которой прячется варварство.

Съ любопытствомъ смотрю я и на каирскую мечеть: еще менѣе сходства между мечетями Туниса и Каира; легкій, бѣлый, квадратный тунисскій минаретъ не высокъ; къ Каирѣ онъ уступаетъ мѣсто круглому, тонкому высоко подъ небо взлетѣвшему пальцу съ безобразнымъ утолщеніемъ посреди и вверху; но лѣпная работа стѣнъ мечети, но полосатыя пятна желтыхъ, черныхъ, сѣрыхъ и розоватыхъ стѣнъ напоминаютъ мнѣ почему-то тѣло, изуродованное струпами проказы. Эффектны, пожалуй, мечети эти издалика: ихъ эффектность находится въ обратномъ отношеніи къ разстоянію; наоборотъ, роскошную простоту тунисскихъ и подтунисскихъ мечетей начинаете вы понимать, подходя вплотную къ стѣнѣ; здѣсь поднимается малахитъ колонны; тамъ расплещется кружево изразца, переливающееся всѣми цвѣтами радуги; тронешься вправо — блеснуть разводы лазури, тронешься влево — улыбки красныя яхонта.

То же — окна домовъ: нѣтъ помину литой зеленой рѣшетки; нѣтъ помину желѣзнаго пузатаго выступа; неуклопе въ Каирѣ надъ улицей выступаютъ цѣлые этажи; справа и слѣва на васъ будто валится грязными глыбами арабская темная улочка, по которой вы пробѣгаете, приложивъ къ носу платокъ: всей персоной своей вы являете во время того пробѣга сплошной зудящій блохоловный неводъ. Стоитъ вамъ вернуться домой, съ ужасомъ начинаете вы понимать, какой богатый уловъ на себѣ принесли вы.

Нѣтъ ничего естественнѣй отдыха послѣ прогулки въ любомъ простонародномъ арабскомъ кафѣ Туниса; и въ деревнѣ нѣтъ ничего проще завернуть въ кафѣ; въ Каирѣ этого нельзя и подумать: подумаете и съ отвращеніемъ передернете вы плечами; если бы даже рискнули вы на подобный геройскій поступокъ, всѣ бывамъ удивились; посѣтители же кафѣ, вѣроятно, протянули бы руку за бакшишомъ. Въ Тунисѣ вы наравнѣ съ арабами обыватель — и только. Въ Египтѣ — вы непременно герцогъ, баронъ или князь.

Я пріѣхалъ въ Тунисъ съ предвзятою мыслью о томъ, что современная архитектура арабовъ едва ли заслуживаетъ чего-либо, кромѣ бѣглаго взгляда; неожиданно убѣдился я, что современной архитектуры здѣсь не существуетъ почти; современная архитектура здѣсь — старая архитектура, за исключеніемъ нѣсколько псевдо-мавританскихъ построекъ, въ родѣ тунисскаго Бельведера, или европейскихъ виллъ, изобилующихъ въ Голлеттѣ и Гамматѣ-Лифѣ. Наоборотъ: полъ Каира избезобразено помѣсью европейской коробки съ арабскимъ домикомъ; о, насколько сицилійская или даже неаполитанская

помѣсь благороднѣйшей современной каирской; современная архитектурная помѣсь построекъ согласно изобрѣтена безвкусіемъ англійскаго капиталиста и европеизированнаго египетскаго паши; эту неуклюжую, неудобную, тяжелую помѣсь встрѣтите вы и въ европейскомъ кварталѣ Каира; ея же избытокъ и арабскій Каиръ; среди пяти-шести-семиэтажныхъ европейскихъ домовъ то и дѣло ютятся смѣсительные гротески, коихъ и составныя части — европейская коробка и арабское барокко — уже въ достаточной степени безобразны: произведение же обоихъ создаетъ сугубое безобразіе; это сугубое безобразіе только подчеркивается новенькимъ видомъ только что отстроенныхъ и отстраиваемыхъ гигантовъ: Каиръ распираетъ во все стороны вновь и вновь вырастающими постройками; предметъ гордости старожиловъ, онъ печальное явленіе для глазъ путешественника, желающаго ближе увидѣть архитектурныя особенности страны.

Строгого раздѣленія на Европу и Африку вы не встрѣтите вовсе въ Каирѣ; и потому-то, въ противоположность раздѣльному и въ раздѣльностяхъ дѣльному Тунису, весь Каиръ — половинчатъ. Весь онъ — смѣшанный; а потому тонъ — смѣшанный; въ смѣшанности — ужасенъ; въ ужасѣ — тривиаленъ... въ тривиальности — фантастиченъ... Но какой душевной фантастикой!

Почему Каиръ фантастиченъ? Потому что весь онъ — неестественный; миллионы жителей, шумъ, громъ увеселеній модернъ: но стоитъ вамъ отойти на нѣсколько сотъ шаговъ отъ Каира, — въ пескахъ, въ безлюдьи, въ пустынѣ: въ той самой пустынѣ, которая тысячи верстъ праздно сыплетъ вамъ подъ ноги смертоносный свой и сухой песокъ; изъ-подъ смѣсительныхъ, многоглазыхъ многоэтажныхъ строеній убѣгаетъ пустыня — и предѣла ей нѣтъ: нѣмота, бездорожье, безплодье; миллионный ревъ чудовища города забываетъ вы между двухъ песочныхъ холмовъ; тотъ ревъ издали сотрясаетъ вамъ воздухъ съ зеленой узкой приливской полоски, которую съ моккатамскихъ холмовъ, шутя, пересекаете вы взоромъ; холмы Моккатама противоположны Гизеху; между тѣмъ уже пустыня и здѣсь, и тамъ. Оттого-то Каиръ вопить, рычать сясить и хрипить всеми воплями, хрипами, носвистами, что нѣмая пустыня день и ночь опыляетъ его своей песчаной волной; миги, дни мѣсяцы, года, столѣтія, тысячелѣтія праздно такъ пролетаютъ въ пески; и отсутствуютъ время. Египетскіе гроба только фантазія европейцевъ; тамъ, въ пескахъ, и донныя царствуютъ Фараоны; тамъ донныя подъ звуки египетской пѣсни Фараонъ, поднимая волны х а м с и а, въ колесницѣ налетаетъ бѣшено на Каиръ. Человѣкъ съ лютною головою (точь въ точь такую же, какъ у каирскихъ собакъ) искони грозитъ подъ стѣнами Каира десятку египетскими казнями: между прочимъ, тьмой, огнемъ, голодомъ, саранчей, смертью, язвою и укусами; тьмой и нынѣ покрываетъ небо хамсинъ; и разить небеснымъ огнемъ жестокое небо; не переводится голодь; саранча пожираетъ посѣвы; смрадныя язвы

свои искони разсыпает на людяхъ чума, и терзаетъ жестоко Каиръ большимъ укусомъ, а Египетъ—укусами скорпионовъ.

Такъ подъ песьей грозой испуганно справляютъ пришельцы легкомысленные свои пиры.

Строгаго раздѣленія на Африку и Европу вы не встрѣтите въ каирской толпѣ; многіе англичане ходятъ здѣсь въ фескахъ; многіе египтяне носятъ европейскій костюмъ; но всего нелѣпѣе тѣ изъ феллашскихъ чучель, которыя поверхъ длиннаго своего хитона надѣваютъ... кургузенькій пиджачекъ.

Но и самъ по себѣ взятый, арабскій костюмъ не плѣняетъ меня здѣсь нисколько, несмотря на то, что съ перваго взгляда онъ лишенъ однотонности; посмотрите издали вы на тунисскій базаръ: всюду предъ вами бѣлыя привидѣнья бурнусовъ; ни одного бурнуса не встрѣтите вы въ Каирѣ; наоборотъ: черныя, синія, бѣлыя одежды феллаховъ часто пестрятъ желтыми и розовыми халатами. Но подойдите вы ближе къ распахнувшемуся тунису—нѣжные переливы цвѣтовъ ослѣпляютъ вамъ глаза; срединная, покрытая грязью и кишачая блохами, клопами и вшами пестротканность каирца пріѣдается вамъ къ исходу второго дня; и потому уже только вы отворачиваетесь, когда она докучно вамъ лѣзетъ въ глаза.

То же—въ лавочкахъ: сколько характерной, чисто мѣстной пестроты просится вамъ въ глаза въ керуанскихъ и тунисскихъ базарахъ; мелодичными гаммами запечатлѣвается, не докучая, она, пестрота, такъ сказать, здѣсь укладывается по спектру; оттого-то легко сливаема она въ бѣлый цвѣтъ ея покрывающихъ стѣнъ и бурнусовъ. И такой чисто каирской пестроты вы не встрѣтите вовсе; оттого каирская пестрота утомляетъ и разлагаетъ; краски ея, сливаясь, даютъ одну диссонирующую грязь. Вы увидите пестроту дамасскихъ, багдадскихъ кашелитскихъ тканей: востокъ т а к ъ в о о б щ е предлагаетъ вамъ Каиръ; т а к ъ в о о б щ е — характерно для Каира; и лучшее въ Каирѣ—не каирское вовсе.

Даже во внѣшней подробности бросается противоположность Каира и Туниса: въ покроѣ фески; мягкая, круглая тунисская феска чечья съ предлиннѣйшей широкой кистью смѣняется въ Египтѣ на общетурецкій сръзанный конусъ, за которымъ треплется хвостикъ—черный, мышинный, обгрызанный.

Вся та противоположность Туниса и Каира, углубившаяся для меня во время мѣсячной жизни въ Каирѣ, впервые намѣтилась для меня по дорогѣ отъ вокзала къ отелю.

Вотъ и отель: но куда привезли насъ?

Какая-то сонная, носатая хѣха ворчливо и непріязненно насъ проводить въ покрытый пылью чуланъ: это и есть предназначаемая намъ комната: и грязь на неопрятныхъ постеляхъ, грязь на умывальникѣ; на полу, мебели, на стѣнахъ—пыль, пыль и пыль. Освѣдомляемся о цѣнѣ—цѣны, равныя перворазряднымъ отелямъ Палермо; вдвое

дешевле стоилъ намъ въдесятеро болѣе великолѣпный номеръ въ Тунисъ. Нечего дѣлать, пока останавливаемся, проклятая фабриканта сирійца, рекомендовавшаго отель.

Останавливаемся, грустно стоимъ надъ вещами; элементарныхъ удобствъ, кажется, вовсе нѣтъ; ежеминутно приходится вызывать безобразную хѣху.

— Этими полотенцами утиралось десять человѣкъ?!

Хаха уносить полотенца.

— На этомъ бѣльѣ ночевала рота солдатъ.

Хаха уносить простыни.

— Въ рукомойникѣ нѣтъ воды.

Хаха отходить къ двери.

— Рукомойникъ нужно вытереть весь.

Хаха съ той же безмолвной покорностью вытираетъ рукомойникъ.

Сраженные этой покорностью, мы брезгливо и молча оглядываемся: пыль, грязь, нескладаца—тѣ же послѣ уборки хахи; тѣ же пыль, грязь, нескладаца и въ окнѣ: домовъ черныя убѣгающія громады, пролетающій на велосипедѣ феллахъ; пискъ, хрипъ, трескотня откуда-то къ намъ летящей граммофонной пластинки.

И невольная грусть на душѣ.

— Это—Каиръ?—спрашиваю я.

— Это—Каиръ?—спрашиваемъ мы другъ друга.

Намъ становится грустно. Наскоро отдѣлываемся мы отъ неотвязнаго l'upch'a. Фаэтонъ мчитъ насъ съ улицы Nuber Pacha къ Qasre l-Nil мимо сада Эсекиа, Chareh Boulag и Chareh Soliman - Pacha.

Это центръ еврейскаго квартала.

Справа, спереди, слѣва колоссальныя, многоглазыя, блистающіе солнцемъ дома; справа, спереди, слѣва отъ насъ раздаются они желтыми, рыжими, кирпичнокоричневыми выступами,—окнами, жалюзи, балконами и натянутой парусиной верандъ, подъ которой спокойныя ффрачки и бѣлоснѣжныя, бѣлокусыя дамы, протянувшись въ шез-лонгъ, лорнируютъ толпой кипящую, пыльную, усыпанную сѣномъ даль. Широчайшій, не подметенный проспектъ кажется узенькимъ отъ его сжимающихъ справа и слѣва полумавританскихъ построекъ; столбы электрическихъ фонарей присѣдаютъ къ землѣ; на всемъ—печать грязноватой тяжеловѣсной роскоши, знойной и удушающей тѣсноты. Только тамъ за прохладной стѣною отеля—покой, нѣга; но перебраться туда нѣтъ никакой возможности; день пребыванія въ такомъ отелѣ для двоихъ съ чаями и мелкимъ счетомъ—минимумъ шестьдесятъ ффранковъ; но и здѣсь встрѣтить васъ вовсе не максимумъ удобствъ, а минимумъ неудобствъ; блохи не будутъ, правда, васъ мучить: васъ замучаетъ скука, излучаемая чопорными физиономіями, туалетами табль-д'ота. Въѣ же этихъ отелей васъ замучаютъ блохи, продымятъ пыль.

Волей-неволей приходится предпочитать блокъ.

Тяжелый, пятиэтажный четырехугольникъ съ плоской крышей, отступивши отъ улицы, закрывается справа отъ васъ зеленой, вьющейся п цвѣтущей фатой; подъ кирпично-красною башней съ каменныхъ ступеней глухие львы кидаются гривой на улицу; электрическій фонарь выгибается глупо надъ дверью; здѣсь, въ кирпично-красныхъ оконныхъ простѣнкахъ, между зеркаломъ дорогого стекла приютились сѣрые каменные египтяне, каменные свои руки прижимая къ каменнымъ бокамъ; на тяжелыя головы ихъ упадетъ еще болѣе тяжелый карнизъ: вѣроятно то домъ богатаго фабриканта, если только не проживаетъ здѣсь какой-либо знатный паша; рядомъ, изъ переулка, къ кирпичнокрасному чудищу привалилось кирпично-сѣрое, съ черепичатой крышей; его голыя, безстыдные стѣны вовсе отъ зелени обнажены. Между тѣми домами-коробками, въ остромъ углу, образованномъ перекрестками улицъ, маленькая мечеть поднимается, какъ палецъ, къ четвертому этажу ее тѣснящаго дома облупленный, черносѣрый минаретикъ свой: жалкій обломокъ арабскаго прошлаго тщетно силится здѣсь сохранить себѣ послѣднюю пядь земли; скоро рухнетъ послѣдній обломокъ этого прошлаго, и красноватая чудница дружно сольются стѣнами, если только какой-нибудь чудакъ англичанинъ не постройтъ себѣ шотландскаго замка на опростанномъ мѣстѣ: великолѣпные лорды бѣшено возвеселятся съ великолѣпными лэди; съ бѣшеной миллиардершей къ замку подкатитъ бѣшенный миллиардеръ; коронованной особѣ улыбнется титулованный авантюристъ.

Но за гуломъ, грохотомъ, смѣхомъ миллионнаго города воцарится слышнѣе безгромная тишина; гдѣ-то близко отъ веселаго пира изъ песковъ, вѣковъ, тысячелѣтій бредомъ просунулась громадная, безносаго голова; и чудовищный треугольникъ Хефрена, и чудовищный треугольникъ Хеопса—оба вплотную почти привалились къ городу.

И отъ этого слишкомъ близкаго прикосновенія смерти къ жизни смерть—какъ жизнь; но и жизнь—какъ смерть. Это чувствуете вы съ первыхъ дней въ Каирѣ. Вы хотите видѣть арабовъ Египта: но... гдѣ арабы Египта? Есть въ Египтѣ мертвая безсильная феллашская тѣнь, тѣнь прошлаго: и въ прохожемъ феллахѣ среди пира цвѣтовъ, увеселеній, концертовъ оборотня узнаете вы вдругъ. Въ темномъ своемъ хитонѣ, въ погребальнаго цвѣта подрясникѣ, ходитъ темный тотъ оборотень по вашимъ пятамъ: изъ вѣковъ онъ протягиваетъ вамъ руку; онъ плачется на безсиліе; угрожаетъ грозой и чумой; казнить со смѣхомъ: бойтесь, бойтесь его—за него сама смерть. Стаи коршуновъ кружатъ надъ Каиромъ; тѣни ихъ падаютъ на раскаленный каирскій тротуаръ; это въ птицѣ воплотились все тѣ же стаи коршуньеголовые люди, какихъ встрѣтите вы на фрескахъ, въ музеяхъ, въ витри-

нахъ магазиновъ древностей... Кружатся, рѣютъ, плачутся коршумы надъ безумнымъ Капромъ.

Жизнь, какъ смерть.

Но и смерть, какъ жизнь.

Изъ всѣхъ витринъ египетскихъ магазиновъ на васъ выставился бронзовый человѣчекъ съ псиною головой. Песби головы египетскаго музея древностей живѣй бѣгающихъ по Каиру псовъ; вѣрю, что каирскіе псы—эманация песьеголового человѣка, подстерегающаго въ Каирѣ васъ изъ всѣхъ темныхъ угловъ.

Въ пирамидахъ, гробницахъ, сфинксахъ больше жизни, чѣмъ во всемъ смертномъ бредѣ ватаги миллиардеровъ, нагло возсѣвшей на саркофагѣ со стаканомъ в и с к и въ рукахъ.

Справа, спереди, слѣва пролетаютъ дома-коробки, какъ воплощенные въ камень, освѣщенныя пылью тѣни; справа, спереди, слѣва—зажелтѣли тускло проспекты; и нѣтъ имъ числа. Они кишатъ черными, сѣрыми, бѣлыми человѣчками, фаэтонами, осликами, сѣномъ, пылью, и невидимой каирской блохой; и влекутся на пламенномъ тротуарѣ за ними песьеголовые тѣни ихъ; а тѣнь фаэтона подчасъ выглядитъ колесницей.

Справа, спереди, слѣва—сюртуки, фески, фески и фески. Самодовольно, надменно выглядитъ каирская феска,—тѣмъ надменнѣе, чѣмъ приниженнѣй коричневатая, круглая изъ верблюжьей шерсти шапка феллаха; самодовольно, гордо за фескою треплется ея черный, обгрызанный хвостикъ; самодовольно подъ нею протянутъ истинно-египетскій носъ; въ то время, какъ верблюжья круглая шапочка просто египетская шапочка, нарочито-чистая фесочка—не просто фесочка: она—фесочка истинно египетская; но всему міру извѣстно, что истинный египтянинъ—радикаль.

Элегантная хаха фланируетъ по европейскимъ кварталамъ Каира. Здѣсь она развернула свое египетское «R e v u e», гдѣ на тонкомъ листкѣ только что на улицу выкинутой бумаги еще не просохшими красками отпечатано en toutes lettres: «Мы кое-что, если насъ посѣщаютъ коронованныя особы всей вселенной». Далѣе слѣдуетъ перечень новоприбывшихъ мистеровъ и миссисъ капитала, длинный перечень герцоговъ, перовъ, баронетовъ, бароновъ. Такъ пріятно осклаблывается лицо, самолюбіемъ пьяной хахи; самодовольнѣй закидывается ея крючковатый носъ; тѣнь выдаетъ радикальную хаху: на тротуарѣ вырѣзывается черный птичеголовый контуръ.

Пока созерцаете вы извнѣ нескладницу жизни каирской, блохи, фески, пыль и дома-гротески лишь досадныя мелочи, заслоняющія отъ васъ и природу, и древности Египта. Но какъ скоро вы вспоминаете, что полнѣйшее творческое безсиліе мѣстной жизни, порабощенной извнѣ, есть торжествующее для порабощенныхъ явленіе—и вѣками давимый феллахъ съ наслажденіемъ разлагаетъ все, что ни прикоснетъ

ся къ нему, ужасъ охватываетъ васъ тогда, ибо призраку подобенъ феллахъ, а человѣкъ способенъ сноситься только съ собою подобными; если покоряють феллаха, онъ какъ бы говорить побѣдителямъ: «только того я и жду». Вѣка феллахъ навязываетъ свое рабство европейцамъ, и азіатамъ, и берберамъ: побѣдитель за побѣдителемъ погружался въ глубокій сонъ, чтобы во снѣ умереть, или... проснуться тѣмъ же феллахомъ; и вѣка пронеслись надъ Египтомъ: каждый вѣкъ отложился лишь слоемъ пепла; куча пепла росла; она растетъ и донинѣ.

Вотъ что говоритъ герцогъ д'Аркуръ о побѣдителяхъ современныхъ намъ египтянъ въ своей книгѣ «Египетъ и египтяне»: «Если исчезла древнеегипетская письменность, раса ее какъ будто пережила; сколько разъ отмѣчали сходство египтянъ современныхъ съ наиболѣе древними египетскими статуями; эти статуи вѣрно выражаютъ черты еще доселѣ живой расы, единственной, которая способна размножаться и жить въ этой загадочной странѣ. Роды побѣдителей, смѣнявшихъ другъ друга, и соблазненныхъ богатствомъ страны... исчезли, согласно пословицѣ: «Египетъ пожираетъ въ него вторгающіеся народы». Дѣйствительно, вѣками безчисленные рабы... приведенные смолоду въ эту страну, не имѣли потомства; и въ наши дни навсегда поселяющіеся здѣсь семейства турокъ, вырождающіеся и физически и нравственно уже во второмъ поколѣніи, пресѣкаются въ третьемъ. Единственно, что можно предпринять, чтобы избѣжать деморализующаго дѣйствія климата, это бракъ съ феллахиней; но тогда пропадаетъ у потомства европейскій характеръ, потому что отъ такого брака рождаются—египтяне».

Не ужасна ли мѣсть древняго Египта народамъ, приходящимъ смущать въ пустынь тишину занесенныхъ нескими гробовъ? Побѣдители, прикасаясь къ кучѣ пепла, превращаются въ пепелъ, когда наступать ихъ минутное торжество...

Вотъ компанія палевыхъ смокинговъ увлекаетъ въ кафѣ зелено-желтый халатъ, но халатъ упирается; подъ руки его ухватило два палевыхъ смокинга; двѣ нарочито-чистыя фесочки подскочили съ правой и съ лѣвой стороны тюрбана; палевый смокингъ вдругъ заспорилъ съ палевымъ смокингомъ: «Хаха-а-хаха» раздалось бойко на весь проспектъ; и на лбахъ, на носкахъ отъ усердья бронзовый явственно такъ проблесталъ лоскъ: то вѣроятно компанія истинно египетскихъ студентовъ; не смотрите на то, что у нихъ лица приказчиковъ: въ прошломъ году они освистали Рузвельта, пожелавшаго имъ сказать рѣчь—не касайтесь достоинства истинно-египетскаго человѣка! Истинно-египетскій человѣкъ любить принципы свободы и равенства, несмотря на то, что онъ истинно-египетскій человѣкъ; истинно-египетскій человѣкъ—радикалъ; можетъ быть, онъ радикальнѣе истинно-европейскаго студента, что впрочемъ не помѣшаетъ ему по окончаніи курса наукъ путать Карла Пятаго съ Карломъ Великимъ; если же онъ окончить египетскій политехникумъ, въ работахъ своихъ онъ не будетъ

пользоваться какими-то тамъ машинами: можете быть увѣрены, что онъ обратится къ машинамъ феллашскимъ, ничѣмъ не отличающимся отъ моделей древнеегипетскихъ машинъ. Истинно-египетскій человѣкъ превосходно покажетъ вамъ на доскѣ, что прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками; но на практикѣ ломаную предпочтетъ онъ прямой; и прямой смыслъ европейскихъ понятій свободы и равенства получаетъ въ глазахъ его чрезвычайно ломаный смыслъ. Англичане давно знаютъ ломаную египетскаго радикализма и сепаратизма м о д е р н ы; съ каменнымъ безпристрастіемъ они внимаютъ этимъ рѣчамъ, запуская руку въ карманъ сепаратизма; въ результатѣ все же довольны оба другъ другомъ; англичанинъ и сепаратистъ; второй освистываетъ Рузвельта: первый безъ свиста пересыпаетъ деньги изъ кармана свистящаго въ свой карманъ.

На компанію палевыхъ смокинговъ наѣзжаетъ автомобиль съ каменнымъ англичаниномъ; каменный англичанинъ въ сѣрой колоніальной каскѣ; голубая вуаль плещется у него за плечомъ; полицейскій феллахъ, туго затянутый въ свой мундирчикъ, египетскимъ стилизованнымъ жестомъ поднимаетъ руку; и компанія палевыхъ смокинговъ, ковыряя носы, разлетается во всѣ стороны.

Не превратились ли здѣсь повсюду выживающіе арабы въ жалкій тѣнь? Отъ араба осталась одна лишь личина; изъ араба въ феллахъ проснулась древняя, песья голова; нѣтъ, не вѣютъ здѣсь жизнью минареты, мечети, дома и люди, потому что еще въ утробѣ матери души ихъ выпрызли изъ гробовъ испещренныя невоскресшіе мертвецы; и не вѣетъ жизнью отъ египетскаго возрожденія; истинно-египтяне столь же пепельны, какъ и просто египтяне. Здѣсь въ домахъ, университетѣ, мечетяхъ собираются не люди, а тѣни: весь милліонный Каиръ—городъ утопленниковъ и тѣней; и испуганные пиры англичанъ—пиры тѣневые; не вино проливается изъ бокаловъ въ уста: проливаются струи Леты...

Вотъ одиогорбый верблюдъ, нагруженный травою, медленно выступаетъ въ толпѣ; бѣловатый и стройный (о насколько стройнѣе тунисскаго!) вытянулъ онъ лебединую свою шею, и—что за шокингъ!—реветъ себѣ подъ окномъ фешенебельнаго отеля; бронзовый чернохитонникъ феллахъ, перемигиваясь съ сидящими у подъѣздовъ домовъ бѣлотюрбанными слугами, косолапо качается на вершинѣ горба. Вотъ пролетаетъ трамвай облѣпленный феллахами; вѣрно онъ улетаетъ въ арабскую часть города; не садитесь на него никогда: вы рискуете подцѣпить здѣсь нѣчто болѣе скверное, чѣмъ блоху.

Съ особеннымъ любопытствомъ я смотрю на туристовъ; каждый прикидывается старожиломъ страны, человѣкомъ совершенно независимымъ; оттого вѣрно у него такой глупый видъ; оттого-то, по всей вѣроятности, и завелъ онъ себѣ колоніальную каску, едва успѣвши ступить ногой на желтоватый египетскій грунтъ; и голубая вуаль, ему ненужная въ городѣ, затрепалась немедленно за плечами, съ голо-

вой выдавая въ старожилѣ неопытнаго новичка; тотчасъ же независимый человѣкъ становится совершенно зависимымъ; обыкновенно недолго испытываетъ прелести одинокой прогулки онъ; къ нему спѣшитъ неожиданный другъ: и любезная хѣха легко его за собой уводитъ; и любезная хѣха, посадивъ на осла, съ преспокойной насмѣшкою гонитъ старожилу по европейскому кварталу Каира—праздно, бессмысленно, на потѣху всѣмъ; и едва не касаясь земли, косолапо болтаются ноги: колониальная каска непривычно сжимаетъ лондонскій, петербургскій или гамбургскій лобъ. Тогда со всѣхъ сторонъ къ независимому джентльмену устремляются праздные, но такіа любезныя хѣхи: предлагаютъ ружья, ткани, бусы и чубуки. Старожилъ вернется къ себѣ теперь не ранѣе полночи; поддѣлками будутъ туго его набиты карманы; кошелекъ—пустъ.

Иногда видишь несчастнаго, потнаго джентльмена, бросившагося въ объятья къ городовому изъ толпы его обступившихъ хѣхъ: преспокойный городской изрядно задубаситъ преспокойныхъ феллаховъ, подставляющихъ спины подъ удары его тяжелой руки; изъ-за спины же городского поднимаетъ палку самъ потный, несчастный мистеръ, думающій, конечно, что теперь-то избавленъ онъ наконецъ отъ посягательствъ на свой карманъ. Тщетная надежда! На него опять нападетъ вереница бронзовыхъ дьяволовъ, а спокойный городской повернется спиною къ братьямъ по Аду: песья голова хорошо выполняетъ свое назначеніе—теребить, кусаетъ, лаеетъ и воетъ.

И стоитъ кругомъ многоголосый вой: подѣломъ!

Если видѣть жизнь въ наглой гульбѣ Каира, то за каирскими стѣнами—многотысячный вой мертвецовъ. Если же есть жизнь въ пещахъ, египетскихъ гробницахъ, тогда весь Каиръ—милліонное кладбище.

Оба Египта не могутъ бокъ-о-бокъ существовать: оба Египта, вопреки всѣмъ понятіямъ здраваго смысла, существуютъ однако—то тотъ, то другой, и нѣтъ ихъ отдѣляющей границы: не заразила ли злая, египетская смерть трушнымъ ядомъ Европу? Не заразили ли трушнымъ ядомъ души здѣсь парящихъ тѣней европейскіе мертвецы? Тамъ, за Каиромъ,—вой; тамъ ватаги нищихъ феллаховъ: это—муміи, нагло выкинутыя изъ гробовъ убѣгающимъ отъ попрошайекъ мистеромъ. Долгое время мистеръ попросту разламывалъ черныя куклы покойниковъ, чтобы вытащить изъ груди зеленовато-синій, каменный истуканчикъ; и душа, лишенная тѣла, воплощалась въ лишенное души феллашское тѣло: у сколькихъ феллаховъ теперь пустая грудь—безъ болванчика, безъ служенья, безъ долга. И сталъ обездушенный феллахъ бездной, изъ которой на мистера потянули сквозняки того свѣта: нельзя безнаказанно смущать сонъ могилъ!

Здѣсь, въ музеѣ, глядятъ на оскаленный ротъ муміи фараона Рамзеса II-го; и потомъ отправляются бражничать въ великолѣпный отель. Но оскаленный ротъ фараона Рамзеса II-го неотступно пре-

слѣдуетъ душу безпечнаго осквернителя: вдругъ оскалится безоб-
равной гримасой доселѣ спокойный вашъ сонъ; та же гримаса мельк-
нетъ на лицѣ пристающего къ вамъ на улицѣ чернаго дьявола—на
каирскомъ проспектѣ, среди бѣла дня настигаетъ васъ Рамзесъ II-ой,
фараонъ. Потемнѣетъ воздухъ, сожмется дыханье: и въ потухающемъ
солнцѣ привидится чья-то грозная месть

Окна домовъ крикливо распострены бѣлыми, синими, красными
вывѣсками на англійскомъ, итальянскомъ, арабскомъ, француз-
скомъ; турецкомъ и греческомъ языкахъ (встрѣчаются даже объявле-
нія по-русски); всевозможныя пароходныя агентства выставляютъ
въ оконныхъ витринахъ вѣра пестреныхъ своихъ указателей-ре-
кламъ, путешествій, свѣдѣній—надъ листомъ росписаній, откуда вы
узнаете, что тогда-то въ Австралію отправляется пароходъ, а тогда-то—
въ Индію.

На облитый лучами тротуаръ изъ иныхъ магазиновъ бьютъ прѣт-
ные каскады ковровъ, шалей, шарфовъ; изъ-за стеколъ блистаетъ ору-
жіе, золотыя курильницы и прочій, совершенно ненужный, но под-
часъ изящный блескъ; и на каждомъ углу—табачная лавочка.

Поражаетъ подчасъ въ европейской части Каира великолѣпный,
выходящій на улицу салонъ: то табачный магазинъ высшего пошиба;
здѣсь вездѣ разставлена мебель; полъ устилаютъ бархатные ковры;
великолѣпныя растенія заграждаютъ выходъ на улицу; если зайдете
случайно въ такой магазинъ, вы окончательно растеряетесь, когда
долговязый англичанинъ въ незапятнанной бѣлизны пикейныхъ шта-
нахъ—объявляющій васъ изяществомъ—папиросу за папиросой сниско-
дительно предлагаетъ для пробы; наконецъ, останавливаетесь вы
на двѣнадцати-пѣястровой коробочкѣ ¹⁾ (египетскія папиросы у насъ
въ ресторанахъ дешевле).

Поражаетъ васъ также въ европейской части Каира обиліе лавокъ
египетскихъ древностей, по большей части фальсифицированныхъ:
пресловутая песья голова неизмѣнно торчитъ оттуда въ видѣ ма-
ленькой зеленовато-синей статуйки вмѣстѣ съ брошью, изображаю-
щей прямокрылаго коршуна,—точь въ точь такого, какой сейчасъ
закружился надъ вашею головою въ пламенной синевѣ; фигурируетъ
также египетскій скарабей, ожерелье изъ камней, в с е в и д я щ е е
о к о; многія, многія древности соблазнительно протянутся къ вамъ—
не ходите въ такую лавку! Въ музеѣ египетскихъ древностей есть
особое отдѣленье, гдѣ можете вы баснословно дешево приобрѣсть ка-
кого хотите болванчика, подлинность котораго установлена специа-
листомъ.

Есть на что заглядѣться въ европейской части Каира; и вы по-
немногу начинаете примиряться съ хоромъ многоголосымъ нарѣчій,

¹⁾ Пѣястръ около девяти копѣекъ.
„Современникъ“. Кн. IV. 1912 г.

привычекъ, вкусовъ, гдѣ послѣднее великолѣпнѣе буржуазной культуры сочетается съ рядомъ странныхъ для африканской столицы обычаевъ: часто видите вы, напримѣръ, ищущихъ другъ у друга въ головѣ феллаховъ, преспокойно равсѣвшихъ подъ окномъ фешенебельнаго магазина; то, что находятъ они въ головѣ другъ у друга, можете, безъ сомнѣнія, поддѣлать и вы.

Солнце съ утра поливаетъ блистаньемъ; въ несуразной сумятицѣ города будто слышится лучей трескъ; въ полдень бьетъ отвѣсно лучами трескучее солнце, опаяя блещущей бронзой потоки покрытые льдомъ: такъ же въ полдень летаютъ по городу фаятоны, трамваи, автомобилисты, велосипедисты, шляпы, фески, тюрбаны, вуали, каски.

Иногда на день, на два и на три безъ тучъ отуманится небо: жаркая, темная простирается надъ городомъ мгла; и палящій песокъ взвѣвается отовсюду, проникая къ намъ сквозь оконныя скважины. Вы тогда странно возбуждены; дыханіе не хватаетъ, вы прижимаете руку къ судорожно дрожащей груди; глаза ваши съ отвращеніемъ и съ невнятной тревогой улетаютъ за окна: а въ окнѣ, въ душномъ дымѣ песчаномъ, въ раскаленныхъ вихряхъ неумолимыхъ песчинокъ, изъ подъ которыхъ праздно тускнѣетъ злобное, омертвѣлое солнце—такъ же и такъ же мелькаетъ все то же: фаятоны, трамваи, автомобилисты, велосипедисты, шляпы, каски, вуали, тюрбаны, фески. Одинокое, душно и страшно: стаканъ за стаканомъ выпиваете вы воды; и задерживаете занавафски, чтобы все тѣ же кирпичнокоричневые дома перестали на васъ мрачно скалиться окнами, и чтобы тѣ же все не неслись—фаятоны, трамваи, конки, автомобилисты, велосипедисты, шляпы, каски, вуали, тюрбаны, фески.

То—х а м с и н ь ¹⁾.

Чья-то грозная месть тяготѣетъ тогда надъ городомъ; чья-то длинная тѣнь протягивается отовсюду; это тѣнь враждебнаго войска призраковъ, обложившихъ каирскія стѣны; на вершинѣ Хеопсовой пирамиды въ тѣ дни появляется вѣрно черненькій человѣчекъ—не человѣчекъ ли съ псиною головой?

Не самыми ли озлобленными тѣнями кажутся вамъ—фаятоны, трамваи, шляпы, каски, вуали, тюрбаны, фески?

Иногда Каиръ улыбнется плѣнительно: зашумитъ купами высоковерхихъ пальмъ; зажурчитъ привѣтно золотой струей нильской; солнце повиснетъ низко тогда, поблѣднѣвъ грустнымъ кругомъ; но тяжелыя, золото-карія сумерки расплзутся повсюду. Все улыбнется вамъ—тогда; но улыбка эта опять-таки вамъ напомнитъ улыбку двоящихся египетскихъ статуй: смертная то улыбка, посылающая наводненіе; и едва улыбнется вамъ тою улыбкой Каиръ, и едва повѣрите вы той улыбкѣ, тяжесть смерти обниметъ васъ, нава-

¹⁾ Вѣтеръ пустыни.

лится. гробовою доскою прихлопнетъ великолѣпіе; улыбки той болѣе будете вы бояться, нежели блохъ, чумы и хамсина.

Иногда, на закатѣ, когда и природа и люди двусмысленно улыбаются вамъ, но улыбаются плѣнительно, разсѣкая уличное движеніе выступить изъ за дома отрядъ египетскихъ музыкантовъ, проблестить яростно вопящей мѣдью гремучихъ трубъ: странная, неотвязная музыка плѣнительно затерзаетъ уши; толпы галдящихъ феллаховъ выкинутся тогда изъ вѣхъ домовъ и угловъ, чтобъ кричать, бить въ ладоши, присвистывать и приплясывать, вкругъ бирюзоваго цвѣта раззолоченной кареты, окруженной отрядомъ бѣлозолотыхъ гайдучковъ; шествіе замкнетъ отрядъ музыкантовъ; это—свадьба богатаго египтянина.

Если же вы захотите забрести въ каирскій зоологическій садъ, или въ иной какой садъ, роскошно разбитый на Булакѣ, ту же увидите вы индусскую флору; и она—восхитительна.

Кружевные, обвисшія, нѣжныя, легковѣйныя деревья тонкій свой стволъ утаиваютъ они до земли свисающими вѣтвями; падаютъ, выпгибаются, заплетаются, перекручиваются другъ съ другомъ многолистные вѣтви, вовсе не напоминая вамъ зелень юга Европы, Алжиріи и Тунисіи: зелень та жестколистная, съ темной просинью; или она серебристо-матовая; зелень же эта—нѣжная зелень; не синѣетъ, не серебрится она, янтарѣя чуть-чуть; она привѣтствуетъ васъ легкимъ лепетомъ своихъ изумрудинокъ; легкимъ лепетомъ заалмазятся сквозь нее повздреватые выступы слезоточивыхъ камней; отсюда сверкающей гремучкой струйка выскрывается въ солнечный бассейнъ, до краевъ полный золота и плавающихъ гадовъ: пелестъ, лепеты, свисты и трески. Стаи разодѣтыхъ въ кружево бѣлокудрыхъ бѣбъ; стаи бронзовыхъ фелашенковъ; ихъ атласнокрылыя въ пелеринкахъ съ занавѣшеннымъ ртомъ матери, ихъ отцы—нарочитыя хахи; чинно сидятъ они на скамеечкахъ, утопая въ бѣлыхъ, нѣжныхъ цвѣтахъ.

Вотъ просунулась изъ цвѣтовъ ушастая мордочка ящера; и вильнувши въ воздухъ хвостомъ, косопалый ящеръ убѣгаетъ въ зеленую глубину; вотъ цѣлая ихъ семейка сбѣгается на красный песочекъ дорожки, чтобы снова испуганно шаркнуть въ траву, когда сторожъ, опустивъ бѣлотюрбанную голову, лѣнливо притащится направить на зеленый газонъ предлиннѣйшую кишку: солнцемъ прыснуть алмазныя струи, протрещавъ въ сочной зелени свѣсившихся деревьевъ, откуда порхнутъ иной разъ зеленокрылая птица. Вѣтеръ... Пляшетъ нѣжное, легковѣйное листовое кружево; пляшетъ нѣжное кружево тѣни. Пламень, пламень и пламень—въ вышинѣ.

Вы пойдете по извилистой дорожкѣ: и вдругъ—гладкія деревья бѣлостволыми твердынями васъ обставятъ со вѣхъ сторонъ, унося въ кубово-черное, кубово-голубое небо непомѣрные гребни косматого своего листа; тамъ, тамъ—чешется въ вѣтеркѣ одинокій, чудовищный гребень.

Или многими изогнутыми стволиками коварно какъ-то подкрадятся древесная стая; но-то—одно дерево: каждый его изогнутый стволъ и вѣтвь подпертъ, какъ костылями, десятками въ землю бѣгущихъ корней; каждый корень—застывшая змѣя; и—прочь отсюда!

Вечеромъ Каиръ становится сѣрожелтымъ; лица прохожихъ покрываютъ карія тѣни; лица прохожихъ кажутся оттого искаженными, чуждыми: въ каждомъ лицѣ отбѣняется знакомое человеческое выраженіе—песная голова просовывается изъ вѣхъ закоулковъ; миллионный Каиръ—миллионноголовый песъ.

И все такъ же, все такъ же мчатся потоки—фаэтоновъ, автомобилей, трамваевъ, вуалей, касокъ, фесокъ, турбановъ; подъ вуалами, касками, фесками и турбанами узнаете взглядъ чернаго человѣчка.

Непріятный, плѣнительный, дикій, обесумѣвшій Каиръ!

Набродившись вдоль города, ищемъ выхода мы къ священному Нилу, огибаемъ громадное зданіе касръ-ель-нильскихъ казармъ, не суразное, величавое; подъ кирпичножелтой стѣной вытекаетъ струйками вода и играетъ музыка; всякій разъ, проходя здѣсь въ послѣдствіи, слушалъ я мелодичную грусть, на душу струившую водяную музыку. Вотъ изъ многихъ десятковъ оконъ смотреть солдаты; и какая-то во всемъ томъ грусть. Огибаемъ казармы—вотъ онъ, Ниль.

Плавно, плавно катить онъ свои воды; здѣсь, тамъ раздуваетъ парусъ фелюга; голубыя и бѣлыя полосы парусовъ; паруса островерхіе, необычной формы, прикрѣпленные къ высокому шесту опускающейся мачты, напоминающей колодезь-журавль; эта мачта вѣтветъ съ парусомъ прикрѣплена къ другой неподвижной мачтѣ; и взлетаютъ мачты: то параллельны онѣ, то къ водѣ перпендикулярны; поднимаются, загибаются, опускаются паруса надъ старинной формы кормой; голубая фелюга, то летитъ, разрѣзая желтыя воды, то недвижно стоитъ среди пляшущихъ и стальныхъ разрѣзаемыхъ носомъ змѣй; голубокрылая птица—фелюга, развернувшая крыло надъ водой; на фелюгѣ силуэтець чернаго послушника, натянувшего веревку: это—лодырь феллахъ.

Прямо мостъ, на мосту—чугунные львы; это—мостъ Касръ-ель-Ниль. Роскошная зелень косматится съ той стороны Нила; безобразныхъ домовъ не увидите вы тамъ; сотни пальмъ высоко взлетѣли оттуда; блѣдно позолотѣвшее солнце ниспало въ ихъ косматія лапы. Это—Гезирѣ-Булакъ, островъ пальмъ, парковъ, полянъ, обсаженныхъ розами: островъ увеселеній—каирскій Булонскій лѣсъ.

Мы пробираемся черезъ мостъ: мы уже на высокой верандѣ за часомъ надъ желтоватыми водами; пальмы взлетѣли надъ нами; вечерфетъ издали черносѣрый Каиръ.

Справа, у насъ подъ ногами, закачалась фелюга; земные поклонники кладутъ богомольно давно уже темносиній лодырь съ кормы; дальше—свистки пароходовъ; стрѣлой летящая моторная лодка разрѣзаетъ

зеркальность золотокарихъ водъ; всюду стаи бѣлоголубыхъ парусовъ натаютъ другъ друга, чуть вздрагивая, замирая на струяхъ, и потомъ вновь слетая. Засѣрѣли издали мертвенно громадные камни набережной, надъ которой желтоватая, раскаленная зданія, остывая, разверсаютъ отверстій своихъ то черныя, а то золотыя отъ солнца стеклыныя сотни; вонь—казарма-чудовище; вонь—чудовище Семирамидь-Остель; издали скралось безобразіе этихъ зданій; издали зданія—лишь людскія гнѣздилища, подставляющія въ вечернюю пыль свои тысячи крышъ. Вовсе издали—желтоватые холмы Моккатама; гдѣ однимъ краемъ убѣгаетъ въ пустыню арабскій Каиръ; и оттуда, съ холмовъ Моккатама, многозубчатой стѣною надо всѣмъ городомъ осклалилась каирская цитадель; и она теперь—кружевная; минаретики, минареты, будто острые пики, на желтизніи холмовъ отовсюду протянуты отъ нея; вблизи—какъ песокъ желтоватая цитадель сливается съ моккатамскимъ грунтомъ; и какъ море, издали ежеминутно она мѣняетъ свой цвѣтъ: то не видно ея зубчатого на пескахъ кружева; призракъ, уходящій въ пески—чуть-чуть она намѣчается издали; то она засѣрѣетъ, темнѣя, наконецъ почернѣетъ: выступить отчетливо кружевами зубцовъ; тогда кажется, что черноватая тѣнь упала съ неба на холмы. Слѣва пространства косматой, кудрявой, а то и гладкой, но всегда восхищающей взоръ зелени; зелень лоснится нѣжнѣйшими переливами янтарей, бирювы, хризолитовъ; шапками пурпурныхъ розъ, кровавымъ цвѣтомъ кактусовъ, иглами и шипами набѣгаетъ прямо она на васъ, разбиваясь о каменный выступъ принильской веранды; путаница тамъ въющихся растений, изогнутыхъ какъ-то кустовъ, аллей, пальмъ, разбѣжавшихся во все стороны отъ зеленыхъ луговъ спортивного клуба; изрѣдка въ гущѣ просунетъ свою островерхую башенку котѣждъ; и улыбнется веселая вилочка изъ зарозовыхъ пятенъ цвѣточныхъ. Здѣсь легко затеряться: далѣе—ботаническій и зоологическій садъ, дышашій къ вечеру всѣми пряными запахами.

Все это окидываемъ мы съ принильской веранды: и Каиръ, и Булакъ. Здѣсь полюбили мы встрѣчи за чаемъ съ золотокаримъ закатомъ. Золотокарий закатъ Египта, и есть ли еще въ Египтѣ закатъ?

Закаты Египта неописуемы: вѣрнѣе, нѣтъ ихъ и вовсе.

Кругъ блистательный солнца ввечеру изнеможетъ грустнымъ и блѣднымъ золотомъ; вотъ, не краснѣя, тускнѣетъ онъ мертвенно-бѣлымъ кругомъ, на которомъ протянется явственно теплая, летящая тихо, фата: это въбдается въ солнце ливійская пыль, иссушая влажное золото: и вотъ уже иссушенное солнце зеленоватымъ тысячелѣтія напирусовъ пролежавшимъ цвѣткомъ праздно, ненужно, печально зияетъ изъ пыли; и какая-то съ неба вода безшумно, безостановочно сыплется на дома, на поля, на деревья, на лица людскія; и зеленой посыпанное дома, и мутнѣющія поля, и неясными контурами изорванные деревья, и изнуренныя лица дневныя, позеленѣвъ,

подъ зеленое небо выступаютъ задумчиво-грустнымъ испугомъ: мигъ и испугъ пронесется отъ краю до краю; будто вдыхаетъ, томится и плачется невѣдомый кто-то, и все же знакомый по снамъ: не такъ ли у насъ ввечеру слышите вы звукъ все тотъ же плачущій, звукъ на осенне-сѣрыхъ поляхъ: птица ли то изъ болота вамъ подаетъ голосъ, или надъ верхомъ вѣтеръ осенній разрывается издалека, вызывая въ душѣ грусть все ту же. И съ чего эта грусть? Откуда она?

Ту щемящую грусть ощущалъ я въ Египтѣ не разъ на закатѣ. Когда же отъ солнца давно пропадутъ слѣды, и оно не коснувшись земли потеряется въ пыли, темное, тусклое, волото проливается въ карія сумерки; медленно загораются золотокарія земли; начинается зловѣще свѣтиться звѣянный въ воздухъ, золотокарій песокъ; пальмы испуганно вылетаютъ изъ дыма и гари; съ вечера темъ истачиваютъ ихъ стволы; только колеблются сами собой ихъ косматныя въ воздухѣ короны; и туда, въ сумеречный испугъ, черная потянется вереница будто воздушныхъ феллашекъ, на плечи поставивъ свои громадные кувшины; тогда по водѣ на водѣ струятся за все той же феллогой, на которой все такъ же кладетъ поклоны темносиній лодыръ съ кормы,—тогда на водѣ извиваются свѣтлыя тяжеловѣсныя змѣи.

Страненъ и страшенъ Каиръ: медленно тлится онъ въ убѣгающемъ свѣтѣ; грудю развалинъ Каиръ глядитъ въ небеса.

Старое развалилось здѣсь; новое развалилось въ развалинахъ стараго; рушится въ настоящемъ грядущее; оттого-то и нѣтъ нигдѣ окончателѣй смерти; оттого-то и нѣтъ нигдѣ окончательной жизни; въ вопль роженницъ переходить смертная агонія — въ вопль роженницъ, не способныхъ отъ бремени разрѣшиться; и Каиръ вопить, гремятъ, реветъ и шипитъ всѣми воплями, ревами, громами муки.

Я оглядываюсь вокругъ: тѣни, тѣни и тѣни... Тѣневое войско всякій разъ входило въ Каиръ, когда въ Каиръ входилъ иностранецъ; тѣневое войско и теперь привалилось къ Каиру.

Петля и яма тебѣ здѣсь, человѣкъ!

Грустно мы возвращаемся домой: блохи, фески, пыль и дома—несуразная нескладаца! и нездѣшній овхватываетъ вдругъ испугъ: каждая блоха, каждая вамъ руку за бакшишомъ протягивающая феска, не просто феска и не просто блоха: здѣсь, такъ сказать, блохи и фески метафизическія: ихъ единственное назначенье—бакшишомъ и укусами изо дня въ день напоминать о грозящихъ ужасахъ того свѣта, ибо хожденіе по Каиру есть хожденіе по мытарствамъ.

«Все, что у васъ, то и у насъ» скалитесь на васъ, протягивая руку, феллахъ; и въ оскаленномъ ртѣ узнаете оскаленный ротъ фараона Рамзеса II-го, а въ плечахъ и въ рукѣ узнаете жестъ мрачнаго чело-вѣка съ изступленной, оскаленной головой пса.

Андрей Бѣлый.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СОДЕРЖАНІЕ.

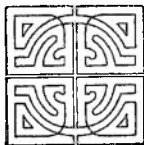
	стр.
I. ПРЕДСМЕРТНЫЯ МЫСЛИ ГУЛЯЕВА. Очеркъ. Марка Криничкаго	3
II. ДЬЯКОНЪ И СМЕРТЬ. Разсказъ. (Продолженіе). С. Гу- сева-Оренбургскаго	42
III. РЫБАКЪ. Стихотвореніе. Любви Столицы.	56
IV. СТЕФАНІЯ. Романъ. (Окончаніе). Ноль Адама	57
V. ВЛУЖДАЮЩІЯ ЗВѢЗДЫ. Романъ. (Продолженіе). Шоломъ-Алейхема	93
VI. ДВѢ ЖИЗНИ. Стихотвореніе. Т. Щенкиной-Купер- никъ	118
VII. МЕРТОВЩИНО. Разсказъ. М. Премірова	119
VIII. СТИХОТВОРЕНІЕ. А. Маражева	136
IX. У Л. Н. ТОЛСТОГО ВЪ ГОЛОДНЫЙ 1892 ГОДЪ. (Продолженіе). В. Величяной	137
X. О ТВОРЧЕСТВѢ ГОНЧАРОВА. Евг. Ляцкаго	168
XI. ПИСЬМА ГОНЧАРОВА КЪ НЕКРАСОВУ	173
XII. ЕГИПЕТЪ. (Продолженіе). Андрея Бѣлаго	176
XIII. ВЕЛИКІЕ ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНЫЕ И МОРСКІЕ ПУТИ БУДУЩАГО. Багдадская дорога. М. Павловича.	209
XIV. РАБОЧІЕ СЕКРЕТАРІАТЫ. (Письмо изъ Германіи). Н. Гарри	238
XV. ЭЛЕКТРОННАЯ ТЕОРІЯ. (Окончаніе). Н. Лазаревича.	260
XVI. ИТОГИ И ФАКТЫ. (Въ Россіи и за границей). Герои дня. Е. Кусковой. Мѣстный судъ. В. Водовозова. Шнейдеръ и Путиловъ. Г. Цыперовича. Къ забасто- вочной волнѣ. В. Портагалова. Борьба за избиратель- ную реформу въ Венгріи. Н. Борецкаго-Бергфельда. Безъ позиціи (по поводу платформы к. д.). В. Стан-ча	286
XVII. ВЪ СТРАНѢ РОДНОЙ. Александра Г.	328
XVIII. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ—УЧИТЕЛЬ. Евг. Ляцкаго	343
XIX. ЕЛИЗАВЕТИНСКОЕ ХУДОЖЕСТВО. А. Ростисла- вова	369
XX. «КРЫМСКІЕ ОЧЕРКИ» АЛЕКСѢЯ ТОЛСТОГО. А. Кондратьева	375
XXI. НОВЫЯ КНИГИ. А. Луговой. Стихи 1884—1912 г.— Александръ Бискъ.—Разсыпанное ожерелье.—Любовь. Столица. Лада.—Е. Кузьмина-Караваева. Скиескіе че- репки.—И. Гуревичъ. Бархатные ногти.—Н. Шахов- ская. В. Г. Короленко. Опытъ біографической харак- теристики.—Ив. Федоровъ. Опытъ хронологической канвы къ біографіи Б. Г. Бѣлинскаго.—П. И. Вишне- вскій. Н. В. Гоголь и В. Г. Бѣлинскій.—А. И. Звѣз- динъ. О Болдинскомъ имѣніи А. С. Пушкина	385
XXII. СВЕРЧОКЪ. Лицедѣи. Басня. Демьяна Бѣднаго	391
XXIII. Объявленія	394

СОВРЕМЕННОСТЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ,
НАУКИ, ИСТОРИИ, ИСКУССТВА
И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

І Ю Н Ъ — 1912

ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

В. В. ВЕРДИ

№ 1620-54

С.-ПЕТЕРБУРГЪ - 1912

Типографія Спб. Т-ва Печ. и Издат. дѣла „Трудъ“, Кавалергардская, 40.

Египетъ.

У пирамидъ *).

Издали пирамиды невелики; изъ песковъ просунуты два треугольника; цвѣтъ ихъ—пустыни цвѣтъ: и пирамиды кажутся не примѣчательными. Вотъ пирамида Хеопса;верху она мягко затуплена, оканчиваясь площадкой. А вотъ острая пирамида Хефрена. Темно-лазурный треугольникъ между обоими, образованный небомъ. Вокругъ—та же темная и пламенная лазурь; гдѣ-то сбоку затеривается третья пирамида; она—небольшая.

Пирамида Хеопса, Акхундъ-Куфу, имѣетъ 70 сажень въ ширину и 175 метровъ по наклону; на тринадцатой ступени ея открывается входъ во внутрь: издали чернѣетъ этотъ входъ малой точкой. Пирамида Хефрена, Уэръ-Кхафра, имѣетъ 136 метровъ въ вышину; на ней нѣтъ выступовъ, образующихъ ступени; верхняя часть ея покрыта розовымъ гранитомъ; гранитъ этотъ вывѣтренъ. Третья пирамида—Нутиръ-Менкаура, простирается вверхъ всего на 66 метровъ. Отъ нея невдалекѣ торчатъ три ступенчатыхъ пирамидки; три пирамидки прячутся также за пирамидой Хеопса.

Эта группа пирамидъ называется группой близкихъ пирамидъ въ противоположность группѣ дальнихъ, поднимающихся у Мемфиса.

Пирамиды находятся на громадномъ песчаномъ плато; къ плато проложена сносная дорога, защищенная отъ вѣтра каменными перилами. Днемъ вверхъ и внизъ по дорогѣ черненькихъ муравьевъ токъ: это люди, мулы, верблюды; вечеромъ уменьшается черненькихъ муравьевъ токъ, пробирающихся вверхъ по склону.

Пирамида сливается съ цвѣтомъ ливійской пустыни; цвѣтъ же ливійской пустыни перемѣчивъ, какъ море; и сѣрютъ мертвенно-желтоватые камни пирамидъ, едва отдавая въ блѣловатую едва видную прозелень; блѣсовата освѣщенная солнцемъ поверхность; на противоположной отъ солнца сторонѣ отчетливо прочертилась тѣнь; блѣлый, сѣрый и желтый—вотъ цвѣта пирамидъ; блѣловатый, не блѣлый фонъ пирамиды: отовсюду въѣлись въ него сѣрогрифельныя пятна тѣней; и пирамидъ громадныя камни—рабыя камни; но и

*) „Современникъ“. Кн. V.

трифельносьрая тѣнь получаетъ явственный желтоватый налетъ; и налетъ этотъ мертвенѣетъ въ сумерки: отдастъ едва выступающей зеленю; въ полдень же издали на камняхъ разыграется красноватый бликъ; въ лиловатую дымку переходитъ тотъ отблескъ къ солнечному склонению.

Назовите же цвѣтъ пирамидъ: онъ, какъ его окружающая пустыня, которая желтоватымъ моремъ песковъ разлилась вокругъ; тускло такъ вокругъ засѣрѣла пустыня, пересыпаясь беззвучно грядами песчаныхъ холмовъ; все замерло въ ней; всѣ оттѣнки слетѣлись къ ней, вѣѣлись другъ въ друга, образуя рельефъ; надъ которымъ взлетѣли два гигантскіе контура, какъ два трупа; и на нихъ заиграли вѣка радужными рефлексамъ: мучаетъ васъ пирамидъ невѣрное выраженіе; то пустыня безвидно накрыла ихъ своей обманной фатой; невидимый миражъ струится отъ чудовищныхъ реберъ, и пирамида мѣняетъ ежеминутно свой цвѣтъ. Издали лиловѣетъ она; нѣсколько десятковъ шаговъ вы пройдете, она—зажелтѣла; еще ближе—гигантски сѣрѣетъ она тысячу рыбьихъ выступовъ; еще пять шаговъ—выцвѣтаетъ: вся она—сплошная тусклость тогда; и тусклѣетъ вокругъ разваленъ ею сброшенныхъ камней; а ея черняющій входъ, присѣдавшій издали на пески, высоко поднимается надъ вашею головою. Вотъ надъ сѣрою грудой камней бѣловатый верблюдъ кажется зеленоватымъ верблюдомъ. Цвѣтъ же самой пирамиды отсутствуетъ: вся она—тускловата торчитъ своимъ отсутствіемъ цвѣтовъ; вся она—сочетаніе тысячи другъ друга уничтожившихъ красокъ.

Вы приближаетесь къ пирамидѣ; съ бѣшеною быстротою она передъ вами выпираетъ изъ земли; раздается вправо и влево; расширяется выступами тяжкихъ своихъ ступеней: надъ тупою ея вершиной эластично выгибается небо, образуя дугу небосвода. Каждые пять шаговъ пирамида растетъ: вы прошли еще пять шаговъ, и еще она выросла, поблекла, отяжелѣла; будто каждый вашъ шагъ многотысячный грузъ пудовъ вдавливаютъ въ ея тяжелое тѣло; будто каждый вашъ шагъ приближаетъ васъ къ ней на сотню вѣковъ; короткое разстояніе отъ начала плато до ея подножія равняется тысячамъ, въ обратномъ теченіи промелькнувшимъ днямъ; и когда достигнете вы ея основанія, а она завалится бѣшено надъ вашею головою, вы взгляните на себя—и увидите не себя: вы увидите темноватый призракъ далекаго контура; черезъ рои дѣтъ здѣсь вилотную приваливается прошлое; между мертвеннымъ контуромъ современнаго челоѣка и пирамидой образуется мгновенный провалъ тысячелѣтій; закружится голова и испуганно остановится сердце; вы станете не челоѣкомъ теперь, а.... такъ чѣмъ-то!...

Каждый шагъ, приближающій къ пирамидѣ, снимаетъ съ нея послѣдніе проблески красокъ. Наконецъ, она—вотъ передъ вами: поздrevатая, ужасная, тихая—внѣ цвѣтовъ и внѣ вѣса, внѣ пространственно-временныхъ измѣреній. Вершины ея тогда ужъ не види-

те вы; издали острогранныя ея ребра надъ вашею головою образуютъ одну разваливающуюся дугу; грозною грудой взвалились на массивы массивы: тысячи, миллионы массивовъ, будто бы желтоватыхъ, а на самомъ дѣлѣ вишневѣтныхъ; и чудовищно и бессмысленно заваливается многомассивная высь; и вотъ—рухнетъ: хаосъ камней, брошенныхъ въ небеса, станетъ хаосомъ низверженныхъ камней.

Вы проводите рукой по глазамъ; вы хотите стряхнуть съ себя эти камни тысячелѣтій. Вы себя увѣрить стараетесь, что предъ вами предстоящее безобразіе есть миражъ; вы тогда говорите сосѣду: «Посмотри: въ яркомъ солнцѣ—яркорежая пирамида».

И вамъ вѣрятъ.

Такъ возникаетъ у собравшихся вокругъ пирамидъ туристовъ обманное убѣжденіе, будто вѣсомъ она измѣряема; будто она имѣетъ цвѣта; будто въ ней нѣтъ ничего замѣчательнаго; не такъ ли всякое раздраженіе: оно имѣетъ предѣлъ; увеличьте раздраженіе зрѣнія, ощущенія не получится; въ тысячу разъ увеличьте невѣроятность, и невѣроятность получить такой обыденный видъ.

Въ дѣтствѣ часто меня тревожилъ кошмаръ. Кошмаръ этотъ не имѣлъ реального образа; образы прихотливой фантазіи не цвѣтили его страннаго безсмысла: въ тѣ часы мнѣ казалось, когда обычная простота ночи одѣвала меня, и предметы, покрытые тѣнью, выступали знакомыми знаками,—мнѣ казалось тогда: вдругъ—что-то трогалось; и предметы снимались съ мѣста; или даже—наоборотъ, трогался я: даже не я—во мнѣ самомъ что-то трогалось съ мѣста; одна незамѣтная черта отдѣляла меня отъ меня самого, лежащаго въ комнатѣ—и что за ужасъ! Мнѣ казалось, что я—не я, что мое все отстало отъ меня, какъ пустой ярлыкъ, или какъ сухая змѣиная кожа, изъ которой какое-то «я» вышло изъ какого-то «я»; и меты и весь меня окружающій міръ казались мнѣ какими-то знаками на пустой кожурѣ моей личности; а вѣдь въ этой-то личности и заключалось все для меня. И вотъ «я» какое-то отъ того всего уходило, уходило все то, отъ какого-то «я».

— Кто же я? Что же все? Какъ же такъ? Что же это такое?

Такъ во мнѣ бы шепталось, если бъ было чему шептаться; но шептаться было не кому, не чему.

Или мнѣ начинало казаться, что невидная грань, отдѣлявшая меня отъ меня самого, начинала протягиваться въ тоскливыхъ верстахъ миллионы; изъ-за тѣхъ миллионовъ верстъ я вытягивался къ улетѣвшей предметности, дѣтской комнатѣ, нянѣ, игрушкамъ, родителямъ, безъ надежды осилить все растущій провалъ; отъ меня самого нить вытягивалась чрезъ бездну, и я съ опасностью жизни тащился миллионами верстъ и дней, чтобъ какое-то я, вновь настигло какое-то я, дабы чрезъ ихъ сліяніе пересталъ бы я удивляться всему, сошедшему съ мѣста; въ то же время явственно видѣлъ я иногда, какъ лицо моей матери выступало изъ свѣтлаго круга

свѣчки: «Онъ опять кричитъ по ночамъ» слышался мнѣ знакомый и все же чуждый голосъ.—«Это, барыня, ростъ» отвѣчалъ голосъ няни.

Эти кошмары вспоминалъ я часто потомъ; часто я думалъ о томъ, что если бредъ мой былъ ростомъ, то ростъ этотъ заключался вовсе не въ вышину, не въ длину, а въ какое-то чуждое, существующее измѣреніе; вырастая въ длину, я проваливался куда-то.

Этотъ дѣтскій кошмаръ я невольно вспомнилъ у пирамиды: что-то было отъ бездны въ тихо высающемся ея очертаніи: безконечность, неизмѣримость являла миллионы отмѣренныхъ верстъ, миллионы отмѣренныхъ дней; эта грозная мѣра отдѣляла тѣ камни отъ обложившей ихъ современности; черносѣрый, гремящій Каиръ—и беззвучіе рядомъ!

Современность съ ея суетой не можетъ, не хочетъ понять Хеопсовой пирамиды. Невозможность измѣрить вотъ тѣ глыбы тяжестей придаетъ на иной взглядъ и вовсе невѣсомость этимъ камнямъ; невѣсома, безцѣнна для взгляда Хеопсова пирамида; но и панический страхъ, васъ охватывающій подчасъ, невѣсомъ тоже. А невозможность видѣть вѣщѣтвное сочетаніе цвѣтовъ уявляетъ видъ Хеопсовой пирамиды безцвѣтнымъ: но и воздухъ, которымъ мы дышимъ,—безцвѣтный воздухъ; а какое въ томъ воздухѣ разсыпается золото, а какая тамъ бирюза!

Невѣсомымъ безцвѣтнымъ призракомъ высится Хеопсова пирамида съ невѣсомой, безцвѣтной, сливаясь пустыней. Но онъ есть: есть призракъ—вдругъ отдѣлится отъ пустыни, вдругъ завалится тяжестью надъ вашею головою.

И предметы вокругъ начинаютъ сходить съ своихъ мѣстъ; то, какое-то «я» отдѣлилось, отстало отъ «я», и рушится въ бездну. Ужась и пегля тебѣ, современный человѣкъ!...

Ступени Хеопсовой пирамиды состоятъ изъ ряда массивовъ. Массивы эти то поздrevаты, то гладки. Они высются рядъ за рядомъ. Каждый рядъ образуетъ ступень. У Хеопсовой пирамиды, кажется, до ста сорока ступеней. Каждая оказалась выше моихъ колѣнъ. Многія изъ нихъ мнѣ были по поясъ. А инныя изъ нихъ оказались по грудь. Несоразмѣрна ихъ вышина съ шириной: вышина ихъ достигаетъ иной разъ до полутора метра; средняя вышина—метръ; ширина же менѣе пятидесяти сантиметровъ. Вслѣдствіе этого пирамида крута: мало покатости въ ней; восхожденіе утомительно: далеко не всѣ рискуютъ подняться къ вершинѣ. Стоя внизу, думаешь, что предъ тобою стѣна. Если стать посреди ея, на ребрѣ, подъ и надъ ступенями, кажется, что ребро ея не прямая окружность: вы же стоите на той окружности въ точкѣ касанія; кажется сами себѣ изъ воздуха прилѣпленными къ камнямъ; вы испытываете головокруженіе.

Цѣлыми областями хорошо сохранились ступени; а другія области

только хаосъ развалинъ; здѣсь едва-едва можно пройти: не вездѣ одинаковы условія восхожденія; пойдете вы безъ проводника, вы запутаетесь въ неодинаковыхъ областяхъ многоступенчатыхъ скаловъ: я говорю о л а с т я х ъ, ибо ряды ступеней образуютъ неизмѣримость; взоръ затеривается здѣсь. Одна неизмѣримость загибается у васъ подъ ногами, и вы не видите, какъ она соприкасается съ землей; а другая неизмѣримость загибается надъ головою: какъ она выводитъ къ верхней площадкѣ, вы тоже не видите; верхъ и низъ пирамиды пропадаютъ изъ поля вашего зрѣнія, и дугой выглядящее ребро. Такъ въ отдѣленный отъ земли шаръ превращается для васъ пирамида; этотъ шаръ кажется вдесятеро огромнѣй своей дѣйствительной величины; пирамида становится земли неизвѣстнымъ спутникомъ; вы на томъ шарѣ становитесь безвозвратно затеряннымъ. Кажется, что возврата не можетъ быть: неизмѣримость невозможно осилить между землей и вами; между верхомъ и низомъ Хеопсовой пирамиды нападаетъ на васъ старинный дѣтскій кошмаръ.

— Кто же я? Что же все? Какъ же такъ? Что же это такое? Ничего, никого.

Вершина пирамиды увѣнчана небольшою площадкой; площадка имѣетъ до десяти квадратныхъ метровъ; сверху скрадывается разстояніе отъ земли; пирамида опять кажется небольшою; головокруженіе, отчужденность отъ міра уже здѣсь не грозятъ.

У подножія пирамидой сброшенный камень: массивы, осколки ихъ и осколки осколковъ; все это образуетъ трухлявый, всюду раскиданный, известнякъ. Между камнями многія черноватые щели и впадины; иногда межъ нихъ цѣпенѣетъ чернохитонный феллахъ; мечтательно онъ склоняетъ рукой подпертую голову; глаза его убѣгаютъ въ пространство, излучаютъ покорную грусть; онъ загадочно, томенъ. Вы проходите мимо: изъ чернѣющей впадины выкинется феллахъ приставать со своими египетскими амулетами; пропадетъ томная нѣга его замерзшихъ движеній: острыми, хищными станутъ лучистые взоры его; и онъ—дьяволъ...

У подножія пирамидъ разбѣгающаяся рты вереница туристовъ; подбородки ихъ опрокинуты; ихъ затылки прижаты плотно къ плечамъ; у подножія пирамидъ медленно проплываетъ верблюдъ: на верблюдѣ костлявая дама въ вуали и съ подзорной трубою.

Не забуду первой поѣздки на пирамиды. Стоялъ зной первыхъ мартовскихъ дней. Воздуха не хватало. Ежеминутно кровь прилиwała къ головѣ. Электрическій трамвай насъ помчалъ отъ Булака вдоль каирскихъ предмѣстій. Однообразная равнина раскрылась за цвѣтами, садами и виллочками съ разрѣзающей ее аллеей деревьевъ; трамвайный трактъ далеко отмѣчался аллеей, убѣгающей къ... треугольникамъ; скромно высились издали треугольники; золотое солнце усаживалось на нихъ.

Травы стали рѣдѣть; песчаная показала тамъ и здѣсь лысинки;

болѣ песковъ, менѣ рябоватыхъ ключевъ травы. И вотъ уже мы у пустынного берега. Это станція Гизскъ. Отсюда рукой подать до плато, на которомъ стоятъ пирамиды. Я взглянулъ прямо; треугольники исчезли уже; добрая четверть неба была отъ насъ заслонена остроугольною пирамидой Хеопса.

Съ трудомъ избѣжали мы ревущей сумятицы станціи: обычный, пестрый, современно-египетскій водоворотъ. Здѣсь изъ входа трамвая попадаешь въ объѣты феллаха; во мгновеніе ока, онъ надѣливается на васъ; добрые четверть часа, не отставая навязываетъ онъ услуги, переругивается, иронизируетъ надъ собой и надъ вами, и, наконецъ, добьется своего, когда вы, отирая потъ, въ изнеможеніи присядаете на край саркофага, на половину торчащаго изъ песку. Строенъ, высокъ вашъ мучитель; такъ воздушно колышутся на немъ граціозныя, черныя складки аббасіи; на немъ бѣлая, просвѣчивающая, будто дамская шаль, замѣняющая бурнусъ. Едва увидите вы изъ песковъ граціозную ту фигуру, идущую къ вамъ съ искательнымъ выраженіемъ въ лицѣ, вы спасаетесь въ бѣгство; тщетное бѣгство: ноги ваши мгновенно завязаютъ въ песокъ; всѣ движенія ваши скованы; а онъ, діаволъ, граціозно, проворно выручаетъ васъ; и ведетъ по дорогѣ къ пирамидному плато, отъ котораго—къ которому—тянется граціозный строй помпонами украшенныхъ осликовъ, граціозный строй бѣловатыхъ, тонкихъ верблюдовъ, чьи высокіе горбы увѣнчаны англичанами, высоколукими сѣдлами и пестрыми, восточными ковриками; тутъ увидите вы подчасъ паланкинъ, подъ которымъ въ носилкахъ несутъ къ пирамидѣ даже стараго паралитика; многошумно, весело, бодро все это тянется вверхъ и внизъ по плато.

Пристаютъ къ вамъ феллахи; вы отвѣчаете молчаніемъ.

— Kommen sie hier! Avec moi... All right... Карашо баринъ. Молчаніе.

— Orividerci...—раздается насмѣшливо вамъ въ спину.

Такъ пробуетъ завязать съ вами сношеніе феллахъ, соблазняя выкриками всѣхъ нарѣчій.

Молчите!...

Солнце уже садилось. Темная пирамида громадилась передъ нами. Ширилась на Каиръ ея воздушная тѣнь; сколько людей теперь безпредметно томились въ Каирѣ; сколько взглядовъ тускнѣло, сколько рукъ опускали бокалы—оттого, что ширилась на Каиръ пирамиды темная тѣнь. Сама пирамида громадилась передъ нами; она была тиха и грустна. Ея сѣрогрифельный бокъ глядѣлъ на меня рябоватой громадиной; я опустился въ песокъ у тусклаго бока. Кругомъ пошло все вокругъ: я закинулъ голову вверхъ...

Тамъ, тамъ, тамъ—на пирамидномъ ребрѣ я увидѣлъ, что лѣпятся люди; размѣромъ своимъ они напоминали мнѣ оловянныхъ солдатиковъ, но всѣ краски съ нихъ слѣзли. Тусклая кучка туристовъ одиноко затерялась на пирамидномъ ребрѣ—тамъ, гдѣ-то недалеко

отъ вершины; тусклая кучка преодолевала препятствія; ей приходилось безостановочно вскакивать на массивы въ метръ вышины. Но разстояніе скрало скачки тусклой кучки; она казалась застывшей, напоминавшей движеніе луны по небесному своду. И не сразу я понималъ, что она опускается.

Вонъ еще кучка туристовъ открылась мнѣ на противоположномъ ребрѣ; открывались новыя кучки; можно было бы открыть ихъ еще; но онѣ всѣ затеривались на громадномъ пространствѣ рябоватаго бока; сколько бы тамъ ни лѣпилось людей, все была бы пирамида пустынная; кучки людскія на тлѣ ея растирались въ невидную пыль.

Въ солнце вѣблась уже мгла ливійской пустыни; тусклымъ кругомъ оно теперь потухало; на немъ явственно противулась пепельная фата; можно было въ воздухѣ видѣть летъ миллионовъ пылинокъ; э тотъ летъ былъ и грозень, и тихъ; на пески просыпалась съ неба зола. Верхъ пирамиды уходилъ въ пепель египетскаго заката; мигъ—и отъ краю до краю пронесся египетскій испугъ: солнце ушло, часъ пробилъ. Изъ своего саркофага вѣрно теперь выходилъ человѣчекъ съ псиною головой: въ самый каирскій ревъ пробѣдалась теперь хеопсова тишина; самые крики феллаховъ стали тихими криками подъ золотокарими сумерками беззорныхъ свѣченій.

Послѣдняя кучка туристовъ опускалась надъ нашими головами; люди теперь перестали казаться куколками; въ нихъ сперва намѣчался, а потомъ намѣтился ростъ: явственно видѣли мы опускающееся людское теченіе; различали и крики, и прыжки съ камней на камни; все быстрѣй и быстрѣй неслась на насъ сверху прыгающая компанія; пролеталъ толстоносый взволнованный мистеръ, подавая руку взволнованной лѣди и помахивая платочкомъ надъ багровымъ челомъ; пролетали стремительно одинъ за другимъ всѣ двѣнадцать феллаховъ; съ камня на камень они внизъ перекидывали англичанъ. Внизъ пролетѣли всѣ. Мы сидѣли на тринадцатой ступени Хеопсовой пирамиды; съ павшими сумерками прекратилась атака феллаховъ; только черная тѣнь поднялась отъ насъ близко на тринадцатую ступень. Черное входа жерло ширилось у насъ за плечами; мы сидѣли одни на пустой пирамидѣ; передъ нами было пустое пламя; подъ игонами темнѣли падающіе ступеней отвѣсы. Луна начинала тихо вставать.

Мы стали спускаться; въ сумеркахъ не такъ-то легко спуститься съ тринадцати метровыхъ ступеней: слишкомъ высоки они оказались для обычнаго роста; мы порядкомъ устали, одолевая эти ступени; на-дняхъ пройти предстояло намъ всѣ сто сорокъ. Не безъ робости поглядѣлъ я на убѣгающій верхъ: мы рѣшили совершить одни восхожденіе: лучше часами медленно подниматься къ вершинѣ, нежели въ двадцать минутъ, задыхаясь, осилить многомассивную высь; не хотѣлось намъ нарушать тишину восхожденія неумолчнымъ гамомъ проводниковъ.

Мы прошли къ западу отъ Хеопсовой пирамиды. Три пирамидки

вышиной отъ пятнадцати метровъ возвышались тамъ изъ песка. Двѣ изъ нихъ являли собой могилы хеопсовыхъ дочерей; такъ завѣряетъ, по крайней мѣрѣ, въ древности Геродотъ, нынѣ же Марриеттъ. Пирамидки эти, будто бы, находились у храма Изиды. Къ югу отъ большой пирамиды начинались ряды *мастаба*, (*мастаба* арабское слово, обозначающее «лавочку»); этимъ словомъ называютъ арабы особую форму древнеегипетскихъ гробницъ; всякая гробница состояла изъ надземной построечки съ легкимъ уклономъ известковыхъ или желто-кирпичныхъ стѣнъ; желтый кирпичъ этихъ стѣнъ состоялъ изъ смѣси песка съ камушками; иногда *мастаба* открывала входъ въ комнату; иногда же въ ней видна была только ниша, на верху квадратная находилась площадка и могильный колодезь, здѣсь и тамъ открывался близъ *мастаба*; глубина его иногда достигала всемнадцати а то и двадцати метровъ. *Мастаба* къ югу отъ Хеопсовой пирамиды относимы къ пятой мемфисской династии; здѣсь были похоронены высокородные современники фараона Снофру.

На востокъ отъ Хеопсовой пирамиды продолжались гробницы четвертой и пятой династии; между прочимъ, гробница Сафкихотпа и Мераба, фараоновыхъ сыновей; эта послѣдняя сохранилась лучше другихъ.

Помнится, здѣсь въ пескахъ промолчали мы долго. Камня обломкомъ служилъ намъ подножіемъ. Желтоватый входъ полусасыпаннаго *мастаба* едва торчалъ передъ нами; мертвенно улыбались луной невысокія, плоскія, слегка другъ къ другу наклоненныя стѣны; желтый прямоугольникъ потолка тяжело ихъ давилъ; было пусто и тихо; ни одинъ туристъ не смущалъ тишину могилъ; ни одинъ феллахъ не просунуть къ намъ свою любопытную голову; лишь до ужаса черная тѣнь рѣзкими косяками изсѣкала мѣсячное, едва надъ пустыней, намѣтившееся свѣщенье.

Мы были оглушены; мы были подавлены: было пусто плато пирамидъ; издали лишь тѣнь одинокаго городского выдѣлялась несвоевременно; да несвоевременно блистали огнями у ногъ «*Mena House*» всемірноизвѣстный отель, расположенный у подножія пирамидъ въ пустынѣ: и къ нему-то мы шли; ниже еще долетали гамы феллаховъ—тамъ, откуда гудѣлъ на Каиръ бѣгущій трамвай. Около горизонта, огни кайрскихъ домовъ грустно блистали изъ-подъ облаковъ пыли.

И далекіе огни миллионнаго города, и огни близкіе «*Mena House*», коварно укрытаго отъ пустыни листьями лапчатыхъ пальмъ—вся, та чудовищная реальность уплывала праздно въ маревѣ пустынного горизонта: тутъ впервые открылось мнѣ кайрское наводненіе: мнѣ открылась глубокая мысль, придающая новую красоту безобразію кайрскихъ стѣнъ. Бредъ миллионнаго Каира есть бредъ изъ себя вываливающейся въ ростъ души дѣтской. Припоминался мнѣ мой старинный дѣтскій кошмаръ и сходящіе съ мѣста предметы; припоминалась чуждая комната, и какой-то другой, не родной, необычный, обращен-

ный ко мнѣ голосъ матери. Когда неожиданно прикасаешься къ иному міра явленію, безобразятся предметы здѣшняго міра и какъ будто сходять со своихъ мѣстъ. И каирское безобразіе есть безъ-образность съ мѣста сошедшихъ предметовъ, надъ которыми встали тысячекратными чуждые намъ міры.

Тунисъ, Москву, Петербургъ помѣстите подъ пирамиду—Тунисъ, Москва, Петербургъ искажутся сошедшими съ мѣста предметами. Безобразіе Каира—отъ безумія; а безуміе это, самъ отъ себя оторванный, за границы всего человѣческаго перешедшій умъ. Такой умъ—безобразенъ быть можетъ: тѣмъ не менѣе онъ величествененъ; безобразный Каиръ—въ своемъ безобразіи прекраснѣй и глубже, быть можетъ, эстетически совершеннѣйшаго Туниса. Эстетическая мѣрка не пригодна къ Каиру, ибо его измѣриваешь только метафизически: въ его эстетическомъ безсмыслии открываешь иной, болѣе ледяной, болѣе, быть можетъ, глубокой метафизическій смыслъ...

Усталые и покрытые пылью сидѣли мы въ садикѣ «Mena House», ожидая обѣда (обѣдаютъ здѣсь около девяти часовъ); опоясанные красными кусками матерій, бѣлохитонные слуги выступали изъ сумерокъ своими бронзовѣющими лицами: высочайшія фески ихъ выступали изъ-за лапчатыхъ листьевъ. Наконецъ, пробилъ гонгъ: насъ ввели въ сіяющій залъ; росписи египетскаго орнамента являли собой здѣсь и тамъ красноватая, алаяватая стѣны; отовсюду поплыли бѣлоснѣжныя дамы, съ длинными вырѣзами на груди; и сѣдые лѣды, съ оголенными лопатками; эти желтыя, голыя лопатки, продуренныя лысины, старость и молодость, затянута въ крахмаль, являли собой не безынтересное зрѣлище: вотъ поплылъ старый достойный лордъ (можетъ быть, перъ), надуваясь въ серебряныя баки; а вотъ молодые фразники залавировали въюнами между шлейфами шелестящихъ дамъ; всѣ казались мило изящными; иные туло молчали; иные—наивничали; одиноко каталъ хлѣбные шарики салфеткой перевязанный лордъ: разразись громъ небесный, онъ не тронулся бы съ мѣста; у меня явился обидный для его лордскаго достоинства вопросъ: пощекочи я соломенкой его носъ, благоволилъ бы онъ возмутиться? Но тутъ невольно я заробѣлъ, предъ собою увидѣвъ великолѣпнѣйшаго метръ-д'отеля: великолѣпнѣйшій метръ-д'отель подозрительно разглядывалъ меня съ ногъ до головы, и тутъ стало мнѣ ясно, какъ день, что пока придумывалъ я эксперименты надъ лордомъ, великолѣпнѣйшій метръ-д'отель въ свою очередь придумывалъ экспериментъ надо мной; было ясно, что готовился онъ совершить надъ моею особой неприличнѣйшій для джентльмена поступокъ: онъ готовился освѣдомиться, что собственно намъ угодно въ этомъ фешенебельномъ мѣстѣ; къ ужасу своему понявъ я, что по-своему быть правъ метръ-д'отель, собираясь освѣдомиться о нашихъ намѣреніяхъ: пропыленные наши одежды разительный составляли контрастъ съ фешенебельнымъ мѣстомъ симъ: въ фешенебельномъ мѣстѣ сямъ что-то вовсе

не было видно пропыленныхъ туристовъ: здѣсь обѣдали только проживающіе въ отелѣ: вѣрно за часъ еще до обѣда всѣ они охорашивались предъ зеркаломъ, надѣвая фраки и балычныя платья; оттого-то не удостоили насъ взоромъ достойнѣйшій лордъ: и будь я во фракѣ, онъ хотя и съ молчаніемъ, но вовсе не съ тѣмъ для меня унижительно-молчаніемъ закаталъ бы изъ хлѣба длинненькія сосиски; унижительное молчаніе его вѣроятно мгновенно передалось великолѣпнѣйшему метръ-д'отелю: и великолѣпнѣйшій метръ-д'отель уже стоялъ предо мной; было поздно спастись бѣгствомъ отъ унижительно-го для моего достоинства вопроса этого, какъ никакъ, а слуги; оставалось лично атаковать великолѣпнѣйшаго метръ-д'отеля, что я и сдѣлалъ: съ гордымъ вызовомъ я посмотрѣлъ на свои ливійской пустыней покрытыя башмаки и на его лаковые ботинки, какъ въ зеркалѣ отражавшія лордскую лысину—посмотрѣлъ и сказалъ:

— Что же намъ не покажутъ нашего мѣста?

Мгновеніе мѣрили мы другъ друга глазами—я и великолѣпнѣйшій метръ-д'отель, какъ будто измѣряя предстоящее поле сраженія; и вдругъ (о счастье!) великолѣпнѣйшій метръ-д'отель спряталъ въ усахъ свое мобилизованное достоинство; вы сказали бы, что онъ меня пощадилъ—о нѣтъ: я увѣренъ, что былъ побѣдителемъ въ ту роковую минуту, когда неприличнѣйшій вопросъ застрялъ у него на губахъ, и онъ, покоренный моимъ независимымъ видомъ, повелъ насъ за боковую колонну зала, точно пряча отъ фешенебельной публики: тотчасъ же снисходительно заказалъ я какого-то дорогого вина; и другъ друга мы поняли; мнѣ казалось, что въ лицѣ великолѣпнѣйшаго метръ-д'отеля приобрѣлъ я союзника; и даже достойнѣйшій лордъ не каталъ хлѣбныхъ катушковъ съ такой для меня обидною ясностью; и съ своей стороны отложилъ намѣреніе: щекотать соломенкой у него въ носу...

Весь обѣдъ мы выглядывали изъ-за колонны; строй развертывался передъ нами за строемъ; это были строи фраковъ, галстуховъ, лысинъ, сѣдыхъ надушенныхъ бакъ, оголенныхъ плечей, шей и грудей; электрическое сіяніе освѣщало и лысину у лорда, и великолѣпнѣйшаго метръ-д'отеля лаковый, черный носокъ: безпредметная фешенебельность и безпримѣрная скука, вѣроятно, распространили славу отеля далеко, далеко, что въ такомъ обилии собрались здѣсь со всѣхъ четырехъ частей свѣта лучшіе фраки, лучшіе галстуки, лучшія лысины, напышнѣйшіе баки, наипрекраснѣйшія плечи, шеи и груди всей вселенной: царственной скукой, очевидно, дирижировалъ лордъ; явно онъ задавалъ тонъ сіятельному собранію, замирая въ безсмертной позѣ и хлѣпя изъ хлѣба сосиски. Обѣдъ этотъ останется въ памяти моей навсегда: во первыхъ, я присутствовалъ здѣсь среди сливокъ вселенной; во вторыхъ, здѣсь я побѣдилъ метръ-д'отеля, состоящаго такъ явно подъ покровительствомъ самого лорда (а кому изъ здѣсь собравшейся публики выпадала удача побѣдоносно сра-

зяться съ нимъ?); въ третьихъ, обѣдъ мнѣ стоилъ болѣе фунта стерлинговъ.

Наконецъ, бросивъ презрительный взглядъ на своего величественнаго противника, подающаго блюда и королямъ (вниманіе!), гордо прошелся я по сіяющей залѣ.

Такъ состоялось посвященіе наше «*Mena Hause*», изъ котораго отбыли мы въ половинѣ десятаго.

Сфинксъ.

Мы вышли—и мы остановились: въ другой міръ, несомнѣнно, попали мы; тотъ міръ, который остался у насъ за плечами, когда вступали мы въ сіяющій залъ «*Mena Hause*» былъ сумеречнымъ міромъ: то былъ міръ пыли, тусклостей, тѣней и полутѣней; за камнями, гробницами, саркофагами всюду притаились гнѣздилища египетской грусти: пространство, полное испуга, присѣдало на землю тѣнями и полутѣнями; человѣческая тѣнь на песокъ вытягивала свою полутѣнь.

Теперь мы попали въ неизъяснимую синеву; все показалось намъ прохладнымъ, прозрачнымъ, призрачнымъ; опрозрачилась прохладная ночь и призрачно заблѣли, какъ туманъ, песковъ пространства; въ ярко-синей прохладѣ купалась громадина-пирамида; и мѣсячные лучи бросали на нея изъ-за пальмъ свою стремительную слѣпительность; уста жадно тянули этотъ кубовый воздухъ, весь настоенный на звѣздахъ и блескѣ. Самые голоса и крики феллаховъ изъ-за деревьевъ «*Mena Hause*» получили какой-то особый, не то металлическій, а не то и зеркальный тембръ; чернохитонныя ихъ тѣла казались мягко изваянными въ песокъ; а бѣлыя шали ихъ прозрачно дымились въ воздухъ; такихъ звѣздъ я еще нигдѣ не видалъ; блескомъ сыпали онѣ даже въ мѣсячномъ освѣщеніи. Съ изумленіемъ я увидѣлъ Большую Медвѣдицу: такъ низко отъ горизонта никогда я не наблюдалъ: тутъ я вспомнилъ чьи-то слова о томъ, что на горизонтѣ будто бы можно теперь различать Южный Крестъ, а еще, еще зачерпнуть югъ, какъ вилотную за Ассуаномъ приблизится и кругъ тропикальный.

Мы собрались было ѣхать домой, но съ металлической отчетливостью намъ прокричали феллахи:

— *Kommen sie hier!...*

— *Avec moi...*

— *All right!...*

— *Signor!...*

— Карашо баринъ!

Мы очутились на двухъ очаровательныхъ осликахъ: ослики побѣжали по направленію къ Сфинксу: можно ли было вернуться въ Каиръ въ эту очаровательную ночь?

Вотъ подъемъ къ плато пирамиды, вотъ широкая песчаная сѣдловина между двумя колоссами (пирамидой Хеопса и пирамидой Хефрена); вотъ спускъ по ту сторону пирамидъ, вотъ... но что тутъ сказать?...

Время построенія Сфинкса въ точности неизвѣстно. Оно измѣряется количествомъ тысячелѣтій. Иные ученые исчисляютъ время это въ 5500 лѣтъ. Сфинксъ уже тутъ стоялъ, когда явились впервые закладывать пирамиды; полуоблупленное его тѣло имѣетъ въ длину 57 метровъ; невысоко оно поднимается надъ поверхностью песковъ. Отъ основанія лапъ до темени—20 метровъ; каменная голова глядитъ на востокъ; она выражаетъ идею заходящаго солнца; на лицѣ усмотрѣли едва замѣтные слѣды красокъ. До начала XIX столѣтія пустыня покрывала Сфинкса по шею; между лапъ божества была замѣчена каменная доска съ изображеніемъ фараона Тутмосиса IV-го; надъ изображеніемъ прочли иероглифическія письма; письма эти оповѣщали грядущія тысячелѣтія о полуденномъ снѣ фараона Тутмосиса: послѣ охоты на львовъ задремнулъ фараонъ подъ тѣнью сфинксовой головы; само божество, коего Сфинксъ символъ, явилось тогда въ фараоновой дремѣ. Божество просило освободить его отъ песковъ. Фараонъ велѣлъ раскопать Сфинкса. Но и донныя пески продолжаютъ закапывать божество: двадцать пять лѣтъ назадъ можно было явственно различать его протянутыя лапы. Снова лапы теперь покрываютъ пески.

Неопредѣлимъ цвѣтъ пустыни; неопредѣлимы цвѣта пирамидъ; въ той же мѣрѣ неопредѣлимъ цвѣтъ Сфинкса; спереди онъ только кажется темнѣй пирамидъ; это происходитъ отъ ветхости его огромнаго лица: все оно въ скважинахъ, углубленіяхъ, исчерченныхъ тѣнью; движутся тѣни—ни минуты не остается въ покоѣ лицо: сфинксово каменное лицо, все дрожитъ отъ ежеминутно смѣняющихся другъ друга душевныхъ движеній; 5500 лѣтъ онъ бросаетъ въ пространство мятежные токи какихъ-то душевныхъ, васъ потрясающихъ бурь; нервныя токи душъ, ему одному понятныхъ, заряжаютъ васъ одному ему вѣдомымъ электричествомъ: весь электрическій, нервный воздушный Сфинксъ. Каменное его лицо, о, во сколько живѣй и моложе лицъ его окружающихъ пигмеевъ! Вспоминаю невольно рассказъ одного туриста о томъ, какъ слишкомъ онъ заглядѣлся въ темныя впадины сфинксовыхъ глазъ, и о томъ, какъ его, туриста того, предупреджали феллахи:

— «Нельзя безнаказанно глядѣть въ глаза божества.»

Вотъ одно, меня поразившее преданіе: Наполеонъ отбилъ носъ Сфинксу ядромъ. Не оттого ли былъ брошенъ впоследствии на каменный островъ завоеватель? Нельзя безнаказанно смущать покой божества...

Ослики наши быстро, быстро пересыпали ногами песокъ; шелестящій песокъ проводникъ, весь бронзовый, едва поспѣвалъ за нами;

голубоватымъ клочкомъ тумана мягко протягивалась его вуаль; впереди было кубовое пространство; кубовое пространство было и сзади—пространство, полное шороховъ, трепетовъ, мѣсячныхъ блесковъ; когда изъ-подъ ослиныхъ ногъ убѣжали назадъ тѣни Хеопсовой пирамиды, насъ охватили мѣсячныхъ блесковъ пространства. Мягкимъ бѣлымъ туманомъ земля уходила изъ-подъ ногъ; мы вскачь поскакали по спуску—къ желтоватой простертой змѣй съ громадной, каменной человѣческой головою; змѣя оказалась туловищемъ божества, засыпаннаго песками.

Это былъ Сфинксъ. ¹

Сфинксъ сидѣлъ въ котловинѣ, поднимая нѣмую голову изъ груди вычерпаннаго песку. Этотъ песокъ образовывалъ вокругъ нѣчто въ родѣ подковообразнаго вала; на валу шептались туристы; туристъ предъ туристомъ протягивалъ руку по направленію къ чудовищной головѣ; къ чудовищной головѣ протягивался не одинъ бронзовый палецъ. Слѣпительная магнѣвая вспышка не разъ разрывала пространства голубой ночи; серебряно-бѣлый огонь начиналъ трепетать изъ-подъ каменной головы; каменная голова тогда смертельно блѣднѣла отъ наносимаго оскорбленія; превознесенная надъ пескомъ мимо глядѣла она черезъ головы глазѣющихъ кучекъ; тѣ зажимали магній, чтобы и ночью хоть мелькомъ выпросить себѣ взоръ божества: превознесенная голова бросала неподвижные взоры свои не на нихъ: глухую она дозидала мглу восточнаго горизонта... И тамъ, тамъ, за глухой мглой восточнаго горизонта въ это время, быть можетъ, шумѣли ливанскіе кедры; можетъ быть, наливались розы Сарона; можетъ быть, раздавалось пѣніе великопостныхъ псалмовъ; за глухою мглой горизонта не такъ уже далеко Палестина поднимала свои цвѣтущіе, поросшіе макомъ, холмы. И туда глядѣлъ Сфинксъ.

Въ образѣ вырази́ма предѣльность: безпредѣльному выраженія нѣтъ; образы безпредѣльнаго были бы безъ-образны: они носили бы печать особаго безобразія, вовсе отличнаго отъ обычнаго безобразія, заключающагося въ смѣшанности. Безобразіе безпредѣльности выше самой красоты.

И такъ-въ Сфинксъ.

Какъ мнѣ выразить, въ образѣ или жестѣ обычной дѣйствительности въ дѣтствѣ меня душившій кошмаръ? Какъ мнѣ этотъ старинный кошмаръ для посторонняго человѣка изъяснить при помощи словеснаго сочетанія? «Какое-то «я» вываливалось изъ какого-то «я»; разстояніе между двумя «я» измѣряемо было миллионами километровъ». Вотъ, пожалуй, точнѣйшая словесная формула къ пережитому мною: и гдѣ тутъ образность? Между тѣмъ никакая образность не сумѣла бы выразить реальную полноту всего пережитаго мною. Но еще труднѣе изъяснить пережитое мной въ каменномъ изъясненіи: въ пирамидѣ Хеопса встрѣтилъ я родной тому откликъ. Но пирамида Хеопса—не образъ: она геометрически правильная фигура. Тамъ, гдѣ

кончается образный символизмъ, начинается символизмъ числового ряда; символизмъ сухой, ледяной; но это только извнѣ: только льдомъ своей сухости отражаетъ такой символизмъ всё безуміа личности, всё ея вулканическіе взрывы. Не то ли встрѣчаетъ насъ въ Іоанновомъ Откровеніи; не измѣряется ли тамъ Градъ Новый... въ квадратныхъ саженахъ?

Есть какое-то цѣломудріе въ покровеніи безуміа геометрической формой; цѣломудренно треугольникъ Хеопса покрываетъ бѣшенство безпредѣльности; безконечность—конечна здѣсь.

Вотъ знаменитый психологъ, напившийся въ ресторанѣ: и онъ—безобразенъ; безобразіе усугубится, если, завывъ, знаменитый психологъ вдругъ ставетъ на четвереньки предъ изумленнымъ лакеемъ, дѣловито ему подавшимъ счетъ; усугубленное безобразіе остановится здѣсь на границѣ съ мерзостью. Если же, устремивъ очи горѣ, предъ многочисленной публикой съ кафедры, знаменитый психологъ огласитъ громкимъ воемъ стѣны аудитории, безобразіе учетверится: перейдетъ за черту... Ужасъ охватитъ насъ тогда: безобразіе будетъ ли тогда безобразіемъ? Если же знаменитый психологъ, отбезобразничавъ, старческимъ голосомъ намъ докторально заявить, что поступокъ его только экспериментъ надъ нашей душой, нужный ему для статистики реакціи на такой вотъ его поступокъ, и аудитории будутъ розданы статистическіе листки для заполнения ихъ своимъ впечатлѣніемъ, мы окончательно растеряемся: иные изъ насъ ощутятъ явное оскорбленіе, нанесенное имъ знаменитымъ психологомъ, а другіе, какъ знать? Задѣтые въ своихъ безымянныхъ, не передаваемыхъ чувствахъ, не наполнять ли они бредомъ отвѣтнымъ свои статистическіе листки: вой отвѣтить на вой. Послѣ эти листки напечатаетъ знаменитый психологъ; болѣе того, онъ ихъ снабдитъ комментариемъ; комментарий же этотъ наглядно покажетъ читающей публикѣ, сколько умалишенныхъ укрываютъ бредъ своего безуміа подъ личиною здравости. Какъ тогда назвать поступокъ ученаго? Мерзостью, провокаціей, гениальнымъ предательствомъ? Во всякомъ случаѣ мы почувствуемъ, что борьба не на животь, а на смерть; возникнетъ между ученымъ и нами: или мы, или они должны будутъ распрощаться со свободой и окончить дни въ психіатрической клиникѣ.

Надъ чьей-то душой будетъ совершенъ террористическій актъ.

Вотъ такой террористическій актъ надъ современной душой человѣка произвелъ Египетъ, выбросивъ намъ изъ вѣковъ безумное изваяніе Сфинкса. Надъ пескомъ подымаетъ Сфинксъ океанную свою голову; въ ней—усугубленное безобразіе; болѣе того: въ ней—безобразіе учетверенное; мало того: учетверенное безобразіе то нужно еще возвести въ зную степень, чтобы представить себѣ, что такое Сфинксъ. И поскольку зная степень безобразія за предѣлами человѣческихъ представленій, какъ и зная степень красоты, постольку Сфинксъ переходитъ всё человѣческія мѣры: онъ—отчетливо вопло-

ценная безмѣрность; и ужасно, что безмѣрность эта вложена въ человекоподобный образъ: во-ображена—воображена. Чье-то воображение сочетало все то съ человекомъ: какое-то чуждое «я» столь явно засквозило въ человѣческомъ «я», и, взглянувши на чуждое выраженіе сфинксовой головы, мы начинаемъ чувствовать, какъ срывается въ насъ дно человѣческой личности: и само въ себя въ насъ проваливается «я»: здѣсь—окаянство, здѣсь—мерзость, здѣсь—геніальная провокація; здѣсь на безмѣрномъ разбить символизмъ геометрическихъ фигуръ: какъ будто бы на хеопсовомъ треугольнике намѣтилось вдругъ лицо; какъ будто бы то лицо стало образомъ и подобіемъ лицъ человѣческихъ; какъ будто бы прародимый хаосъ мгновенно предсталъ передъ нами послѣ многомилліоннаго бѣгства человѣческихъ поколѣній отъ его чудовищныхъ странъ: мы убѣгали отъ прародимаго ужаса и тогда, когда были комочками слизи; далѣе убѣгали мы, ставши подобіемъ червей, а когда мы стали обезьянами, бездна легла между нами и прародимымъ.

И вотъ оно, прародимое, насъ настигло, заглянуло въ глаза сфинксовой головой: краснорѣчивая его нѣмота снова заговорила съ нами:

— Ты это знаешь, но ты этого не говоришь ¹⁾.

— Что, что?

— Ты и я—мы одно: то же, все то же: ты это знаешь, и я уличилъ тебя

— Что я знаю?

Краснорѣчивая нѣмота!

Есть два Египта: есть Египетъ подпирамидныхъ мистерій, звѣздныхъ круговъ и золотого магического вѣнца: сѣдобородая магическая тѣнь и теперь, вѣроятно, поднимается къ хеопсовой пирамидѣ; и блистаетъ золотомъ металлическихъ розъ четырехголовый вѣнецъ; и тѣ головы: орлиная, львиная, человѣчья и бычья; четырехушный вопль откликается позднѣе въ четырехголосыхъ благовѣстіяхъ.

Есть и другой Египетъ: и объ этомъ Египтѣ не узнаете вы въ письменахъ герметической мудрости; но тысячи статуй достаточно прокляли его. Есть эоіопское что-то въ египетскихъ древностяхъ. Черный дикарь поднимался не разъ съ юга къ Египту. И не разъ на ливійскихъ пескахъ разливались эоіопскія полчища. Эоіопъ наложилъ на египетскихъ древностяхъ свои злыя пѣсьи печати.

То не проста: вѣчно печать утонченнѣйшихъ думъ переходить предѣлы утонченности; запредѣльное ихъ выраженіе принимаетъ личину варварства; личина же прироста къ лицу. Геніальная мысль порождаетъ чудачество; а чудачество вырождается въ идиотство.

Мы не знаемъ примитивнаго человѣка: и нигдѣ нѣтъ подлинныхъ дикарей. Слишкомъ часто дикарь оказывался обломкомъ геніальнаго

¹⁾ Ты—Заратустра.

прошлаго (феллахъ разительный тому современный примѣръ). То же видимъ мы въ памятникахъ искусства: стилизованная линія утонченнѣйшаго искусства легко переходитъ грань, отдѣляющую ее отъ наивной линіи примитивнаго варварства. Наша эпоха намъ показывала не разъ такое оборотничество. Простодушный эпосъ Гомера превратила исторія въ декадентскую эпопею; декадентъ Гольберъ Гентъ подражалъ будто бы наивнѣйшимъ дорафаэлевскимъ фрескамъ. Удивительно ли соотвѣтствіе стилизованныхъ культуръ, стилизованнымъ косякамъ орнаментальной линіи? Это знакъ того, что культура перешла ей отиѣченный предѣлъ; такъ предѣльными формы культуры становились формами безпредѣльными: безпредѣльность есть хаосъ; и варварство—въ хаосѣ. Многоуміе тогда превращается въ безуміе; безуміе переходитъ въ идиотизмъ. Приведенный мной примѣръ съ кафедры взрѣвѣвшаго изслѣдователя, есть наглядная модель сочетанія тонкости съ идиотствомъ. Сочетаніе то поражаетъ насъ въ умирающемъ Египтѣ. Повальное идиотство нѣкогда здѣсь проплававшихъ культуръ открываетъ вдругъ бездну безумій и въ прохожемъ феллахѣ и въ изваянной статуѣ песьеголового человѣчка. Песью голову позднѣйшаго идиотства египтянинъ надѣлъ на себя; вотъ почему и снится вамъ песья голова на феллахѣ.

Вотъ такимъ-то безуміемъ сперва поражаетъ Сфинксъ: есть въ Сфинксѣ что-то на первый взглядъ эеіопское; будто курносая, безноса я эеіопская голова смотритъ дико и злобно громадными впадинами; каменная голова выражаетъ бессмысліе въ осознаніи какого-то глубочайшаго смысла, ей утеряннаго давно: предлагаетъ бессмысленно свои загадки и тайны. И предметы проваливаются вокругъ, и темнѣетъ взоръ, и вываливается разумъ. Не уходите, постойте: если вы теперь торопливо покинете Сфинкса, мстительно за вами погонится его тѣнь; и въ далекомъ сѣверномъ шелестѣ бѣлоствольныхъ березокъ будетъ слышаться вамъ наступающій шелестъ бессмыслія; на безоблачномъ небѣ протянется удлинненная сфинксова тѣнь.

— Что, что, что?

— Это я—п р а р о д и м ы й!...

Есть глубокая связь пресыщенія съ суевѣріемъ, съ безуміемъ; суевѣрнѣйшимъ становится пресыщенный; есть такая черта пресыщенія въ эеіопской каменной головѣ; есть жестъ заревѣвшаго съ кафедры профессора психологіи...

Отчего вы чудите?

Мнѣ скучно: я хочу необычнаго.

Вѣроятно, такъ не одинъ пресыщенный египтянинъ убѣгалъ изъ дворцовъ въ черные ряды эеіоповъ; надѣвалъ отъ скуки шутовскую пеструю голову. Оттого-то такая тоска глядитъ на васъ изъ очей песьеголового чорта; песьеголовый чортъ—переряженный египтянинъ. Та черта безумнаго пресыщенія явственно выступаетъ изъ эеіопской сфинксовой головы. Ня съ мѣста—въ небѣ тронется мѣсяцъ; передви-

нется тѣнь: страшное лица выраженіе перестанетъ кидаться, подбираясь у губъ въ улыбку презрительной пресыщенности. На васъ тогда не обрушится Сфинксъ; онъ уйдетъ самъ въ себя, самъ себя загадаетъ загадки и тайны. И испуганный тайной, испугается, вѣроятно, и васъ, задрожитъ передъ малымъ ребенкомъ, ужаснется песчинкѣ. Уматчится каменное лицо.

Есть забытые, робкіе люди: страданіе ихъ заставило пережить не только всѣ ужасы, но и всѣ просвѣтленности послѣ ужасовъ. Переживши все то, они навѣкъ остались напуганными. Но со Сфинксомъ происходитъ нѣчто совершенно обратное. Испугъ зажигаетъ и бури трагедій и бѣшенствъ на его вдругъ помолодѣвшемъ лицѣ. Сфинксъ убѣгаетъ отъ васъ, будто измученный горемъ; вы ваволнованно гонитесь за нимъ по пятамъ: нагоняете—в и д и т е, вновь переходите за черту; вновь предѣлы васъ окружаютъ; на предѣлѣ предѣловъ—человѣкообразное страдающее божество, какъ герой стоитъ передъ вами; а изъ каменныхъ впадинъ будто падаютъ слезы. Сфинксъ, очевидно, сбѣгился, перешедши черту, отдѣляющую человѣка отъ звѣря; озвѣрѣвъ, ужаснулся; но страданіемъ пересилилъ онъ ужасъ.

И страданіе просвѣтило его: въ немъ теперь прозвучалъ голосъ иного Египта: къ нему, вѣроятно, теперь подошла сѣдобородая тѣнь, разрѣшить загадку и тайну. И не видно надъ Сфинксомъ, блистаютъ ли розетки лучей четырехголоваго вѣнца; четырехголовый вѣнецъ, голосъ четырехустыхъ благовѣстій на немъ поетъ, вопіетъ, вызываетъ, глаголетъ. Кажется намъ, будто Сфинксъ полетѣлъ черезъ время; тяжкіе грузы съ него свалились въ прошедшія времена; всѣ тѣ во впадинахъ мягко лежавшія тѣни завуалили нѣжно просвѣтленное это лицо; успокоенно смотритъ на васъ луны бирюзоватымъ налетомъ; неземные глаза исполнились нѣгой, томно темнѣя легкой грустью о земномъ, прожитомъ. Онъ останется въ памяти вашей ангеломъ.

Тайны путей, культуръ и послѣднихъ судебъ человѣчества, чудесно переходящія другъ въ друга, во взорѣ сфинксовой головы отпечатлѣлись единовременно: эоіонское идіотское лица выраженіе съ небесной истомой и нѣгой сочетались въ ихъ таинственно связующей грусти; и безногая, дикая, окаянная голова есть воистину голова крылатого ангела; съ пресыщеніемъ сочеталось здѣсь острое любопытство; быстрота съ окаменѣлой мертвенностью ушатаго, головного убора, отъ котораго праздно такъ отвалились куски; бремя безумное лѣтъ углубило лица кривыя облупины, чтобы нынѣ младенческая улыбка заиграла весело на тысячелѣтнемъ лицѣ.

Болѣе получаса я въ песокъ просидѣлъ передъ Сфинксомъ; вмѣстѣ съ нимъ преодолевалъ тернистые круги какого-то вѣчнаго, искони вѣдомаго пути. Звѣрь, трупъ, эоіонъ, титанъ, ангелъ изъ облупленнаго лица на меня смотрѣли по очереди; но и звѣрь, и трупъ, и титанъ, и ангелъ единовременно были даны въ томъ лицѣ; звѣрь, трупъ,

тетанъ, ангелъ образовали кругъ его головы, изъ котораго просунулось прародимое время: прародимое время просунулось мнѣ шептать все о томъ, что его, времени, больше уже не будетъ; что оно, время, отнынѣ и альфа, и омега. Все то было загадано въ Сфинксѣ едино-временно; и развертывая во времени тѣ обрывки сфинксоваго без-смыслія, мнѣ осмысливались мгновенно и пути, и послѣднія судьбы: этотъ смыслъ пролеталъ вихремъ; пролетѣвъ, ускользалъ.

Грустно уставилось на меня лицо тысячелѣтняго Сфинкса. Голосъ все тотъ же недошептывалъ начала давно забытыхъ словъ...

— Что, что, что?

— Ты знаешь? Ты помнишь?

— Да, я знаю, я помню... Что?

Ослѣпленные и оглушенные Сфинксомъ, мы прошли отъ него къ такъ называемому храму Сфинкса; къ этому храму приходится опускаться внизъ; вездѣ громадные граниты необыкновенно прочной кладки; у входа, сбѣгающаго внизъ, ярко луной освѣщенный феллахъ; пройдя внизъ, попадаешь въ просторную, теобразную комнату: плиты, плиты и плиты; потолокъ находится на уровнѣ пустынного грунта, но потолокъ нѣтъ: небо, звѣзды и мѣсяцъ; и феллахи, сверху стоящіе, — таинственные феллахи въ тѣняхъ и въ блескѣ; сбоку коридоръ, ведущій въ гранитныя ниши. Нѣтъ указаній на то, какую роль игралъ этотъ храмъ; многіе относятъ его постройку къ допирамидному времени.

Снова на осликахъ. Снова рысью пересѣкаемъ пески — къ храму пирамидъ: храмъ пирамидъ — известковыя развалины, луной бѣлѣющія.

Далѣе...

Пыльные, едва мы передвигаемъ ноги; едва поспѣваемъ къ послѣднему трамваю, убѣгающему въ Каиръ (уже почти полночь — по случаю лунныхъ ночей есть сегодня ночью трамвай).

Но едва въ изнеможеніи бросаюсь я на сидѣнье, и едва, гудя, слетаетъ съ мѣста трамвай, какъ приходится уступить мѣсто вздыхающей русской: уступаю мѣсто; задняя площадка набита людьми; приходится въ легкой моей накидкѣ пробираться на переднюю площадку, чтобы болѣе часу ежиться подъ напоромъ вдругъ оледенѣвшаго вѣтра.

Бѣшено жужжащій трамвай пересѣкаетъ пустую равнину; о, какая лучистая, ледяная ночь!... Вотъ — Каиръ.

Снова пересаживаемся мы, и опять ледяная ночь меня кусаетъ изъ-подъ складокъ накидки. Мы теперь съ одного конца на другой пересѣкаемъ Каиръ.

Въ два часа ночи возвращаемся мы въ непривѣтный отельчикъ: завтра переѣзжаемъ мы въ болѣе уютное помѣщеніе.

„Современникъ“. Кн. VI. 1912 г.

Восхождение на пирамиду.

Мы посмотрѣли на рыбоватый бокъ пирамиды. Солнце стояло низко. Лучи обливали убгающее ребро матовой желтизной. Сегодня намъ предстояло осилить эту многоступенчатую громадину. Намъ окружали бронзовые кучки феллаховъ; онѣ стрекотали и жужжали вокругъ насъ; свою свободу отъ нихъ рѣшили мы твердо оборонять. Справа, сзади и слѣва начиналась атака бронзовыхъ кучекъ: мнѣ казалось, что объявили войну намъ жители пирамидъ, охраняя ревниво свои пустыя владѣнія. Еще издали я принимался ихъ завѣрять: сегодня же не станемъ мы подниматься; завтра же мы поднимемся въ сопровожденіи не менѣе ста человѣкъ. Увѣреніе не дѣйствовало: бронзовыя кучки неотступно слѣдовали за нами.

Мы старались зайти съ того боку, гдѣ не было ни туристовъ, ни бронзовыхъ дьяволовъ. Хитрость наша не удалась: едва-едва обогнули мы незамѣтно ребро пирамиды; но изъ-за ребра вслѣдъ за нами просунулась что-то намъ стрекотавшая голова; къ намъ уже выпорхнулъ проворный феллахъ; тѣнь его протянулась за нами, ломаясь на рыбовато-желтыхъ массивахъ; за нимъ выпорхнулъ другой, третій, четвертый. Дико опять вокругъ заматались черныя выюны. Въ умыселъ нашъ, очевидно, проникли они, образуя вокругъ насъ сѣть организованнаго шпіонства. Совершенно безрезультатно заманивировали мы; записали круги вокругъ хеопсовою пирамиды; стрекотавшія кучки феллаховъ записали круги вокругъ насъ.

Вотъ, наконецъ, мы удобную улучили минуту: кучки феллаховъ насъ потеряли изъ виду; вверхъ начали мы карабкаться, будто воры; не было въ этомъ карабканьи ничего торжественнаго: и мы вовсе не думали, что одолевается вѣка; только о томъ мы и думали, чтобы насъ не замѣтилъ кто-нибудь изъ падождливыхъ дьяволовъ; отъ падождливыхъ дьяволовъ мы теперь улепетывали въ многомассивную вышину. Это была игра въ кошки-мышки. О пирамидѣ забыли мы въ ту минуту, старательно преодолевая за ступенью ступень: нельзя сказать, чтобы восхождение было удобно; это было вовсе не восхождение, а вспрыгиванье; небольшимъ событіемъ казалось преодоленіе каждой ступени; ничего мы не видали вокругъ; ни на что назадъ не оглядывались: три ступени только и видѣли мы: ту, на которую только что стали, ту, на которой стояли передъ тѣмъ, ту, на которую должны были вспрыгнуть; солнце стояло низко; все же обливало насъ жаромъ оно; мы покрылись испариной; оступалась нога. Такъ около пятнадцати ступеней благополучно осилили мы: именно не прошли, но осилили; и уже на пятнадцатой ступени сказала усталость. Внизъ тогда поглядѣли и намъ показалось, что мы—такъ высоко; поглядѣли вверхъ—многомассивная высь отсюда

была, по крайней мѣрѣ, въ десять разъ выше, чѣмъ у самаго подножія.

Снизу замѣтили насъ: намъ казалось, что насъ поймали съ личнымъ; и проклятый чернохитонникъ съ крикомъ запрыгалъ намъ вдогонку; я кричалъ, я ругался, я топалъ ногами; я почувствовалъ полное безсиліе свое передъ нимъ; онъ показался мнѣ жителемъ пирамиды; я—случайно застигнутымъ въ его обители воромъ; насъ поймавшій чернохитонникъ кротко сталъ увѣрять, что никоимъ образомъ безъ себя выше насъ не пустить, и что вотъ сейчасъ онъ позоветъ къ намъ своихъ сотоварищей; что всѣ вмѣстѣ тогда мы запрыгаемъ вверхъ. Вспомнивъ же время, безрезультатно потраченное на маневры, я рѣшительно заявилъ жителю желтоватыхъ этихъ пространствъ, что спущу его внизъ изъ его владѣній, если тотчасъ же онъ добровольно насъ не покинетъ самъ; съ крикомъ вѣспился въ меня тогда пирамидный житель, намѣреваясь сорвать внизъ и позорно пихать обратно; пронзительнымъ голосомъ онъ насъ сталъ завѣрять, что мы безъ него разобьемся, что головы наши разлетятся, какъ глиняные горшки. Борьба началась не на шутку, межъ нами и нападающимъ жителемъ пирамиды. На помощь къ нему теперь спизу прыгала, руками размахивающая кучка, приближались трескучіе, мерзкіе голоса. Я окинулъ громадину рябчатого бока: я почувствовалъ себя затеряннымъ; городского не было здѣсь. О, если бы здѣсь былъ городской!

Все свое писательское краснорѣчіе призвалъ я къ себѣ на помощь: въ рѣчи, обращенной къ жителямъ пирамидъ, я описывалъ величіе развернутой предъ нами картины и доказывалъ, что истинный джентльмэнъ чувствуетъ въ такіе минуты потребность въ удивленіи и тишинѣ; что когда я вернусь къ новымъ знакомцамъ съ вершины, моихъ новыхъ знакомцевъ ожидаетъ великолѣпный бакшишъ. Можете себѣ представить: они отвѣтили мнѣ, что великолѣпный бакшишъ, разумѣется, за ними, при условіи, однако, чтобы была сохранена драгоцѣнная моя жизнь, которая теперь, будто бы на волосокъ отъ гибели; великолѣпный бакшишъ ускользнетъ отъ нихъ, если я оборвусь. Я замолчалъ: на меня глядѣли сорокъ вѣжковъ и съ десятокъ бронзовыхъ парней; и десятокъ бронзовыхъ парней первѣсилъ четыре десятка вѣжковъ.

Хладнокровіе насъ покинуло; мы заявили феллахамъ, что намъ присутствіе ихъ нестерпимо, ибо имъ окончательно чуждо переживание культурнаго джентльмена и лэди; не безъ основанія отвѣтили мнѣ жители пирамидъ, что не такъ вели себя всѣ культурные джентльмены и лэди на пирамидѣ. Въ негодованіи намъ пришлось слѣзть съ пирамиды (уступить я изъ принципа не хотѣлъ); въ негодованіи послѣдовали за нами наши бронзовые тѣлохранители.

Мы спустились, осыпая другъ друга упреками: мы поглядывали съ презрѣніемъ на феллаховъ; эти послѣдніе съ презрѣніемъ погля-

дывали на насъ; ими были мы уличены въ позорномъ поступкѣ; для нихъ стало окончательно ясно, что я хотѣлъ переступить ихъ владѣніе, не внеся таможенной подати; я же негодовалъ на то, что сорскъ въковъ заслонилъ мнѣ подъ носомъ у меня размахивавшаяся рука. Насъ притащили къ какой-то въ пескахъ приютившейся будкѣ; тамъ засѣдала любезная хаха, въ нарочито-чистой фесочкѣ; любезно попросила любезная хаха отъ насъ росписки: мы должны были заявить, что за жизнь нашу администрація пирамидъ снимаетъ отвѣтственность; тогда получаемъ мы право одни подняться на пирамиду. Солнце сѣло уже: было поздно, — доводы хахи невольно подѣйствовали на насъ.

Все же идти ватагой не хотѣли мы вовсе; а ватага продолжала держать насъ въ плѣну; мы тогда отправились къ феллахскому шейху; его назначеніе—слѣдить за поступками безсовѣстныхъ проводниковъ (ватага феллаховъ оказалась здѣсь стройно организованной). Почтенный шейхъ дѣловито выслушалъ заявленія той и другой стороны; онъ самъ выбралъ намъ единственнаго феллаха; этотъ феллахъ долженъ былъ служить нашимъ проводникомъ. Но едва отошли мы отъ шейха, какъ единственный нашъ проводникъ себѣ выбралъ товарища; тотчасъ же появился и товарищъ товарища; независимо отъ насъ мгновенно была мобилизована и вся черная кучка; подобострастно она бросалась передвигать наши ноги.

Послѣднія средства борьбы были истощены: и мы болѣе не сопротивлялись.

Пирамидный житель ухватился за мою правую руку; а другой пирамидный житель, что есть мочи, рванулъ мою лѣвую руку; третій чуть не уперся въ спину мнѣ головой; то же продѣлали съ моею женой, четвертый, пятый, шестой.

И—хопъ, хопъ, хопъ: загалопировали.

Дружнымъ галопомъ влетѣли мы на крутой пирамидный бокъ; обокъ гдѣ-то крылатый рвался хитонъ галопировавшаго феллаха, прижимавшаго къ груди глиняный кувшинчикъ съ водой; дружнымъ галопомъ мчался мальчишка съ кофейникомъ. Хопъ, хопъ, хопъ—въ необорную вышину!...

Дружнымъ галопомъ мы покинули землю: я почувствовалъ себя безвозвратно потеряннымъ для нея: куда мы неслись? Ступень за ступенью пролетала подъ нами; за ступенью отваливалась ступень. Всюду желтыя заулыбались пространства; будто то была мнѣ невѣдомая планета, на которую впервые ступала человѣческая нога; я уже по опыту зналъ, что скоро мы потеряемся вовсе изъ виду для стоящихъ внизу (сумерки начинались уже): кучкою пепла разотремся мы на пирамидномъ боку.

Тихія, странныя, многоуступчатая пространства; сверху и снизу уходили они отъ насъ въ пепельную мертвизну. Сердце колотилось сильнѣе, все сильнѣе: духъ захватывало, остуналась нога; и когда

оступалась нога, грудью я проникалъ къ желтоватымъ массивамъ: и разрывчатое, человѣческое сердце колотилось сильнѣй въ равнодушный каменный бокъ. Тщетно я вырывался изъ бронзовой дѣсицы феллаха: пирамидный житель продолжаетъ жестоко вскидывать меня вверхъ: хопъ, хопъ, хопъ—галошировали феллахи; хопъ, хопъ, хопъ—галошировали и мы.

Вверхъ, вверхъ, вверхъ иступленно и круто подскакивала людская кучка; внизъ, внизъ, внизъ подъ ноги пролеталъ за массивомъ массивъ. Подъ конецъ перестали мы видѣть рябья пространства пирамиднаго бока. Подъ конецъ перестали и вовсе мы что-либо понимать; равнодушно, безцѣльно и безконечно мы бросались на прямые каменные углы; скоро стало казаться мнѣ, что я раскачиваюсь на мѣстѣ, а облупленные массивы беззвучно обваливаются подо мной изъ пенельной нависающей глубины; и облупленные массивы нѣмо рушились въ бездну; нѣмо отваливались отъ прикоснувшейся къ нимъ ноги; праздно падали изъ пустого пространства въ пустое пространство, откуда убѣжала бывшая здѣсь когда-то земля; ребро пирамиднаго бока изогнулось дугою; мы очутились на огромномъ желтомъ въ пространствѣ висящемъ шарѣ.

Пустынныи шаръ въ пустой пустынѣ,
Какъ дьявола раздуміе,
Висѣлъ всегда, висѣтъ донинѣ—
Безуміе, безуміе! ¹⁾.

Что-то похожее на морскую болѣзнь явственно такъ я испытать на мгновеніе: наши прыжки производили дѣйствіе мертвой зыби. Опять затеребилъ я меня влекущихъ мучителей. И они на этотъ разъ вняли нашимъ мольбамъ.

Мы остановились: четверть пути осилили мы, проскакавъ всего только до сорока ступеней; мы застыли безмолвно на каменномъ выступѣ. И у насъ подъ ногами, сливаясь тѣлами, феллахи образовали тѣсный свой полукругъ. Ниже ихъ простерлась ступенчатая бездна, загибаясь въ мглу сумерокъ—тамъ, тамъ; надъ головой она опять загибалась. Ни конца, ни начала не предвидѣлось этимъ путямъ: сѣрая, тусклая безконечность и середина безъ продолженій; казалось, что пирамидная грань образуетъ окружность; мы же къ той грани едва-едва прилѣпились изъ воздуха; движеніе, грань оторвется—безуміе позатопить сознание, выдавая земнымъ созданьямъ наши раздробленные тѣла у подножія пирамидъ.

Въ сумеркахъ, видѣли мы, на землѣ копошились люди: странно они казались отъ насъ отдѣленными неодолимой чертой, и мы перестали понимать, какъ могли сюда мы попасть? Неужели насъ сюда привела только быстрая галопида? Здѣсь мы были уже за чертой

¹⁾ Гиппиусъ.

на продолженіи какого-то безконечнаго и въ жизни непереживаемаго пути: преодолевали пространство и возвращались къ чему-то; намъ казалось—впереди лежать ступеней милліарды, и—какъ осилить милліарды тѣхъ ступеней? Здѣсь на каменномъ, тускломъ, круто къ землѣ бѣгущемъ пространствѣ, вдругъ сроднились мы, какъ-то съ тѣсно насъ обступившею кучкой феллаховъ: это вѣрно роднила насъ сиротливость. Будь я одинъ, мнѣ навѣрное, показалось бы, что какъ о-то «я» вышло изъ какого-то «я» и не могло возвратиться; и предметы, навѣрное, сошли бы съ своихъ мѣстъ.

Не успѣлъ я отдаться наплыву переживаній: кучка феллаховъ потащила снова насъ вверхъ; началась опять безумная галопирующая: за мою правую и лѣвую руку ухватилось по пирамидному жителю; третій опять уперся въ спину мнѣ головой. Сбоку гдѣ-то крылатый рвался хитомъ подпрыгивающаго феллаха, прижимавшаго къ груди глиняный кувшинчикъ съ водой; дружнымъ галопомъ мчался мальчишка съ кофейникомъ. Хопъ, хопъ, хопъ—галопировали мы зъ не-оборную вышину.

И опять остановка: на этотъ разъ передъ высѣченной площадкой; до площадки той поднимался Наполеонъ. Феллахъ длинную ко мнѣ протянуть свою руку за папирсомъ.

— Половина пути пройдена!

Хопъ, хопъ, хопъ — загалопировали. Духъ захватывало, оступалась нога; безпокойное сердце билось, билось и билось; пролеталъ подъ ноги за массивомъ массивъ, когда равнодушно, безцѣльно, безконечно продолжали бросаться мы на прямые и каменные углы; мнѣ казалось, что я раскачиваюсь на мѣстѣ: что-то похожее на морскую болѣзнь явственно шевельнулось вновь.

Галопировали...

Жену мою остановили внезапно: съ ней случилась для многихъ обычная пирамидная дурнота; мы склонились у каменнаго массива, приблизительно на высотѣ ста двадцати ступеней. Признаюсь, въ ту минуту, когда закрывалъ я собой отъ жены тоскливую глубину, мнѣ туда самому захотѣлось стремительно оборваться, не осиливъ пренятствій, потому что какъ о-то «я» вышло, наконецъ, изъ какого-то «я». Но проворный феллахъ быстро началъ меня успокаивать.

— Ничего, ничего: лѣди сейчасъ оправится; неужели вы думаете, что этого не бываетъ, особенно съ лѣди?

Такъ говоря, онъ водой изъ глинянаго кувшинчика женѣ моей смочилъ виски; онъ смочилъ ей и руки. Но меня охватило что-то въ родѣ испуга: какъ мы спустимся?

Жена оправилась быстро. Мы уже вновь загалопировали въ вышину. И по мѣрѣ того, какъ мы приближались къ вершинѣ, пропадало то чувство необычности, которое мы стали испытывать съ

первой четверти пирамиды. Сумерки этому помогали отчасти. Чувство мистическаго головокруженія (реальнаго головокруженія не испытывалъ я) смѣнилось обычнымъ паёсомъ высоты, хорошо извѣстнымъ тому, кто хотя бы разъ поднимался къ горнымъ вершинамъ: и была ли высота пирамиды дѣйствительной высотой? Совершенно пропала чрезмѣрность Хеопсовой пирамиды, едва на ея вершину ступила нога; обнаружилось, прежде всего, что пирамида не шаръ; во-вторыхъ, обнаружилось, что она стоитъ на землѣ; разстояніе отъ подножія до вершины какъ-то скрылось до чрезвычайности. Глупый шестъ высился на пирамидной площадкѣ; онъ обозначалъ вершины дѣйствительную высоту. Дружно гаркнули отсюда феллахи; дружно протянули руки за бакшишемъ.

Намъ не хотѣлось сходить. Долго мы глядѣли въ пространство. Рядомъ съ нами, застывший феллахъ протянулъ руку вдалѣ:

— Все пустыня, пустыня: полтора мѣсяца нужно, чтобы ее пересѣчь, хотя бы вотъ въ томъ направленіи.

— Вы бывали тамъ?

И пока намъ варили кофе, мы смотрѣли въ пустыню подъ дружелюбную феллахскую воркотню.

Ночь уже быстро спускалась на землю. Въ темнотѣ не видали мы вовсе и ближайшихъ ступеней. Многократно насъ запросто со ступеней снимали феллахи.

Спускъ оказался и быстрѣе, и проще подъема: не было въ немъ ничего захватывающаго.

Наконецъ, вновь стояли мы на землѣ. Къ изумленію нашему и вовсе не сказалась усталость.

Вечеромъ мы уютно сидѣли въ пестренькой нашей комнаткѣ (только что мы сняли ее). Каиръ гремѣлъ за окномъ. За стаканомъ вина вспоминали нашихъ московскихъ друзей. Было тихо такъ и уютно. Въ этой простой, незатѣйливой обстановкѣ просто не вѣрилось намъ, что за какихъ-нибудь два часа мы преодолевали громадину пирамиднаго бока. То, гдѣ мы были, теперь отстояло отъ насъ за миллионы верстъ. Только усталость въ ногахъ напоминала о восхожденіи. Точно на мигъ забылись мы послѣобѣденнымъ сномъ, точно во снѣ совершили мы какое-то астральное путешествіе: мигъ—и проснулись; и уже черезъ минуту вернулись къ тысячамъ маленькихъ мелочей, заслонившихъ невѣроятность.

За стѣной симпатичная наша хозяйка, мадамъ Пешъ, весело наигрывала вальсъ изъ «Веселой вдовы»—наигрывала все то, что симпатичныя комнатныя хозяйки разыгрываютъ въ Москвѣ, Петербургѣ, Парижѣ и Лондонѣ. Мы же усталые, тихіе продолжали болтать о маленькихъ мелочахъ.

Это было въ жаркій, мартовскій четвергъ.

Около Мемфиса.

Еще было раннее утро. Каирская мостовая еще только что разгоралась. Улица Касръ-эль-Нилъ едва начинала напирать своей къ полудню долженствующій разразиться грохотъ. Еще не былъ великъ потокъ фэстоновъ, автомобилей, трамваевъ, касокъ, вуалей, фесокъ, турбановъ. Мы уже приготовились въ путь; захватили съ собой плащи и свертокъ съѣстныхъ припасовъ.

Около «Savoy - Hôtel» толпилась любопытная публика; стоялъ у подъезда великолѣпный автомобиль. Метръ-д'отель, сверкая бѣлизной перекрашмеленнаго бѣлья, во фракѣ стоялъ на подъездѣ, весь скромное достоинство: провожали въ Александрію одну изъ многихъ, въ Каирѣ гостящихъ, коронованныхъ особъ.

Вотъ мы уже на вокзалѣ: не такъ-то легко пересѣчь это пестрое столпотвореніе,—и что такое? Деревянные помосты, парадное, красивое всюду сукно, да бѣлокисейныя дамы, проваливающіяся въ шляпахъ и спрятанныя за кустами цвѣтовъ: тѣ цвѣты—не кусты: то букеты, приготовленные для коронованной особы.

Дальше-дальше.

Мы уже въ поѣздѣ: мы несемъ въ сторону, противоположную Александріи; эта желѣзнодорожная линія убѣгаетъ въ верхній Египетъ. На этомъ пути слѣдуютъ одинъ за другимъ примѣчательные для туриста пункты: Ведрехемъ, куда слѣдуемъ мы, и гдѣ открывается Мемфисъ и дальнія пирамиды; далѣе тамъ слѣдуетъ Васта съ вѣтвью въ Фаюмъ и къ Меридову озеру; далѣе слѣдуетъ Ассиу, Луксоръ (развалины Оивъ и карнакскій храмъ въ ихъ окрестностяхъ); далѣе слѣдуетъ Ассуанъ; далѣе—Вади-Халфа; далѣе убѣгаетъ въ Суданъ желѣзнодорожная линія, оканчиваясь въ Хартумѣ. Предо мною въ воображеніи къ югу развертывается лента древнихъ египетскихъ чудесъ: Серапеумъ, который мы увидимъ сегодня; группы саккарійскихъ пирамидъ и пирамиды Абушира, лабиринтъ и пирамиды Меридова озера, Карнакъ, стовратныя Оивы, Рамессеумъ, колоссы Мемнона, Элефантида, Пилакъ, Дакке, островъ Филэ, изсѣченные въ храмѣ колоссы у Ибсамбула. Такъ предо мною протянута лента на югъ бѣгущихъ чудесъ: но нынѣ я не могу углубиться въ верхній Египетъ; да и помимо всего останавливаетъ меня вспышка чумы между Луксоромъ и Ассуаномъ.

Зеленныя плодородныя поля смѣняются пальмовымъ лѣсомъ, совершенно безлѣснымъ; громадныя пальмы закрываютъ справа и слева кругозоръ. Исчезаютъ людскія селенія, скрытыя строемъ винтообразно исчерченныхъ стволовъ; пальмы то гордо возносятся, отстоя другъ отъ друга на извѣстномъ пространствѣ, то вырастаютъ изъ земли пучками вверхъ расходящихся стволовъ; многіе стволы кверху вѣрообразно расходятся. И вотъ станція Ведрехемъ.

Мы сходимъ.

Поражаетъ порядокъ и стройность въ выборѣ осликовъ и проводниковъ; нѣтъ на васъ нападающихъ толпъ феллаховъ. Мы поступаемъ въ вѣдѣніе шейха; шейхъ самъ выбираетъ намъ осликовъ; онъ же договаривается съ нами о цѣнахъ. Наконецъ, намъ данъ проводникъ и осѣдланы ослики; солнце палитъ уже нестерпимо: въ путь, въ путь. Много часовъ намъ придется сегодня трусить по пустынѣ...

Весело мы проскакиваемъ по деревнѣ; весело мы оглядываемся по сторонамъ: здѣсь уже нѣтъ ничего европейскаго; и охватываетъ насъ подлинный современный туземный Египетъ. Малая кучка туристовъ со станціи разсыпается на осликахъ во все четыре стороны горизонта. Мы одни въ толпѣ толкающихъ другъ друга туземцевъ: справа и слѣва сѣрыя, гладкія земляныя стѣны, точно сѣрыя стѣны разрытыхъ холмовъ; стѣны эти иногда незаконныя; мрачно вѣютъ здѣсь и тамъ грязныя жерла дверныхъ отверстій; пыль, грязь, солома; насъ толкающія феллахины; закачались у нихъ на плечахъ громадные сѣрые кувшины; всюду видишь людей, грызущихъ толстыя свои трости; это трости освѣжительнаго сахарнаго тростника, одновременно служація и дорожными посохами, и освѣжительнымъ напиткомъ; пожичкомъ въ дорогѣ феллахъ срѣзаетъ сочный кусочекъ трости и посасываетъ его.

Весело мы минуемъ деревню; высокая и совершенно безлѣнная стѣна нальмоватаго лѣса придвигается къ намъ вплотную. Мы уже среди частыхъ стволовъ: но солнце продолжаетъ бросать на насъ сверху свою стремительную слѣпительность. Здѣсь, тамъ почва изрыта; она напоминаетъ мѣсто нѣкогда выкорчеваннаго города: если бы срубить лѣсъ, почва явила бы здѣсь громадныя впадины, нѣкогда занятыя стѣнами и фундаментами домовъ; но ни стѣнъ, ни случайно оставшагося камня не встрѣтите вы. Эти-то ряды ямъ всюду поднимаютъ подъ небо свои тонкіе мачтовые стволы. Проводникъ насъ останавливаетъ:

— Мемфисъ....

— Этотъ пустырь?

— Да, больше ничего не осталось отъ Мемфиса...

Нѣтъ, остались лишь двѣ поверженные колоссальныя статуи Рамзеса II-го; передъ двумя колоссами послѣдовательно останавливаются ослики.

Первая статуя розоваго гранита; у ней перешиблены ноги; громадная каменная, отбитая корона лежитъ на землѣ около головы. Судя по формѣ, это корона верхняго Египта ¹⁾. Статуя поражаетъ

¹⁾ Вѣлая высокая корона верхняго Египта отличается отъ красной вырѣзанной спереди короны нижняго Египта: фараонъ носилъ то ту, то другую корону.

развѣ что своими внушительными размѣрами; послѣ художественныхъ перловъ каирскаго музея древностей, послѣ изумительнаго сфинкса, подробно на ней какъ-то не хочется останавливаться: насколько благороднѣй, величественнѣй подлинное лицо этого фараона, выставленнаго въ томъ же музеѣ. Самъ Рамзесъ II-ой былъ прекраснѣе обоихъ своихъ колоссовъ. Время пощадило черты его лица, едва ли не болѣе, чѣмъ камень изображенія.

Несравненно огромнѣе второй сѣрый известковый колоссъ, открытый въ 1820 году; на его правомъ плечѣ изваяно фараоново имя. Недалеко отъ этого колосса нѣкогда былъ мемфисскій центръ, обнесенный бѣлой стѣною; тутъ же былъ и храмъ Фта.

Далѣе, далѣе...

Мы выѣзжаемъ изъ лѣса: благоуханныя зеленѣющія пространства; пріятный запахъ дурманить; изъ пустыни проносятся вѣтерокъ; всюду на поляхъ разбросаны буйволы; всюду на поляхъ темносиніе, черные подрясники работающихъ феллаховъ. Черныя стѣны деревни Саккара огибаетъ мы: за ней нѣкогда находилось главное кладбище Мемфиса; здѣсь встрѣчаются гробницы IV и V династій. Далѣе въ подбѣгающей къ Саккара пустынѣ высятся двѣ группы пирамидъ (среди нихъ пирамиды Пепи I и Пепи II).

Невыразимое пространство песковъ уже на насъ набѣжало; мы ѣдемъ по самому краю пустыни; зеленѣютъ сзади поля съ отбѣгающимъ вдаль уже пальмовымъ лѣсомъ и съ покинутой деревушкой; справа—тѣже приливскія зеленѣющія пространства. Слѣва—песчаная, холмами давящая и мелко вѣтромъ исчерченная зыбь; впереди сѣверная группа пирамидъ Саккары: вонъ пирамида Уны, а вотъ пирамида градусами. И туда-то мы движемся. Меня поражаетъ рѣзкая рукой человѣческой проведенная черта между пустыней и зеленымъ великолѣпьемъ; всюду лишь земляной валикъ вышиной не болѣе метра отдѣляетъ зеленѣющій хлопокъ отъ зыби песковъ. И какъ она здѣсь у зеленого берега безопасна, пустыня: не углубись въ ея желтую, къ себѣ влекущую даль безъ проводника: заблѣютъ тамъ полусасыпанные твои кости. Нѣтъ ничего легче, какъ углубиться въ пустыню; и съ зеленого берега углубленіе то—пріятное *partie de plaisir*; не углубись—и пріятное *partie de plaisir* превращается въ муку.

Вспоминаю невольно военныя авантюры Камбиза въ этой обманчивой странѣ. Однажды персидское войско, въ походѣ на жителей страны Кушъ ¹⁾, не пройдя и четверти пути, побѣжало въ страхѣ обратно еще до встрѣчи съ непріятелемъ: голодные стаи персовъ здѣсь убивали по жребію десятаго въ войскѣ для пропитанія. А другой разъ пятидесятитысячная армія персовъ закопалась въ пески, сбятая съ пути египетскими проводниками: изъ величаваго войска

¹⁾ Вавилонія.

не вернулся ни одинъ персъ. Вотъ она—желтовато, песками, смѣется пустыня; углубись въ ея зовущую даль безъ проводника: скоро кости твои забѣлѣютъ въ пространствѣ.

Мы проѣзжаемъ между двумя возвышающимися въ пустынь плато; на одномъ плато пирамиды центра; на другомъ—пирамиды сѣверной группы; всѣ они несравненно ниже большихъ пирамидъ.

Пирамида Уны полузасыпана; и она невелика. Она прототипъ пирамидъ шестой династии. Другая пирамида торчитъ изъ песковъ своими пятью громадными выступами; углы выступовъ округлены каменной розваленью; пирамида та вся будто осыпалась въ бѣгъ времени. Она считается однимъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ Египта; вышина ея 61 метръ.

Въ сѣдловинѣ между обоими плато ведутся археологическія раскопки. Вонъ, вонъ вдали люди, засыпанные въ песокъ. Мой проводникъ спрашиваетъ меня о чемъ-то:

— Да, да,—отвѣчаю разсѣянно я.

И онъ бѣжитъ отъ меня куда-то въ песокъ. Тутъ только соображаю я, о чемъ спрашивалъ меня феллахъ: онъ мнѣ предлагалъ приобрести мумію, за которой и побѣжалъ.

— Не надо, не надо,—кричу я издали.

Мы продолжаемъ углубляться въ пустыню.

Пирамида градусами проходитъ мимо насъ. Остановившись, посмотримъ мы на ея желтовато-мертвое тѣло; по сравненію съ такой живой Хеопсовой пирамидой, пирамида эта—разложившійся трущъ: вообще саккарійскія и абуширскія пирамиды производятъ издали впечатлѣніе высоко подъ небо насыпанныхъ песку кучъ; здѣсь, тамъ видѣются эти многія кучки; издали глазъ ихъ едва-едва отличаетъ отъ песчаного грунта.

Мы сходимъ съ осликовъ: ноги наши по щиколку убѣгаютъ въ жаркій песокъ; вотъ впереди выросли два сѣрыхъ англичанина въ колониальныхъ каскахъ; одинъ укрѣпляетъ фотографическій треножникъ среди кучи песка; тѣни ихъ на песокъ—коленкорово-черныя.

Далѣе.

Пирамида градусами осталась уже позади; издали сбоку блеснули воды абуширскаго озера. Впереди—песокъ. И вотъ мы уже у гробницы Акхутхотепа. Эта гробница—«мастаба»; подъ землей она состоитъ изъ серіи комнатъ: подземный проходъ ведетъ въ четырехколонный вестибюль и въ комнату те-образной формы; эта комната покрыта раскрашенными, слегка выпуклыми изображениями. Всюду прямоугольныя чистыя плиты, всюду изысканная уютность и простота. Вестибюль простъ; форма колоннъ—четыреугольная.

Великолѣпна и многообразна форма египетскихъ колоннъ; есть колонны четырехугольныя, восьмиугольныя и даже шестнадцатигульныя; и есть круглыя колонны; есть колонны лотосообразныя,

представляющія собой нѣсколько вытянутыхъ и перевязанныхъ лотосовыхъ стеблей, оканчивающихся чашечками капители; иногда капитель изображала пальмовые листья; иногда—четыре въ противоположныя стороны глядящія головы; иногда по столбу колонны выдавалась изъ цѣльнаго камня изсѣченная фигура Озириса; чаще всего пестрою росписью покрыты были эти колонны; онѣ и толще, и короче греческихъ.

Дома древняго Египта были весьма высоки; есть данныя полагать, что было не мало пятиэтажныхъ частныхъ построекъ; обычная форма ихъ—форма равнобокой трапеціи: они были украшены колоннами.

Цвѣта росписи ярки и веселы; эта роспись покрывала цвѣтной матовый грунтъ; преимущественно краски употреблялись слѣдующія: черная, бѣлая, синяя, зеленая, желтая и коричневая. Цвѣтъ мужчинъ—кирпичнокрасный; и желтоватобѣлый—цвѣтъ женщинъ; перспектива—отсутствуетъ; голова обычно нарисована сбоку; глазъ—спереди; также изображалась спереди грудь; ноги опять изображены сбоку; фигуры имѣютъ рѣзко очерченный контуръ; контуръ—тотъ черенъ; если онъ отдѣляетъ двѣ одноцвѣтныхъ поверхности, то онъ—красный контуръ; предметы, находящіеся одинъ за другимъ, рисуются одинъ надъ другимъ...

Вся жизнь древняго Египта въ мельчайшихъ подробностяхъ отпечатѣлась на стѣнной живописи; по ней достаточно можемъ мы судить о нарядѣ, времяпрепровожденіи, играхъ, забавахъ, работахъ, ремеслахъ древняго Египта.

Съ восхищеніемъ постояли мы предъ стѣнной живописью, покрывающей те-образную комнатку гробницы Акхутхотепа. Вотъ сборъ пхируса, а вотъ птичья охота; вотъ гимнастика и борьба. Вотъ событія жизни Акхутхотепа. Маленькія, едва выпуклыя, человѣческія фигурки иснестрили комнатку прелестнымъ орнаментомъ, состоящимъ изъ всевозможныхъ сплетеній стилизованныхъ животныхъ и человѣческихъ тѣлъ. Болѣе у насъ извѣстна фантастическая символика древне-египетской живописи; менѣе извѣстна эта прелестная едва барельефная роспись египетскаго быта; бытовые сцены преобладаютъ надъ символическими. Вся эта живопись веселитъ глазъ. Вся гробница смѣется; здѣсь встрѣчаетъ васъ не убѣжище смерти, скорѣй это квартира молодоженовъ.

Вотъ мы снова въ пескахъ: мы приближаемся къ дому Маріетта; это крытое помѣщеніе въ пустынѣ для туристовъ, располагающихся на столахъ со своею провизіей.

Расположились и мы: часъ отдыха. Ослики наши отжевали свои порціи сѣна.

Далѣе...

Шаговъ четыреста по проваливающемуся песчаному грунту, и мы у гробницы Ти; сюда стоитъ зайти: гробница Ти считается наиболѣе

прекрасной саккарійской гробницей. Надписи на гробницѣ величаютъ Ти завѣдующимъ всѣми работами фараоновъ; гробница относится къ времени половины 5-ой династии. Спускаешься внизъ по убѣгающему въ песокъ ходу и попадаешь въ подземное пространство, окруженное колонками. Это пространство образуетъ правильный квадратъ; сверху—просвѣты. Далѣе проходишь въ коридорчикъ, ведущій справа въ небольшую комнатку (кажется, для жертвоприношеній); коридорчикъ продолжается во внутреннюю комнатку, изукрашенную цвѣтнымъ, едва на стѣнѣ намѣтившимся барельефомъ; цвѣта красокъ здѣсь поражаютъ вѣжнoblдными своими оттѣнками; поражаетъ рисунокъ виртуозной тонкостью работы.

У входа въ коридорчикъ три изображенія, нѣкогда здѣсь почившаго Ти. Во внутренней комнаткѣ опять серія бытовыхъ картинокъ: вотъ Ти съ женой; вотъ мастерскія издѣлій слоновой кости; вотъ Ти, присутствующій въ лодкѣ на рыбной ловлѣ; а вотъ и охота на гиппопотама.

Отсюда отправляемся мы въ Серапеумъ. Здѣсь находятся гробницы священныхъ быковъ, аписовъ. Первоначально Аписъ былъ посвященъ богу Фта; онъ являлся его символомъ; названіе быковъ аписами произошло отъ существительнаго апи (сперва гали), что значить судья; впоследствии культъ Озириса представлялъ его судьей подземнаго міра. Быкъ сталъ символомъ аписа Озириса; изъ египетскаго Озири-али (или Озирапи) произошелъ греко-египетскій Сераписъ. Культъ Сераписа былъ введенъ Птолемеємъ. Храмъ Сераписа, возвышавшійся надъ нынѣшнимъ Серапеумомъ, являлся однимъ изъ средоточій языческаго міра; это было мѣсто, равное по святости Меккѣ или Іерусалиму. Процессіи богомольцевъ ежедневно толпами приходили сюда со всѣхъ сторонъ. Говорятъ, что послѣ римскаго Капитолія храмъ Сераписа былъ великолѣпнѣйшимъ памятникомъ искусства. При храмѣ находилась библіотека, состоящая изъ 300.000 томовъ. Въ царствованіе Θεодосія въ храмѣ заперлась кучка вѣрныхъ язычниковъ; одна изъ лучшихъ библиотекъ языческаго міра погибла.

Нынѣ нельзя даже примѣтить стѣнъ первоначальнаго храма. Все засыпано здѣсь песками. Въ 1850 г. Маріэттъ совершенно случайно попалъ на единственный остатокъ великолѣпнаго храма, заключающійся въ подземныхъ гробницахъ аписовъ; эти гробницы состоятъ изъ разсѣянныхъ гробницъ временъ Рамзеса Второго, изъ маленькихъ катакомбъ болѣе поздняго времени и изъ большихъ катакомбъ времени Псамметиха I-го.

Въ эти послѣднія мы и спустились. !

Вслѣдъ за темнымъ феллахомъ мы прошли внизъ въ черное жерло, убѣгающее въ песокъ; жаръ раскаленныхъ песчинокъ захватилъ намъ дыханіе. У каждаго изъ насъ въ рукѣ было по свѣчѣ, а у проводника еще лента магнія. Въ нужныхъ мѣстахъ подземная чернота на минуту озарялась немигающимъ блѣлымъ свѣтомъ; и снова потомъ упа-

далъ на насъ мракъ, потому что свѣчи тускло раздвигали пространство.

Мы шли по широкому черному коридору до четырнадцати футовъ въ высоту; справа и слѣва разверзались громадныя ниши, дно которыхъ на болѣе, чѣмъ полусажень, находилось ниже уровня коридора; въ этихъ нишахъ стояли гранитныя аписовыя гробницы; всѣхъ саркофаговъ можно было насчитать до двадцати пяти. На одномъ саркофагѣ намъ показали начертаніе Камбизова имени. Мрачно свѣтились изъ боковыхъ черныхъ пастей нишей красноватыя гробницы на коридоръ, когда далеко впередъ и назадъ кидалась магнѣва вспышка отъ пальцевъ феллаха.

Было душно и грозно: я былъ радъ, когда мы вышли наверхъ; подъ палящимъ зноемъ пустыни все же было намъ лучше, чѣмъ въ катакомбной, вызывающей одурь тѣни.

Отсюда предстояло намъ выбрать путь возвращенія. Двумя путями могли бы ѣхать; одинъ путь—это обратный путь: часа два на осликахъ до Бедрехема, и далѣе: въ Бедрехемѣ приходилось часъ еще ждать каирскаго поѣзда; или прямо къ Гизеху пересѣчь пустыни рукавъ, врѣзавшійся въ нильскую полосу зелени. Путь послѣдній мы предпочли; намъ предстояло проѣхать часа три съ половиной въ пустыни подъ яростью нынѣ съ зенита на насъ набросившагося солнца. Проводникъ покачалъ головой: поѣздку черезъ пустыню совершаютъ рано по утру; съ Гизеха, правда, сюда приѣзжаютъ; мало кто возвращается на Гизехъ; ярость солнца опасна въ пустынѣ: молниеносно здѣсь опадаетъ сознаніе блистающій лучами ударъ. Тѣмъ не менѣе, мы стояли за возвращеніе черезъ пустыню. Проводникъ отказался за нами слѣдовать. Къ осликамъ онъ приставилъ мальчишку и показалъ на рыжее впереди бѣгущее пространство песковъ: тамъ былъ нашъ путь.

Мы распрощались съ проводникомъ.

Ни о какой дорогѣ, конечно, здѣсь нельзя было думать: никакой дороги проложить въ пустынѣ нельзя; вѣтры такую дорогу мгновенно желтыми закидаютъ холмами. Единственнымъ маякомъ намъ служили далекія верхушки пирамидъ Абушира. Къ нимъ мы и тронулись.

Жаръ душилъ, блисталъ и сушилъ со всѣхъ четырехъ сторонъ горизонта; сверху падалъ потопъ блеска; и струили снизу свою духоту раскаленныхъ песчаныхъ печи. Сбоку душили пространство отовсюду выросшіе холмы. Небо отъ насъ убѣжало высоко: оно казалось вдвое выше, чѣмъ въ городѣ: землю оно, казалось, вбирало въ свой невѣроятный просторъ; кубовый, кубовый, темнокубовый былъ небесный куполь надъ нами—невѣроятной темноты, невѣроятной прозрачности. А кругомъ пустыня казалась кирпично-рыжей и яркой; всѣ тѣ кирпичнорыжіе свѣты, однако, разбѣгались отъ того мѣста, гдѣ пристально останавливался человѣческій взоръ: всѣ тѣ кирпичнорыжіе свѣты выцвѣтали мгновенно; и въ очахъ была лишь безкрасочная

мертвизна; и, однако, тамъ по краямъ поля зрѣнія, желтеюно, какъ ржавчиной, покрывались пространства; стояло лишь тѣ окружности поля зрѣнія превратить въ центры; и опять выпѣтали центры; и ржавѣли окружности; и ржавѣло вмѣстѣ съ ними покинутого центра тусклое пятно. И рыжѣла приближавшаяся россыпь пирамидъ Абушира.

Сквозь мою колониальную каску порядкомъ таки начинали покусывать жала острия солнца. Лица наши, порозовѣвъ, багровѣли и лиловѣли; наконецъ, стали черныя; въ глазахъ метались какія-то грозно-красныя пятна; высоко на приподнятой палкѣ надъ собою я развернулъ плащъ. Подъ конецъ устали глаза: по бокамъ не смотрѣли мы; по бокамъ и нечего было смотрѣть; по бокамъ развернулся мѣръ тусклостей и мѣръ кирпичнорыжихъ рефлексовъ, на которые пала, какъ вуаль, краснопятнистая въ глазахъ танцующая сѣть; и все то было прописано солнечно-бѣлымъ потопомъ, умножавшимъ химеры, мелькающія въ глазахъ. Подъ ногами бѣжали наши, вовсе, не бархатныя тѣни: они казались гладкими, коленкорово-черными.

Арабченокъ-мальчишка, подсунутый намъ проводникомъ, оказался изъ рукъ вонъ плохимъ мальчишкой; онъ бѣжалъ свади насъ и махалъ безостановочно палкой; и съ безостановочной быстротой совершали ослики свой пробѣгъ по пустынѣ; и безостановочно арабченокъ-мальчишка гнался съ палкой за ними вслѣдъ. Сначала мы ужасались, глядя на арабченка: мы показывали знаками, чтобы онъ не смѣлъ погонять ослевъ (ни по каковски не понималъ этотъ темный бѣсенокъ): было страшно глядѣть на ручьями катившійся потъ съ шоколаднаго его личика. Но когда останавливали мы ослевъ, арабченокъ-мальчишка подымалъ такой ревъ и гвалтъ, что намъ ничего не оставалось, кромѣ того, чтобы подчиниться его капризнымъ желаньямъ (очевидно, къ ночи хотѣлъ онъ вернуться въ свою деревушку); и арабченокъ-мальчишка продолжалъ махать своей палкой. И съ безостановочной быстротой по пустынѣ совершали ослики свой пробѣгъ. Мы бросали мальчишкѣ апельсинъ за апельсиномъ; мы передавали ему бутылки съ водой. Апельсины съ жадностью уничтожалъ мальчишка, и все гналъ, гналъ и гналъ насъ по желтовато-тусклымъ пространствамъ.

Наконецъ, мы забастовали. Мы отказались ѣхать впередъ; и подъ тѣнью песчаного холмика сѣли въ песокъ мы у пирамидъ Абушира.

Это группа четырнадцати пирамидокъ; десять изъ нихъ представляютъ груды развалинъ; мертвыми кучами щебня заторчали тѣ пирамидки передъ нами съ песчанистагоп лато. Не успѣли мы ихъ, какъ слѣдуетъ, рассмотреть, какъ негодный мальчишка забунтовалъ окончательно. Знаками онъ сталъ показывать намъ, что бросить насъ и осликовъ на произволъ судьбы, если тотчасъ же мы не последуемъ за нимъ къ Гизеху. Нечего дѣлать: снова на осликахъ

мчимся мы черезъ песчаные холмики; передъ нами ровное пространство: нѣтъ, вотъ выдѣляются явственно пирамиды Гизеа.

Солнце уже ниспадало; его бѣлые блистающіе лучи стали золотисто блистающими: жаръ не кусалъ головы; не лиловѣли ужъ лица. И багровыя пятна въ глазахъ перестали мелькать. Вотъ незамѣтно слѣва подкралась къ намъ зеленая поверхность долины и мы снова увидѣли валики, отдѣляющіе отъ земли хлопокъ. Выше, все выше заносились громадины Хеопса и Хефрена, и уже издали была подъ ними видна маленькая Сфинксова голова.

Наконецъ, у Сфинкса, усталые, мы отпустили арабченка-мальчишку, кое-какъ протащились, увязая въ песокъ, мимо двухъ пирамидъ, чтобъ забыться за чаемъ въ маленькомъ ресторанчикѣ, со-зерца на дъ зеленую вставшія пирамидъ вершины; по трамваю отсюда должны были мы теперь возвратиться въ Каиръ.

И посыпались пеплы; понеслись надъ меркнувшимъ солнцемъ миллионы пылинокъ. И прошелъ по воздуху здѣсь обычный грустный испугъ. А когда зажглись надъ плато золотокаріе сумерки, трамвай уносилъ насъ къ тысячамъ вдали мерцавшимъ огнямъ; въ морѣ са-довъ утонули сначала мы; а потомъ гигантскія зданія выросли справа и слѣва; надъ головою всталъ желтоватый и душный дымъ.

Снова мы были въ черносѣромъ Каирѣ.

Андрей Бѣлый.

(Окончаніе слѣдуетъ).

СОДЕРЖАНИЕ.

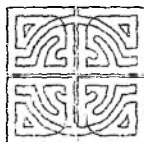
	стр.
I. БРАТЯ КРИВЦОВЫ. Дворянская хроника по неизданнымъ материаламъ. М. Гершензона.	3
II. **. Стихотвореніе. Ю. Анисимова	44
III. ДЬЯКОНЪ И СМЕРТЬ. Разсказъ С. Гусева-Оренбургскаго (Окончаніе)	45
IV. ПЬСНЯ. Стихотвореніе Б. Олидорта.	76
V. БЛУЖДАЮЩІЯ ЗВѢЗДЫ. Ром. Шоломъ-Алейхема. XLII-VLV.	77
VI. БРАКЪ. Романъ. Г. Дж. Уэльса. Авторизованный переводъ М. Дикиардопуло. I—IX.	109
VII. КАКЪ ЭТО БЫЛО. Разсказъ Ивана Вольнаго.	136
VIII. ВЪ ДЕРЕВНѢ. Разсказъ Франциско Асебалъ. Перев. съ испанскаго Т. Герценштейнъ	162
IX. ** Стихотвореніе. С. Городечнаго	166
X. У Л. Н. ТОЛСТОГО ВЪ ГОЛОДНЫЙ 1892 годъ (Окончаніе) В. Величкиной	167
XI. NOA, NOA. Поля Гогэна. Перев. Е. Джунковской	193
XII. ИЗЪ СТАРЫХЪ ВОСПОМИНАНІИ. (Памяти Л. Э. Шишко) I. Смирнова	234
XIII. ЕГИПЕТЪ. (Окончаніе). Андрея Бѣлаго	270
XIV. М. А. БАКУНИНЪ и „БАКУНИЗМЪ“. В. Богучарскаго ...	289
XV. ГЕРЦЕНЪ И ЧЕРНЫШЕВСКИЙ. Очеркъ. Ю. Стенлова	319
XVI. АЛБАНСКИЙ ВОПРОСЪ. Горцева и Влахова	334
XVII. ПРОЗА ФЕТА. Очеркъ. Б. Садовскаго	351
XVIII. ЗАДАЧИ ТАМОЖЕННОЙ ПОЛИТИКИ. С. Прокоповича	359
XIX. ПЕНЧО СЛАВЕЙКОВЪ. И. Калина.	385
XX. НОВЫЯ КНИГИ. Рукописи Пушкина. I. Автографы Пуш- кинскаго Музея Имп. Александровскаго Лицея.—В. В. и Н. В. Мысли Пушкина.—И. А. Стратоновъ. Замѣтки по исторіи земскихъ соборовъ Московской Руси.—Г. Міа. Жизнь и ея проявленія.—Д-ръ Целль. Разумно-ли животное?	391
XXI. КНИГИ, поступившія въ редакцію	399

СОВРЕМЕННОСТЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ,
НАУКИ, ИСТОРИИ, ИСКУССТВА
И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

І Ю Л Ь — 1912

Государственная
Библиотека
СССР
В. В. В. В. В.
№ 1620-54

С.-ПЕТЕРБУРГЪ—1912

Типографія „УЛЕЙ“ Кирпичный переулѣкъ, 3.

Кто любить нагонять страхъ,
 Чьи волосы постоянно становятся дыбомъ.
 Дабы я и мой духъ могли жить,
 О, мой Боже!

Въ этотъ вечеръ я искренно молился вмѣстѣ съ Техурой. Окончивъ молитву, она со слезами на глазахъ подошла ко мнѣ и стала умолять меня побить ее.

И передъ глубокой серьезностью этого лица, передъ совершенной красотой этой живой статуи, мнѣ казалось, что я вижу передъ собой само божество, вызванное заклѣтіями Техуры.

На вѣкъ проклята будь моя рука, если она осмѣлится подвигаться на шедевръ природы.

Она все продолжала меня умолять, чтобы я побилъ ее:

— Если ты этого не сдѣлаешь, ты будешь долго гнѣваться на меня и заболѣешь.

Вмѣсто отвѣта я поцѣловалъ ее.

И теперь, когда любовь моя чиста отъ всякаго недоумѣрія, и я люблю ее столько же, сколько я прежде ей удивлялся, мнѣ приходять на память слова Будды:

„Да, гнѣвъ нужно побѣждать кротостью, зло—добромъ, ложь—правдой!“

Эта ночь была божественна, она была прекраснѣе всѣхъ прежнихъ, и лучезарнымъ проснулся слѣдующій за ней день.

Рано утромъ ее мать принесла намъ нѣсколько кокосовыхъ орѣховъ. Во взглядѣ ея на Техуру чувствовался вопросъ.

Она знала.

Съ тонкой мимикой она спросила меня:

— Ты вчера былъ на рыбной ловлѣ, все ли сошло хорошо?

— Надѣюсь, что скоро опять приму въ ней участіе,—отвѣтилъ я.

Я вынужденъ вернуться во Францію. Важныя семейныя дѣла призываютъ меня туда.

Прости, гостепріимная страна, чуждая страна! Родина свободы и красоты!

Двумя годами старше, но помолодѣвъ на 20 лѣтъ, я ухожу болѣе одичалымъ, чѣмъ я пришелъ, и все-таки поумнѣвшимъ.

Эти павѣжды-дикари многому научили стараго культурнаго человѣка, многому въ искусствѣ жить и быть счастливымъ. Прежде всего, они научили меня лучше познать самого себя, я слышалъ отъ нихъ только самую глубокую правду.

Это было твоей тайной, ты, таинственный міръ?

Ты принесъ мнѣ свѣтъ, и я выросъ, созерцая твою античную красоту и вѣчную юность твоей природы.

вотъ сосредоточенъ центръ греческой и левантійской торговли; подозрительные греки, сирійцы, армяне, турки, егреи выкидываютъ изъ своихъ грязныхъ лавченковъ на грязную улицу каскады восточныхъ великолѣпій; великолѣпія эти перемѣшаны съ европейскими штуками; всюду на размалеванныхъ вывѣскахъ вперемежку изображены то подозрительный восточный чалмачъ, а то подозрительный европеецъ-усащъ, перевязывающій галстухъ; улочки залиты восточной толпою, изобилуютъ грязными кофейнями; также изобилуютъ улочки и ужасающими постоянными дворниками съ многообщающими вывѣсками вроде „Hôtel de l'Europe“; мрачно ютятся тѣ постоянные дворники въ черносырыхъ, выступахъ своими нависающихъ надъ вами домахъ; у входа ихъ вонючій армяно-грекотурко-сиріецъ неизмѣнно зазываетъ проходящихъ гостей. Такова улица Муски, центральная въ этомъ кварталѣ. Въ кварталѣ же Абдианъ проживаетъ турецкая аристократія; архитектурный стиль у этого квартала представляетъ собой возмутительную европейски-арабскую помѣсь.

Западная часть города и составляетъ собственно настоящій Каиръ, находящійся въ получасѣ ходьбы отъ Нила: отъ Аббасіе до Ибнъ-Тулуна тянутся ряды арабскихъ кварталовъ. Въ этой части находятся трое арабскихъ воротъ: Бабъ-енъ-Насръ, Бабъ-ель-Футунъ и Бабъ-Зуейла. Тутъ находится рядъ замѣчательныхъ мечетей, вроде мечети ель-Хакемъ, или мечети Абу-Бакаръ, или ель-Азмуръ. Здѣсь же мечеть ель-Азаръ, интересная, во-первыхъ, къ вершинѣ раздвоенной формой безобразнаго круглаго минарета; во-вторыхъ, еще болѣе интересна эта мечеть тѣмъ, что время ея построенія относится еще къ 972-му году. Въ скоромъ времени по основаніи превращена въ арабскій университетъ мечеть ель-Азаръ; въ мусульманскомъ мірѣ мечеть эта пользуется громкой славой. Въ этой же части города изнутри прелестная ель-Гури возвышается свой минаретъ; эта послѣдняя построена въ 1516-омъ году, султаномъ мамелюкской династіи; минаретику ея раздвоенъ также. Прекрасна внутренняя мозаика ель-Гури; и, помнится, прекрасна накладка черного, бѣлаго и черносыраго мрамора разнообразныхъ отливовъ; этотъ мраморъ цвѣтится яркими пятнами; мраморная накладка прихотливый образуетъ узоръ воеругъ углубленія, обращеннаго въ сторону Мекки; если память не измѣняетъ мнѣ, въ мечети этой остановили мое вниманье цвѣтныя стекла, пропускающія свѣтъ; крестообразное пространство мечети покрывали они загадочно-пестрыми рефlekсами.

Неподалеку отъ ель-Гури въ этой части Каира открываются крытыя галлерей вопіющихъ, взывающихъ и пестрыхъ базаровъ. Въ этой части Каира находится и цитадель, и мечети цитадели, и группа мечетей, расположенныхъ воеругъ. Среди этихъ послѣднихъ, кромѣ мечети султана Гассана, слѣдуетъ отмѣтить мечеть ель-Мах-

мудре, столь по формѣ типичную для всѣхъ вообще египетскихъ мечетей: стѣны ея, какъ у многихъ египетскихъ мечетей, полосатыя стѣны; верхній каменный край этихъ стѣнъ кружевообразно изрѣзанъ; такъ же кружевообразно изрѣзаны верхніе края стѣнъ весьма многихъ египетскихъ мечетей (султана Гассана, Ибнъ-Тулуна, мечети калифовскихъ могилъ). Куполъ крыши надъ входомъ описываемой мечети, какъ и часто купола мечетей въ Каирѣ, высокъ: онъ подтягивается къ себѣ часть стѣны; эта часть втягивается въ куполъ небольшою башенкой. Переходитъ башенка незамѣтно въ высокій куполъ: то сліяніе стѣны съ куполомъ характерно опять таки для мечети султана Гассана, для мечети Магометъ-Али, мечети гробницъ мамелюкскихъ; купола же сидятъ здѣсь не низко на четырехъугольных стѣлахъ (Тунисіа); купола здѣсь какъ бы вверхъ за собой вытягиваютъ стѣны подъ небо. Купола не раздуты, какъ индійскія и отчасти кремлевскія луковки. Вышина куполовъ болѣе ихъ ширины; такая особенность ихъ составляетъ отличие отъ мечетей Константинополя. Чаше всего мечети Каира увѣнчаны сверху однимъ только куполомъ, и опять таки многукупольчаты константинопольскія мечети. Исключеніе составляетъ главная мечеть Цитадели (Магометъ-Али); ширина ея многукупольчатыхъ крышъ болѣе ихъ высоты; въ этомъ смыслѣ она ближе къ константинопольскимъ храмамъ; это объясняется тѣмъ, что въ сравнительно болѣе позднюю эпоху она построена: строителемъ этой мечети былъ константинопольскій грекъ.

Характерна также мечеть султана Гассана. Опять таки на стѣнахъ ея слегка замѣчаются поперечныя полосы; всѣ почти стѣны египетскихъ мечетей полосаты; дѣлѣтъ полосъ—черный, коричневыи, розоватый, розовый, красный (мечеть гробницъ Мамелюковъ); иногда поперечная пестротность достигается вовсе не краской, но пестротностью самого камня стѣны. Всасываетъ въ себя стѣны мечети куполъ; и—гладкій куполъ (въ противоположность лѣпнымъ разводамъ, безобразящимъ купола); углы боковыхъ стѣнъ мечети Гассана образуютъ кругловатыя башенки; два круглыхъ минаретика неравной вышины весело подсакиваютъ палъ нюю. Асиметрія грубо изысканныхъ минаретовъ Каира противоположна симетріи совершенно простыхъ минаретовъ Константинополя. И опять таки слѣдуетъ Константинополю главная мечеть Цитадели (Магометъ-Али). И опять таки въ ней отразилась форма Св. Софіи. Минаретики Каира—длинный и тонкій палецъ, съ однимъ, двумя, тремя утолщеніями, образованными круглыми, какъ кольца, опоясывающими балкончиками; перила балкончиковъ—опять таки кружеваныя. Верхъ алмазовато изысканности представляетъ собой минаретъ мечети Мадфанъ-Кайтбай.

Среди всѣхъ египетскихъ мечетей наиболѣе интересна по формѣ своихъ смѣшеній мечеть султана Баркука, построенная въ 1405

году. Цвѣтъ ея бѣлыи; стѣны гладкія, неполосатыя вовсе; форма—удлиненный четырехугольникъ; на одномъ концѣ удлиненнаго четырехугольника бѣлые купола; на низъ бѣгушія продольныя (не поперечныя) полосы; на другомъ концѣ высятся трехъ-этажные два минаретика; первые этажи минаретовъ этихъ квадратны; невысокія, бѣлыя, гладкія стѣны и правильно четырехугольная форма, и противоположное расположеніе минарета и купола, и (что главное) квадратная форма основанія минаретовъ, все это до смѣшного выдаетъ въ формѣ мечети султана Барбука обычную форму каруашской мечети.

Почти всѣ здѣсь перечисленныя мечети находятся съ части арабской города. Тамъ же находится столь прекрасная издалека (вблизи же нелѣпо пышная) каирская Цитадель; она стоитъ на холмахъ Моккатама; и холмы Моккатама поднимаются выше надъ ней. Желтоватыя стѣны ея здѣсь и тамъ раздуваются пузатыми башнями; высота этихъ башенъ равна высотѣ стѣнъ (въ отлѣчье отъ Московскаго Кремля); каменный край опять таки кружевообразно изрѣзанъ. Двое воротъ ведутъ въ Цитадель, одни изъ нихъ открыты для публики—здѣсь показываються слѣды наполеоновскихъ ядеръ; внутри стѣнъ—площадь; посреди площади мечеть Магомета-Али; и другая мечеть сбоку.

Невообразимый видъ открывается съ Цитадели: многоуступчатыя многократно зубчаты, точно каменнымъ кружевомъ, изсѣченныя стѣны: каменнымъ кружевомъ своимъ онѣ открываются всюду; открываются справа и слѣва; падаютъ внизъ и внизъ; эти стѣны желты; въ желтоватомъ пространствѣ то воздвѣнутаго, то, какъ плита, гладкаго камня среди пыли, сора и облупленнаго известняка—справа, слѣва, внизу—все громадные желтоватые купола, изукрашенные лѣпной работой. Выглянешь со стѣны; за стѣнами—опять тѣ же стѣны, многократно зубчатыя, изсѣченныя точно каменнымъ кружевомъ. Справа мечеть султана Гассана поднимаетъ и стѣны тѣ, и лѣвивымъ желаньемъ въ дымъ небесъ воздушно взлетающій куполь, и преострыя пики залорно-точенныхъ минаретиковъ. И опять таки слѣва вы видите ряды розовато-зубчатыхъ стѣнъ, розоватый рядъ куполовъ, продольно изрѣзанныхъ, полосатое тѣло мечети и лѣсъ минаретиковъ; то пространство—мамлюковъ могилы. Прихотливыя всюду зигзаги стѣнъ, стѣнъ и стѣнъ; и предлинныя купола отовсюду, повсюду преострые минаретики. Точно ватага роскошно украшенныхъ и увѣнчанныхъ чалмами гигантовъ вооружилась длинными шами; но потомъ окаменѣла ватага: каменѣетъ многіе ужъ вѣка; тутъ вѣка призадумались чалмоносцы, опираясь на пики—попустили, померкли, просыпались, обветшали, осѣдая въ желтую пыль да въ вершины многолопастно изрѣзанныхъ высокихъ и зеленыхъ деревьевъ. Вся та Каира часть окаменѣла, присѣла, просыпалась въ желтоватый песокъ; вся та

Каира часть оскалалась внизъ съ подножія Моккатама. Ниже—черноватопыльная даль; въ черноватопыльной дали черное вовсе пространство, и тысячи плоскихъ крышъ покрываютъ пространство то до лѣнливо солнцемъ блистающей полосы Нила; и вдали, вдали въ этомъ мрачномъ и душномъ гаремѣ поднимаются вовсе черные, какъ тѣнь, абрисы каменнымъ кружевомъ изрѣзанныхъ стѣнъ, черные абрисы куполовъ, грозные пальцы тѣневыхъ минаретовъ.

Здѣсь, съ Цитадели, какъ то срадывается уличное движеніе; и громадная пыльная площадь одна—завиваетъ сорные столбы; будто бы нѣтъ движенія и на узенькихъ улочкахъ, выводящихъ на площадь подъ удары одуряющихъ ослѣпительностью лучей: вонь, вонь внизу такой маленький талмоносецъ пробѣгаетъ подъ Цитаделью; и свивается соръ за полой пестренькаго халатника; повыше же, между стѣнъ, съ ружьемъ въ рукѣ замираетъ солдатъ-анимичанинъ.

Цитадель состоитъ изъ трехъ частей: эти части окружены стѣнами; если снизу на стѣны тѣ взглянуть, мококатамскіе холмы образуютъ выше желтоватый, мертвенный фонъ, на которомъ явственно такъ выдѣляется мечеть Магометова; состоитъ изъ сверху придавленныхъ и другъ надъ другомъ вздувшихся куполовъ Магометова мечеть; два высочайшихъ минарета симметрично взлетаютъ подъ небо, такъ отточенные собирающіеся небо укалить стрѣлы.

Обыкновенно здѣсь показываютъ глубочайшій колодезь подъ развѣньемъ—Иосифова Колодезя...

Арабскія улочки—какъ можно ихъ позабыть! Кто хоть разъ побродилъ по тущобамъ Каира, навѣки ихъ не забудетъ; онъ подавляютъ своимъ сверхъестественнымъ безобразіемъ, ужасаютъ и, наконецъ, начинаютъ восхищать; но не тѣмъ восхищеніемъ восхищаетесь вы, какъ въ Тунисѣ: вы восхищаетесь гаммою всѣхъ возможныхъ уродствъ; всѣ возможные неудобства бросаются подъ ноги вамъ. Всѣ возможные дрянные запахи воспаляютъ гортань и слизистую оболочку носа; на васъ скалятся безобразныя пасти подвѣдовъ; безобразныя дыры многоглазыхъ домовъ подозрительно выстигиваютъ каждый вашъ шагъ; многоразличный смрадный грязный и гнойный уродъ подкатывается подъ ноги со всякаго перекрестка, терзать полы вашего платья болячками покрытой рукой. Все въ улочкахъ тѣхъ—черноватый дымъ, черноватый бредъ, черноватая духота съ плотно упавшимъ надъ вашей головой черноватымъ, хамсиннымъ небомъ, поливающимъ васъ вовсе не дождемъ, а должно быть, безвидно падающими блохами, потому что едва вступите вы въ эти улочки, какъ безъ всякаго стыда вы готовы раздирать на себѣ одежды: тѣло ваше начинаетъ зудѣть и горѣть. Узкіе и извилистые лабиринты тѣхъ улочекъ не выпускаютъ того, кто дерзнетъ хоть разъ нырнуть въ нихъ безъ провожа-

таго. Тщетно неопытный путешественникъ запасается планомъ; никакой планъ не способенъ отмѣтить всѣхъ извилистыхъ тупиковъ, переходиковъ, входиковъ, которые, сливаясь другъ съ другомъ и впадая въ главныя артеріи города, образуютъ любой арабскій кварталъ Каира.

Черносырые многоглазые двухъ, а то и трехъэтажные дома справа и слева приваливаются надъ вами безобразными выступами своихъ вторыхъ этажей; кажется—вовсе завалиться тѣ дома; вторые этажи сольются надъ головами: вы останетесь въ узкой, подземной и черной, какъ ночь, кротовой норѣ. Вы идете—блуждающая улочка кажется вамъ безконечной; извилиста ея за извилистой вамъ показываетъ только малую часть; небольшое пространство ея открывается спереди; небольшое пространство открывается сзади; вы думаете, что она куда то васъ приведетъ; но она никуда не приводитъ; безконечно вы кружитесь; крутясь, ничего не видите вы, кромѣ грязи и грязи. Если же васъ обманитъ совершенно гибельная мысль свернуть въ одинъ изъ безчисленныхъ закоулочковъ, гдѣ едва разойдутся два человѣка, и гдѣ грязь, вонь, дымъ и блошинныя стаи увеличиваются обратно пропорціонально ширинѣ закоулка, и гдѣ въ обратной пропорціи вырастаютъ гвалтъ и ежеминутное дерганье васъ за платье, и гдѣ пестрая толпа вамъ грозитъ проломать безъ воздуха задыхающуюся грудь—если вы завернете въ такой закоулочекъ, тотчасъ же закоулочекъ тотъ въ свою очередь завернетъ; завернетъ и еще; завернетъ пять, десять, пятнадцать разъ, отрѣзая васъ отъ только что пройденной улочки; назадъ нигде не сумѣете вы вернуться. О, насколько свободнѣе вамъ покажется только что передъ тѣмъ измучившая васъ улочка! О, насколько ея безконечность покажется вамъ конечнѣе безконечности закоулка! Такъ будете вы праздно слоняться по закоулку, пока закоулочекъ тотъ не сдастъ васъ въ такой же, если не еще болѣе тѣсный проходикъ, чтобы въ свою очередь васъ навсегда отрѣзать отъ закоулочка. И этотъ проходикъ будетъ еще тѣснѣе, еще угрюмѣе всего только что передъ тѣмъ видѣннаго. И будетъ оное совершенно пусто: ничего и тутъ не увидите вы.

Такъ будутъ васъ выплевывать и глотать узкія щели новыхъ все закоулочковъ; и будутъ тѣ закоулочки то совершенно пусты, то наполнены едва-едва, а то туго набиты непонимающей васъ толпою; тщетно будете вы звать къ египетскому городскому: египетскаго городского не окажется вовсе: будетъ онъ, египетскій городской, заткнутый въ свой мундирчикъ, стилизованнымъ жестомъ протягивать палочку на „Avenue de Boulaque“. Здѣсь не встрѣтите даже вы хахи: нарочито-чистыя фесочки избѣгаютъ такого мѣста; затолкаютъ васъ грубые локти галдящихъ и летящихъ арабовъ, а дома пришибутъ упдающимъ вторымъ этажемъ; вы окажетесь мельчайшею пылевою соринкой, заглотанной чудовищемъ.

и просасываемой оквозь тончайшую сѣть капиллярной кровеносной системы.

Такъ превратится странствіе ваше по тупицамъ Каира въ безумную, безцѣльную, изнурительную толчею, пока не пригиснетъ несущая васъ толпа ядовито къ одному изъ многихъ здѣсь тупичковъ, чтобы, вынеся изъ него и пронеся между лабиринтами закоулковъ, не притиснуть къ новому тупичку: между двумя тупиками долго промечетесь вы, какъ пойманная въ мышеловку крыса. И вотъ послѣ многихъ часовъ или совершенно случайно окажетесь около вамъ извѣстнаго центра, или съ радостью увидите на улицѣ линію рельсъ; и случайный трамвай выпихнетъ васъ въ случайное, но уже вамъ извѣстное мѣсто, откуда уже безпрепятственно попадете къ себѣ.

А толпа?

Катятся безостановочно струи людскія съ засоренныхъ, пылящихся, оглашенныхъ верблюжьими реками площадей въ засоренные, оглашенные ревомъ верблюжьимъ арабскіе улицы, улочки, закоулки, проходки; разливаются струи толпы, разбиваясь орызгами въ тупички и обратно: изъ тупичковъ сначала тихо сочатся цвѣтистыя пятна египтянъ, эфіоповъ, грековъ и турокъ, вытекаая ручьями изъ безымянныхъ проходчиковъ; и безобразными, и цвѣтстыми волнами выбѣгаютъ яро изъ улочекъ на широкую площадь, чтобы съ новою здѣсь столкнуться волною: фески, шапочки, фески: шапочки, фески, шапочки; черныя шеши атласно-крылыхъ феллашекъ; и тюрбаны, тюрбаны—тюрбаны изъ всѣхъ угловъ: то они гладко обматываютъ голову, то взбиваются надъ головой безобразнымъ бѣлымъ холмомъ; вотъ промелькнула круглая синеклестая фесочка; вотъ промелькнулъ высокоскрѣзанный фесочный конусъ; черную феску, и феску малиновую книхиваетъ въ переулокъ тотъ же бурный разгонъ.

Все то головъ, усомъ и носомъ столкновение бѣшено на васъ налетитъ, обдавая запахомъ пота и луна, порасплещется въ пыль широкими руками халатовъ; полетитъ передъ вами за халатомъ халатъ: халатъ черный, халатъ синій, халатъ розовый, халатъ золотой, опущенный мѣхомъ и неопущенный; тяжелый, легкій, вовсе прозрачный халатъ; и уже вы несетесь вдогонку за халатомъ канареячнаго цвѣта, потому что компанія негровъ грубо ломится къ плечи вамъ, будто въ широко раскрытую дверь; и уже вы обогнали халатъ, какъ васъ обгоняютъ пензреченнаго вида шаровары; проскакали черныя высоконатянутые чулки съ малиновой шапочкой митиленаго грека... Все то бѣшеннымъ потокомъ на васъ налетитъ, чтобы вокругъ сомкнуться блошинымъ кольцомъ, стиснуть и затолкать; все то бѣшеннымъ потокомъ выпихнетъ васъ на галдящую площадь, чтобы бѣшеннымъ же потокомъ праздню васъ

занихаться въ переулочекъ, бюющійся и трепещущій впереди живой пестротой.

Высокогорбый верблюдъ косолапо наваливается на толпу съ переулка; важная арабская дама на немъ возсѣдаетъ въ неподвижномъ офенѣннѣи; за верблюдомъ нѣтъ переулка вновь наваливается верблюдъ: высокогорбые великаны: третій, пятый, седьмой, девятый; и всѣ девять перегружены арабами, арабчатами, кладью, мѣшками и тюфлями; неужели всѣ девять верблюдовъ ввалятся въ переулочекъ здѣсь надъ пестрымъ водоворотомъ? И вваливаются; и ввалившись, шествуютъ впереди васъ: то какое-то знатное и обычай чтущее семейство выѣзжаетъ изъ города, переселяясь на дачу, если только не суждено ему болѣе далекое путешествіе.

Вотъ съ толпой впискиваете вы въ какое то празднество: празднуютъ, празднуется—только и понимаете вы: кто, что, гдѣ и кого—остается непонятымъ; зычные звуки трубъ разрѣзали боковой закоулочекъ; зычные звуки трубъ зампраютъ снова вдали; оживляются кругомъ бѣлоторбанные лица: „Празднуютъ, празднуютъ“, повторяете вы бессмысленно. Сотни красныхъ флажковъ на веревкахъ, перекинутыхъ черезъ улицы; сотни гирляндъ, затрепетавшихъ флажками, образуютъ надъ улицей спереди кровавую, шелестящую даль; красные флажки на стѣнахъ; красные флажки и въ рукахъ. „Празднуютъ, празднуютъ“—весело вы твердите; кто празднуетъ, и что празднуется—стоитъ ли болѣе понимать! Вы съ толпой переѣдете празднество, вы глядите на подекакивающій, красивый флажокъ: на томъ красномъ флажкѣ бѣлый серпъ наштаганого половитянаго полумѣсяца...

Или вдругъ съ толпой вы вгоняетесь въ крытый базаръ: здѣсь надъ пестрымъ моремъ головъ васъ завидѣвшій прелюбезный турокъ ужь дышитъ фіолетовымъ, желтымъ и пунсовымъ шелкомъ; шелкъ—сквозной: сквозь него привѣтно вамъ улыбается лицо турецкаго носача; или васъ затащитъ желтый халатъ обливать духами; или бросится расшнуровывать вамъ ботинки оборванецъ-сапожникъ, чтобы быстро просунуть носокъ вапъ въ зеленую туфлю: вы опозднились—скинули туфлю; вы удираете, на ходу расшнуровывая ботинки; и оторченный сапожникъ за вами погонится, простирая надъ головой зеленую туфлю ту.

Или васъ передъ бассейномъ выкинетъ людей толкъ: великолѣпный бассейнъ, выбрызгивающій воду. Рассмотрѣть его не успѣете вы,—передъ вами каменная дворцова веранда; надъ верандой колонки—что это за дворецъ? Нѣтъ тутъ никакого дворца, потому что толпа васъ успѣла выкинуть въ закоулочекъ, влихнула и опять выкинула: вы—на площади... Фески, шапочки, фески, шапочки, фески, шапочки; и—тюбаны, тюбаны черныхъ, синихъ, розовыхъ, зеленыхъ опущенныхъ мѣхомъ и неопущенныхъ.

халатовъ; невыразимые шаровары, нечислимые, яркіе и поблеклыя цвѣта. И туристъ, какъ вы, затерянный среди нихъ.

Въ центрѣ Каира, и почти на границѣ съ арабскою толчеей—тамъ, гдѣ она соприкасается съ толчеей европейскою, тамъ, гдѣ обѣ тѣ толчеи всасываютъ другъ друга, и халаты перемишляются съ спортушками,—тамъ, гдѣ какъ символъ этихъ соприкосновений отовсюду на улицу выпрыгиваетъ нарочито-чистая фесочка, и мелькаетъ сиреневоблѣдный смоклякъ—тамъ, въ срединѣ бульвара Магометъ-Али находится безобразное четырехугольное зданіе, двумя противоположными сторонами своими открывался на параллельныя улицы. Одна сторона этого унылаго зданія образуетъ хедивскую публичную бібліотеку; а другая въ пятнадцать залахъ своихъ содержитъ многообразные предметы арабскаго быта: то—арабскій Музей.

Хедивская бібліотека состоитъ изъ 66.000 томовъ; здѣсь находится до 30.000 арабскихъ манускриптовъ (между прочимъ, цѣныныя рукописныя списки Корана). Египетскіе студенты ежеминутно влетаютъ въ бібліотечныя двери; и ежеминутно вылетаютъ изъ нихъ. А арабскій музей изобилуетъ бронзами и блещущими, какъ павлиній хвостъ, громадными вазами: вотъ надгробные камни арабовъ, перевезенные изъ Ассуана; вотъ мраморные камни съ блещущей инкрустаціей; вотъ веселыя, яркія, искрометныя мозаичныя плитки; желтой мѣди тяжелая, многотазая эмирская люстра; лампы, подовѣчники, люстры, вазы, подносы, кубки; далѣе сквозъ залы прихотливѣйшихъ деревянныхъ издѣлій, прихотливѣйшихъ издѣлій слоновои кости съ инкрустаціей, шпигитры, на которыхъ читають Коранъ, наконецъ, рѣзныя массивныя деревянныя двери: далѣе двери металлическія; двери эти перенесены изъ мечетей; лампы, подовѣчники, люстры, вазы, подносы, кубки; далѣе, сквозъ залы керамическихъ издѣлій вы проходите въ залу персидскихъ и сирійскихъ фаянсовъ; далѣе—залъ льняныхъ, шерстяныхъ и шелковыхъ пестрыхъ тканей, многоцвѣтныхъ, прихотливо вытканыхъ платковъ.

Если будете вы продвигаться отъ моста Касръ-эль-Нила, желтоватыя воды Нила оставая вправо отъ себя, безотрадно вы проплететесь вдоль унылыхъ европейскихъ построекъ; монументальнымъ своимъ безобразіемъ поразять васъ постройки тѣ: вотъ чудовищный Семирамисъ-Отель. Вотъ агентство „Великобританія“. Далѣе, вы отдохнете отрадно, едва вступите въ прибрежную серію садовъ, убѣгающихъ пальмовыми аллеями, раскраснѣвшихся клумбами ярко-красныхъ розъ; скоро совсѣмъ убѣжить отъ васъ вправо Нилъ; выкинется островъ Рода между Ниломъ и вами, омываемый слѣва узкимъ рукавчикомъ. Островъ Рода пустыненъ: съ него поднимаются темносѣрые, плоскокрышіе домики—оттуда, отсюда присѣдаютъ за зелеными космами садовъ плоскокрышіе домики

тъ; адѣсь, тамъ—наплываютъ острова, пестянистыя пространства, на которыхъ будто высятся вѣтромъ изломанные стволы перебитыми прутьями: будто они состоятъ изъ друга съ другу бѣгущихъ угловъ, простирающихъ въ пространство черныя и косящіяся жерди; слѣва отъ васъ опять такія плоскокрышіе тѣ же домики установились на помутнѣвшую воду купола, пальмы, на отлогомъ берегу полоскающіеся и повизгивающіе мальчата. Далекими водами улыбается горизонтъ; будто бы прямо съ далекихъ водъ улетаютъ сверху тонкостольныя пальмы; вопъ стволъ прямой; а вопъ стволъ дугою изогнутый; многіе, многіе прямые и изогнутые стволы: вѣрѣ пальмовыхъ листьевъ перпендикулярнѣ въ водѣ, на изогнутомъ стволѣ вѣрѣ пальмовыхъ листьевъ параллельнѣ. Все то издали напѣчается вамъ, и опять отъ васъ пріобрѣтаетъ за кривою, черно-сѣрою линіей стѣнъ. Издали надъ Каиромъ затѣнилось кружево Цитадели, убѣтая вверхъ минаретами съ мекка-тамскихъ высотъ.

Далѣе вы минуете полуразрушенный акведукъ; по формѣ своей напоминаетъ тотъ акведукъ—акведукъ римскій: бывшее назначеніе этого акведука безпрерывственно проводитъ воду въ Цитадель. Тотчасъ за акведукомъ тѣсными окружаетесь снова домами; пыль, люди, блохи—все то снова наладывается на васъ: вы попадаете въ ветхій кварталъ предмѣстья, называемый „Старымъ Каиромъ“. Здѣсь средоточіе старыхъ коптскихъ церквей.

Пеструю смѣсь представляютъ собой арабы Египта: въ свою очередь эта смѣсь образована изъ двухъ смѣсей: во-первыхъ, въ нее вошла смѣсь древнихъ египтянъ съ христіанскими народностями эпохи римскаго византійскаго блеска; во-вторыхъ, съ многочисленными народностями ислама многократно смѣшивалась эта пестрая утомляющая васъ смѣсь: главную роль въ этой смѣси, конечно, играли арабы. Небольшая часть населенія отказалась принять исламъ; небольшая часть населенія заключилась въ стѣнахъ; небольшая часть населенія продолжала исповѣдывать христіанство; эта малая часть египетскихъ христіанъ и доселѣ образуетъ свою группу; группа та себя именуетъ коптами; въ коптахъ, стало быть, больше египетской крови, нежели даже въ феллахъ. Наиболѣе долгое время сохранили копты древнеегипетскій языкъ: этотъ языкъ, исковерканный, и доселѣ встрѣчаетъ насъ въ богослужебныхъ книгахъ; донныѣ на исковерканномъ, египетскомъ языкѣ совершаются коптскія мессы. Ни народъ, ни священнослужители не понимаютъ значенія произносимыхъ словъ: коптскую Библию сопровождаетъ арабскій подстрочникъ. Между тѣмъ коптскія писмена сыграли нѣкогда огромную роль въ египто-логическихъ изысканіяхъ. Ими усиленно занимался Шамполіонъ. Вотъ что говорить Изамберъ: „Шамполіонъ возстановилъ египетскій языкъ

черезъ коптскій, который находится въ такомъ же отношеніи къ древнему языку, какъ итальяскій къ латинскому“.

Среди коптовъ есть православные, католики и схизматичны-евтихіанцы; до неузнаваемости искажились у коптовъ многія черты первоначальнаго христіанскаго быта; такое искаженіе у коптовъ христіанскаго быта объясняется ихъ отрѣзанностью отъ всего христіанства въ эпоху, послѣдовавшую вслѣдъ за арабскимъ завоеваніемъ. Копты пользуются въ Египтѣ исключительно плохой репутаціей. Надъ ними тяготеютъ многія позорныя обвиненія: ихъ обличаютъ въ лихоимствѣ, въ прямомъ грабительствѣ, во всевозможныхъ мошенническихъ проделкахъ. Роль ихъ при арабахъ аналогична была роли евреевъ въ христіанскомъ средневѣковьи. Отличныя ихъ вычисленія многократно утилизировались арабами; неоднократно вѣрялся коптамъ финансовый контроль надъ разоренной страной. Черная попятка лѣтъкогда характеризовала копта, отличная отъ феллаха, во всемъ прочемъ столь похожаго на него.

Доселѣ между этими послѣдними и коптами существуетъ непримиримый антагонизмъ...

Путаницей кривыхъ своихъ улочекъ старый Каиръ превышаетъ все видѣнное доселѣ; немовѣрно ужасна его грязь; немовѣрны, ужасны крикъ, съ которымъ гонять васъ въ тупики старикъ, старуха, арабчата, дѣвчонки. Здѣсь васъ гонять не просто какъ въ другихъ частяхъ арабскаго города: здѣсь васъ гонять со спеціальной цѣлью: ограбить. Вы шатаетесь около улицы ель-Гури, вы затериваетесь въ проходникахъ, но итъ тамъ до васъ никому дѣла: здѣсь же на васъ высыпаютъ глазѣты, здѣсь, какъ воршунъ, рѣютъ надъ вами десятки грабительскихъ желаній, ибо всѣ узнали, конечно, что вы появились здѣсь съ единственною цѣлью: посѣтить коптскія церкви; все населеніе стараго Каира поэтому васъ мгновенно бросается сопровождать.

По извѣстностямъ, переходякамъ вы подбираетесь къ линіи телуанской дороги; часть Каира открывается передъ вами, которая носить названье Касръ-ель-Шамахъ; этотъ то древній кварталъ и составляетъ гнѣздилище египетскихъ христіанъ, или коптовъ; старый, сѣрый, облупленный камень еще римской стѣны отдѣляетъ православныхъ отъ правоверныхъ; впередъ сѣрая стѣна выступаетъ двумя пузатыми башнями: лѣтъкогда здѣсь искали надежной защиты убогія и забытыя кучки оборванныхъ коптовъ, ибо имъ всегда могло угрожать бѣшенство мусульманскихъ стай. Вы проходите въ старую стѣнную проболу, защищенную толстѣйшею деревянною дверью въ три, даже въ четыре вершка толщиной, въ серію еще болѣе дрянныхъ улочекъ попадете вы, гдѣ на каждомъ шагѣ раскиданы коптскія церкви.

Эти коптскія церкви интересны до чрезвычайности; ничѣмъ

не стлчаются онѣ отъ соседнихъ домовъ. Крестъ, начертанный на дверяхъ, отмѣчаетъ Домъ Божій. Черезъ грязный дворъ не такъ легко попасть въ мрачную внутренность церкви; все запущено въ такой церкви; издавна господствуетъ въ ней темнота, рѣмота; право, порой начинаетъ невольно казаться, что вы попадаете въ наглухо забитый подвалъ. Но зажигаются свѣчки—что за великолѣпіе! Прямо предъ вами небольшой деревянный и темный иконостасъ (коптскія церкви во всемъ напоминаютъ греческія); тончайшая кружевная рѣзная работа привлекаетъ всюду вашъ взоръ; часто дерево съ инкрустаціей; инкрустація та являетъ собой тончайшій орнаментъ, гдѣ черныя, желтовато-бѣлыя и темнокоричневатыя полосы завились въ арабскія арабески; здѣсь—точенные все звѣрьки: адѣсь же—извивы слоновой кости. Прimitivesкая византійская живопись останавливаетъ вниманіе. Въ одной изъ церквей, которую мы посетили, остановили также вниманіе въ храмъ проломленная стѣна; когда мы вошли въ этотъ храмъ съ неподметеннаго дворика, съ неподметеннаго дворика туло за нами въ церковь заглядывать сталъ баранъ.

Въ церкви Св. Сергія пространство раздѣлено на три части: въ серединѣ пространство для патріарха; справа и слева пространства для женщинъ и дѣтей. Въ этой церкви показываютъ мѣсто, гдѣ находилось Святое Семейство во время бѣгства въ Египетъ.

Церковь Св. Варвары такъ же, какъ и многія другія коптскія церкви, характерна прекрасною инкрустаціей: ту инкрустацію образуетъ дерево и слоновая кость.

Вокругъ насъ праздно попрыгивала толпа; пространства между коптскими церквами преодолевали мы, будто скачку съ препятствіями; каждый нашъ шагъ нѣзъ-подъ ногъ въ нозъ взметывалъ клубы сѣрые пылин; отовсюду, какъ сажа садилась черная и зловонная грязь; зазудѣло тѣло отъ блошиныхъ укусовъ; зазудѣли уши отъ горластой, праздно подпрыгивающей толпы; зацарапали горло струи острыхъ гари. Такъ преодолевали мы пространства отъ коптской церкви до коптской церкви; всѣ тѣ коптскія церкви походили одна на другую; въ каждой изъ нихъ у насъ выкалывали минимумъ по пятнадцати піастровъ; надо было платить привратнику, служкѣ, ихъ знакомымъ, ихъ дѣтямъ, даже дѣтямъ знакомыхъ; нѣтъ кармана протекъ ручей египетскаго серебра, разбрызгиваясь на большіе и малые піастры; это былъ сплошной организованный грабежъ. О, зачѣмъ заблаговременно не спаслись мы входными карточками! Всѣ коптскія церкви не стояли бы намъ бѣдѣ одной. Въ довершеніе всѣхъ пережитыхъ мукъ проводники, оскорбленный великолѣпнѣйшимъ бакиншомъ, съ испугу предложеннымъ ему мною, чтобы заткнуть его ревунью глотку, гнѣвно потянулся за нами, поднимая крики о томъ, что его я ограбить.

Неожиданное то приключеніе, объясненіе съ городовымъ, высвободившимъ насъ отъ оскорбленій феллаха, имѣли одно печальное слѣдствіе: мы не увидѣли мечети Амры, находившейся недалеко отсюда...

Таковъ арабскій Каиръ.

Многоголосый, пестрый, черносѣрый, блошинный, извительно запечатлѣвается онъ многими тысячами облупленныхъ своихъ стѣнъ; многими тысячами стѣнъ подкрепывается онъ къ черносѣрымъ европейскимъ коробкамъ, по которымъ мчатся потоки фастовъ, автомобилей, велосипедовъ, трамваевъ. Тѣ два Каира, черносѣрый и облупленно желтый, европейскій и азіатскій, сливаясь, даютъ всѣ виды смѣшеній и чудовищныхъ несообразныхъ химеръ; надъ обоими скачутъ чумныя блохи; оба дышутъ въ пространство пыльными тучами, застилающими солнце и луну. Хочется думать, что если бы не было за Каиромъ хамсина, и если бы луга закаирскіе вѣчно лобзали одни отрадные вѣтерки, освѣженные пылью фастовъ, самъ собою бы хамсинъ завелся въ многопыльных нѣдрахъ чудовища-города, изсупая фонтаны, опалая прѣтупія закаирскія поля.

Каиръ—воплощенная, хамсинная преза, закрутившая нагло подъ небо сѣро-желтыя тучи смрада; въ тучахъ смрада высыхаетъ солнце и блекнетъ, налагая на лица прохожихъ желтыя пятна свои; вечеромъ тѣни становятся карими тѣнями, отбѣная въ случайномъ прохожемъ знакомое выраженіе; четко такъ въ случайномъ прохожемъ очерчивается психная голова: психная голова всюду преслѣдуетъ васъ; она гогочетъ, кусаетъ, лаетъ и воетъ, протоняя васъ съ душевой тьмы въ пандушнѣйшую тьму.

И туда, въ пандушнѣйшую тьму, такъ же, все такъ же людского потока движенія—фески, шапочки, фески, шапочки; смокинги и тюрбаны; фэтоны, автомобили, трамваи, вуали, цилиндръ, колониальныя каски, красныя, зелено-розовыя, канареечнаго цвѣта халаты, неизреченнаго вида штаны и носы.

Непріятный, плѣнительный, дикій обезумѣвшій Каиръ!

Н и л ь.

Нильскія струи пузырями шипываютъ у кормы. Голубокрылая фелюга недвижима; но—нѣтъ, нѣтъ: дрогнула; закачалась фелюга, тронулись каирскіе берега; и безостановочно проходятъ. Мы въ Каиръ. Но Каиръ—не Каиръ. Тихія струи легли межъ Каиромъ и нами; въ нихъ блаженно замерло время; здѣсь снимается кротко усталость; пыль и жаръ обвѣваются набѣгающимъ вѣтеркомъ; и шипываютъ пузырями у кормы струи—голубокрылая фелюга безостановочно разрѣзаетъ гладь воды.

Кубовый феллахъ всталъ на корму. За нимъ протянулась,

одежды лопастъ: напряженная рука, отливая бронзой, натянула канатъ; мачта влетѣла; и надулись голубыя полосы паруса.

Мы улыбнулись, и улыбнулся любовный феллахъ: эта улыбка невольна, какъ невольна и грусть; тихая, кроткая улыбка; свѣтлая, кроткая грусть. Пролетаетъ—тамъ, высоко,—птица: какая? Чам-ка ли, ибисъ ли? Не рассмотримъ ей.

Европейскіе города напряжены. Тихія пространства отовсюду посылаютъ туда людей на борьбу: оттуда пространства объявляютъ войну пространствамъ; государства проталкиваютъ другъ друга изъ городскихъ столицъ. Но еще напряженнѣй африканскіе города: безпощаденъ въ нихъ материкистъ поединковъ. Въ Каирѣ же схватываются въ борьбѣ три громаднѣхъ материка. Европа, Азія, Африка здѣсь оспариваютъ другъ друга. Но еще издальца пачался здѣсь *кругой поединокъ*: мировой поединокъ. Въ Каирѣ борется жизнь со смертію. Напряженность невыразима въ Каирѣ. Напряженность въ Каирѣ измучиваетъ.

Кучи домовъ перерывають Нилъ мутной златочешуйчатой полосой; издали эти кучи со всѣхъ сторонъ заваливаются надъ Ниломъ; и есть Каиръ: Нила—нѣтъ. Но стоитъ приблизиться къ издали мутнѣющей глади, какъ она раздается и вдалѣ, и ширь: кучи домовъ все болѣе раздвигаются; за домами приоткрываютъ дома. Каиръ тогда испуганно прячется за береговой линіей темноглазыхъ коробокъ. А когда ступаетъ нога на поверхность фелюги, все зыблется во сторонамъ, и теряется равновѣсіе: то Каиръ испуганно отъ тебя отбѣгаетъ, уступаая рѣжущей и зеркальной стали на него набѣгающихъ водъ;—ты прячешься подъ паруснымъ кровомъ; изъ-подъ голубого крыла ты поглядываешь на Каиръ, и Каира нѣтъ: есть Нилъ. Ты въ Каирѣ: но Каиръ—не Каиръ: желтая протянулась тамъ лента кинематографа: сѣрая линія городской набережной воздушно промазалась надъ водой; а надъ сѣрою лентой городской набережной еще воздушнѣе начертились домовъ квадраты; выше ихъ желтый фонтъ Моккатама съ тѣневымъ кружевомъ Цитадели. Все то воздушно; все то не имѣетъ третьяго измѣренія; все то, что душило тебя, все то, что рыдало, лаяло, голосило, тремѣло, поражается вдругъ сплошной нѣмотой; отъ всего того отнимается реальность; все то убѣгаетъ въ плоскость протянутой ленты; лента движется: нѣмо летятъ воздушные берега; тихо тащится желтый фонтъ Моккатама; и по желтому фону беззвучно пробѣгаютъ домовъ квадратикъ; черновато выкуриваются пухлыя и косматенькія дымки. Нѣтъ берега: огромная, желтовато-стальная сабля набѣжала на берегъ своимъ сверкающимъ лезвіемъ: подъ ея беззвучнымъ ударомъ срѣзалась земная поверхность: но то не сабля: колюблющееся пространство нѣмо хлынуло въ глубину: весь Каиръ теперь—только огромный плотъ, являющій по Нилу рядомъ сваленныхъ на его поверхности дости-

ковъ. Плоть проплыветъ къ вѣка. Ниль—останется. Каиръ есть; но Каира не было; былъ Мемфисъ и былъ Геліополь.

Посреди Нила времени нѣтъ. Посреди Нила есть водное пространство; всѣ предметы отдаются въ пространство; перегибъ за корму—ты увидишь себя опрокинутымъ: все, что сверху, есть и внизу ¹⁾). Только это и знаетъ Ниль, отдавая верхнее въ нижнее, отдавая небу, солнцу и звѣздамъ чуть дрожащія свои небеса съ расплывшейся бѣшеною золотою змѣю. Золотая змѣя бѣжитъ за кормой—убѣгаетъ дальше, все дальше: не оттого ли астрологи приображали дискъ солнца львиноголовой змѣей, что въ струѣ ильи-ской она—змѣя золотая; юный мѣсячный серпъ—серебристаястая рыбка: звѣзды—струйки алмазные. Посмотри—расплывались на Ниль солнечные зигзаги; золотая, живая чешуя трепетнымъ мостомъ протянута къ берегу: изъ фелюги бы выскочить—побѣжать по золотому, живому мосту: блески солнца зацвѣтываютъ весело: неубоявшимся апостоламъ доверчиво ты пройдеши по водамъ.

Милъ—и разъялся золотой мостъ воздушный: толбое крыло вѣтрѣчной фелюги островерхимъ парусомъ вѣзало въ солнце: темный парусъ: темная бросилась отъ паруса тѣнь. Кубовый феллахъ тамъ стоитъ на кормѣ; за нимъ протянулась лопасть одежды: напряженная рука, отлекая бронзой, опустила канатъ; дрябло захлопалъ морщинистый парусъ; десятки солнечныхъ копій снопами полетѣли въ глаза, мимо глазъ, ударились въ воды, змѣямъ заплескал на нихъ: вотъ она—солнечная змѣя; вотъ солнце—отданное Ниломъ; опять до самаго берега протянута чешуя. Берегъ—но гдѣ берегъ? Гдѣ бѣгущіе квадраты домовъ? И гдѣ грунтъ моккатамскій? Далеко, далеко убѣжало все то; а все то, что бѣжитъ по берегу лентой—иное: кудрявая и зеленая лента. Издали рвутся пальмы тѣневыми всплывками вѣтвей; ближе ихъ пробѣгаютъ стѣны коричневой деревеньки; надо всѣмъ тѣмъ пространствомъ оплутинилось косыми, косыми такимъ солнечнымъ лучами; темносилее теперь зеркало Нила: отбѣгаетъ отъ кормы, отъ кормы и все и то темносилее зеркало, тутъ, тамъ отблещать, набѣгаетъ на зыблемый носъ фелюги; на голубой парусъ, летящій вперед; и то темносилее зеркало смыкается за кормой; отъ кормы отбѣгаетъ и пошипываетъ пузырьками; и пузырьки такъ, а темносилее зеркало, убѣгая, блеснетъ, и отблещать, попадется кубовой гущей, чтобы снова блеснуть тамъ, гдѣ передъ тѣмъ не было никакого блеска. Такъ бѣжитъ Ниль къ Каиръ; и кажется, будто спереди онъ вытекаетъ изъ неба, такъ что, если плыть все впередъ, скоро въ лодкѣ заплаваешь ты по густымъ небесамъ; шеревъзая пространства небесъ, полетитъ фелюга твоя, а... куда полетитъ? Не туда ли, куда съ тысячами пролетали древнія

¹⁾ Изреченіе „Мауридуной Скрижали“, Тотъ.

египетскія фелюги, вѣроятно, такія же бѣлоголубыя? Фараонъ пролетаетъ съ Нилу за фараономъ; всѣ фараоны ушли въ залепещную темноту; отплылъ древній Египетъ: не наша ли очередь плыть, а... куда плыть?...

Кубовый феллахъ улыбается у насъ за плечами; руку свою протянулъ дружелюбно, и въ руку ту ему я кладу... портъ-сандскую сигаретку. Улыбаемся мы—улыбается и онъ, а... чему улыбается? Тому ли, что мы попили твердую почву, и что Каиръ—теперь не Каиръ, не Египетъ—Египетъ; и что даже земля не земля, а... такъ что-то: отходящая въ сумерки лента кинематографа, на которой смываются всѣ краски, всѣ звуки? Скоро лента сама свернется, скоро ночь упадетъ на землю...

Гдѣ то мы будемъ во всю долгую, непроглядную ночь?

Но мы стряхиваемъ очарованіе: портъ-сандская наипроска такъ сладка, такъ сладка.

И должно быть, думаемъ мы о томъ, что Каиръ насъ пмучилъ, что уже около мѣсяца выпущены мы задышаться въ этомъ дымѣ и пеклѣ; едва въ Каирѣ оканчивается бредъ реальный—бредъ гудящихъ автомобилей, трамваевъ, фаэтоновъ, вуалей, ка-сокъ, тюрбановъ—такъ начинается подъ Каиромъ иной, уже не реальный бредъ: бредъ пирамидъ; далѣе переходить оба эти бреда другъ въ друга: Каиръ узнаешь въ пирамидѣ, пирамиду въ Каирѣ. Улицы арабской неимоверной гвалти переходить въ неимоверную тишину пирамиднаго бока. Только здѣсь, на Нилѣ, въ водѣ смы-ваешь и Каирскую, и пирамидную землю. Жаркое отблескѣнье переходитъ въ текучую прохладу—здѣсь.

— Ты продолжаешь сердиться на писема?

— Можно ли сердиться среди всего этого,—и рукой показываю я на пространства кубовой гущи, отблеставшія только что.

— Ты думаешь?

— Нѣтъ не думаю, а—ты?

— Я не думаю тоже.

Можно ли остановиться хотя бы на одной мысли, когда все такъ безсмысленно утекаетъ вдаль: утекаетъ вода; берега утекаютъ тоже; утекаетъ солнце въ пепельнобѣдную пыль; стрѣлой летящая моторная лодка разрѣзаетъ зеркальность; всюду стаи бѣлоголубыхъ парусовъ нагоняютъ другъ друга, чуть вздрагивая, замедляя на струяхъ; и потомъ слетаютъ опять: и летятъ, и летятъ.

И мы возвращаемся.

Зеленоватый солнечный кругъ печально, праздно, ненужно вѣзетъ надъ пальмою со стороны ливійской пустыни. Мертвенно засѣрѣли опять съ каирскаго берега желтоватая, раскаленная зданія, остывая и разверзая отверстій своихъ то черныя, а то голубыя стенольныя очи; вонь—казарма-чудовище; вонь—чудовище Семипрамиръ-Отель.

Тускло, тускло теперь вокругъ: нѣтъ, то не вечернее освѣщеніе. Лучезарность въ Египтѣ отсутствуетъ; если и блистаетъ здѣсь солнце, если нѣжный на все накладывается полутонъ, то лучи, которые освѣщаютъ воздухъ—совсѣмъ особые лучи. Чѣмъ нѣжнѣй и чѣмъ искристѣй, тѣмъ коварнѣй вытягивается къ душѣ какая-то длинная тѣнь—не тѣнь ли тысячелѣтій? Пршшлое грузомъ облупленныхъ камней обрушивается, чтобъ тебя раздавить навсегда: и душа твоя въ катакомбѣ: катакомба же—черная катакомба, какой бы блескъ ни сіялъ вокругъ: подобно тому, какъ томная кошка, бархатной лапой тебя погладившая по сердцу и потому въ сердце возвышавшая свои жестокіе когти—ужасъ и бредъ вырастаетъ изъ очарованій египетскаго полудня. Болѣе чѣмъ гдѣ-либо въ Египтѣ вспоминалъ примѣчательныя Гоголя слова: „Вамъ, безъ сомнѣнія, когда-нибудь случалось слышать голосъ, называющій васъ по имени, который простолюдины объясняютъ тѣмъ, что душа стосковалась за человѣкомъ и призываетъ его... Признаюсь, мнѣ всегда былъ страшенъ этотъ таинственный зовъ. Я помню, что въ дѣтствѣ я часто его слышалъ: иногда вдругъ, позади меня кто-то явственно произносилъ мое имя. День обыкновенно въ это время былъ самый ясный и солнечный; ни одинъ листъ въ саду на деревѣ не шевелился; тишина была мертвая; даже кузнечикъ въ это время переставалъ кричать; ни души въ саду. Но, признаюсь, если бы ночь, самая бѣшеная и бурная, со всѣмъ адомъ стихій настигла меня одного среди непроходимаго лѣса, я бы не такъ испугался ея, какъ этой ужасной тишины среди безоблачнаго дня. Я обыкновенно такъ бѣжалъ съ величайшимъ страхомъ и зашвырнувшись дыханіемъ изъ сада, и тогда только успокаивался, когда попадался мнѣ навстрѣчу какой-нибудь человѣкъ, видъ котораго изгонялъ эту страшную сердечную пустыню“.

Я выпиываю здѣсь цѣликомъ эти изумительныя слова. Ни въ одной странѣ не настигаетъ такой ужасъ, какъ въ Египтѣ: тѣнь того необычнаго состоянія духа, которая продиктовала Гоголю приведенное мною признаніе, эта тѣнь, должно быть, есть обычное состояніе духа придавленнаго египтянина. Что-то вѣчно здѣсь гонится изъ невообразимыхъ уму измѣреній за слѣпымъ человѣкомъ; я, по крайней мѣрѣ, какъ и всѣ въ Каирѣ, не разъ бѣжалъ съ величайшимъ страхомъ по улицамъ и садамъ, а когда попадались навстрѣчу бѣгущіе люди, я прочитывалъ въ глазахъ у нихъ тотъ же смутный испугъ; и ихъ видъ не изгонялъ во мнѣ раскрывшуюся внезапно сердечную пустыню, куда проваливалось какое-то я изъ какого-то я.

Только сердечная та пустыня—не пустыня вашего сердца. И тутъ Гоголь безусловно неправъ. Не замѣчали ли вы, что въ нашемъ внутреннемъ мірѣ, въ сокровеннѣйшихъ изгибахъ вашего внутренняго я есть два міра, о которыхъ можете вы сказать только

то, что оба внутреннихъ міра другъ въ другу имѣютъ такое же отношеніе, какъ весь вашъ внутренний міръ къ міру внѣшнему; есть во внутреннемъ мірѣ неизъяснимыя, но всеѣмъ внутренний опытъ имѣющимъ вѣдомыя нападенія какой-то васъ подстерегающей силы, передъ которой вы тѣмъ болѣе беззащитны, что нападенія ея совершаются внутри васъ. Сердце ваше цѣтѣтъ, но подуетъ извѣтъ (внутри васъ) на сердце ваше хамсинъ, и оно спалается. Вы современемъ начинаете подмѣчать, что иныя внѣшнія желочи, люди, и даже страны то уменьшаются, а то наоборотъ увеличиваютъ условія возможности появленія въ васъ этихъ, васъ настигающихъ безымянныхъ чувствъ: всѣ такіе предметы играютъ роль медумовъ между вашимъ внутреннимъ я и его окружающимъ, въ васъ развивающемся хаосѣ. Почва Египта медумична до крайности; едва ступаешь на почву ту, какъ начинается медленно въ вашемъ внутреннемъ мірѣ разрушаться какая-то стѣна между внутреннимъ внутренняго и его внѣшнимъ: въ тайной вашей твердынѣ тайный обнаруживается ходъ изъ невѣдомыхъ странъ астральнаго міра; изъ закрытой стѣны появляется длинная тѣнь: столыкъ вашъ тогда становится вовсе не столыкомъ. и феллахъ уже не феллахъ: если бы Мефистофель преслѣдовалъ Фауста здѣсь, въ Египтѣ, вѣроятно, легче бы было ему вырастить изъ чернаго пуделя, потому что всякое я, какъ не я, начинаетъ смотрѣть въ Египтѣ.

Вотъ такому то странному самоощущенію соответствуетъ прямо и каирскій шумъ и безумная тишина пирамидъ; а когда египетскій бредъ присѣдаетъ за сладостные сады, и когда лавая въ душу просачивается сладость, скрыто входитъ со сладостью и безыкая, ядовитая тишина, чтобы потомъ въ душѣ развернуться мгновенно.

Сады въ Египтѣ шумятъ; на вѣтвяхъ качаются изумрудныя сирини-птицы; сладки пѣсни тѣхъ сиріновъ кивовъ чуть слышные лепеты подползающихъ струекъ; болью онѣ отдаются въ душѣ. Вся та сладость Египта—ложная сладость: всѣ въ ней краски становятся нестерпимо нѣжными красками, и всѣ тѣ голоса—голосами райскими. Мигъ—и все поразить пепель: въ пепельной вечера синевѣ вдругъ проступить во всемъ угрожающая коричневая духота: сиринь сладчайшій тогда отлетаетъ отъ воздуха; и звукъ—нестерпимо рѣзущій звукъ...

Всѣ тѣ ощущенія, въ мысли не проявившись, сотрясаютъ меня, когда съ берега гонономъ наступаешь на насъ Каиръ: грозно и грустно. Фелюга несется обратно; отовсюду тусклости настигаютъ насъ; тусклости изъ-за плечъ заглянули въ лицо намъ; въ тусклостяхъ булавскіе, отходящіе берега: тамъ стоятъ деревья—изорванные, изломавшія руки—изломавшія руки въ непонятной страстной молебѣ. Непоконная скорбь поразила прибрежныя земли; и прибрежныя земли выглядят прилетѣйскими землями: точно мы возвращаемся въ непокойный Аидъ изъ темнотодубыхъ далей; не-

покойныя акценія тѣни простирають съ берега руки: тѣмъ-то съ берега прожигается мгла: земли тѣ—золотокарія земли, пораженныя испугомъ; египетскій испугъ поразилъ и дома; и мучительно смотрять домовыя окна.

Мы подь набережной.

Высоко загнулся облоголубой шарусь надь нами; теперь къ нему подбирается съ неба сериъ; этотъ сериъ отдается небу обратно серебристыми рыбками; вотъ бѣшеннѣй заметался мѣсячныя рыбки на раскачавшейся зыби убѣжавшаго пароходика—вотъ какъ тамъ онѣ заплесали подь Касръ-ель-Нильскимъ мостомъ; мѣсячныя рыбки теперь слились въ одно сплетенное зигзаговъ, являющихъ быструю смѣну арабскихъ письменъ; серебряное начертаніе молниѣю чертится за серебрянымъ начертаньемъ; серебряистая письменность—арабскіе знаки водъ!

Въ какія же слова сливаются искрометныя буквы? Кто-то намъ перескажетъ искрометную эту бесѣду мѣсяца на водѣ?

Я пріѣхалъ въ Каиръ, чтобы побывать въ Оивахъ. Въ Каирѣ намѣревался недолго пробыть. Каиръ показался мнѣ воплощеніемъ бреда: неудобствами, грязью меня встрѣтилъ Каиръ. Въ Каирѣ хотѣлъ бы я пробыть не больше недѣли: но въ Каирѣ ровно мы просидѣли мѣсяцъ; всѣ виды неудобствъ, и всѣ виды путаницы преслѣдовали насъ въ этомъ нечѣлномъ городѣ. И прежде всего путаница въ денежныхъ дѣлахъ. Мѣсячное пребываніе въ Каирѣ стоило намъ столько же, сколько недѣльное пребываніе въ немъ, плюсъ поѣздка до Оивъ и далѣе до Ассуана. Вишняя путаница насъ безцѣльно посадила на мѣсяцъ въ Каирѣ. Люди, посадившіе насъ на эту путаницу и не понявшіе, чего они насъ лишаютъ въ Египтѣ, до конца останутся при своемъ мнѣніи: но все же я благодаренъ путаницѣ, задушившей насъ мѣсяцъ въ миллионномъ хамсинномъ городѣ и безцѣльно лишившей насъ Луксора и Ассуана. Мѣсяцъ жизни въ Каирѣ именно вслѣдствіе пережитыхъ мукъ, большей частью, не поддающихся раціональному толкованію, углубилъ мой взглядъ какъ на Каиръ, такъ и на отношеніе къ нему пустыни, пирамидъ, Сфинкса: мало пріѣхать въ Каиръ и осмотрѣть пирамиды; мало просибаритничать въ фешенебельномъ кайрскомъ отелѣ. Надо въ Каирѣ промаяться, какъ промаялись мы,—подъ токомъ хамсина, подь градомъ неприятныхъ, подчеркивавшихъ ужасы Каира пишемъ.

Мы все это пережили: пережили и дразнящую невозможность углубиться во внутрь Египта, пережили и горькое чувство отъ три недѣли растрчиваемыхъ безцѣльно въ Каирѣ денегъ, пережили и горечь писемъ, преслѣдующихъ насъ изъ Россіи.

Переживъ все это, мы узнали, что такое Каиръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, быть можетъ, поняли мы, что такое Египетъ.

Андрей Бѣлый.